

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Т.Д.ЗЛАТКОВСКАЯ

МЁЗИЯ
В I-II ВЕКАХ
НАШЕЙ ЭРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

///Leporello

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Под редакцией

проф. В. Н. ДЬЯКОВА

Выпуск 2

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

М Ё З И Я

В I И II ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

(К ИСТОРИИ НИЖНЕГО ДУНАЯ
В РИМСКОЕ ВРЕМЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена в основном истории тех племен и народностей, которые населяли в I в. до н. э. — II в. н. э. территорию, вошедшую в состав одной из дунайских провинций Римской империи — Нижней Мёзии, т. е. территорию, расположенную между нижним течением Дуная и центральным массивом Балканских гор, составляющую в настоящее время северную часть Болгарии и румынскую Добруджу.

Если изучение истории римских провинций представляет большой интерес, так как дает возможность изучать не только историю римского народа-завоевателя, но и историю племен и народностей, населявших Римскую империю, то изучение Мёзии, в частности, со многих точек зрения представляет особый интерес для советской исторической науки.

В свете указаний товарища Сталина о том, что империи рабского и средневекового периодов представляли собой конгломерат племен и народностей, имевших свою экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки¹, изучение истории племен, населявших провинции Римской империи, в том числе основного населения Нижней Мёзии — северофракийских племен, имеет большое значение. Поэтому в настоящей работе мы старались обращать главное внимание не на пришлый римский элемент, а на местное население страны, уровень его экономики, социальную и политическую структуру².

Фракийские племена на рубеже нашей эры и в два первых века ее заслуживают особо пристального внимания. Именно в этот период произошел окончательный переход их от первобытно-общинного строя к классовому рабовладельческому обществу. Тема исследования дает возможность

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12—13.

² Вопросы, связанные с культурным развитием фракийцев и их религиозными верованиями, не затрагиваются ввиду большого объема и сложности проблемы, могущей служить темой для самостоятельного исследования.

проследить историю фракийской народности на территории Мёзии на протяжении двухсотлетнего развития. В связи с этим стоит вопрос о причинах и стимулах развития мёзийского общества: являлось ли основой этого развития римское завоевание и римское влияние или же внутренние производительные силы страны? Была ли связь между первым и вторым явлениями? Эта проблема фрако-римских отношений чрезвычайно важна для выяснения хода исторического развития Мёзии. Важно также установить, в какой степени римское влияние коснулось бассейна нижнего Дуная и какие слои мёзийского общества были им затронуты.

История Мёзии связана с историей юга нашей страны. Отдельные населенные пункты между Дунаем и Днестром входили в состав римской провинции Мёзии, так же, как, повидимому, некоторое время и город Херсонес на южном берегу Крымского полуострова, в четырех километрах от современного Севастополя. Усиление или ослабление влияния Рима на Дунае отражалось и на взаимоотношениях между Римским государством и Боспорским царством.

История Мёзии дает богатый материал для изучения римской армии и особенно ее вспомогательных войск (*auxilia*), игравших большую роль в истории Римского государства. Кроме того, изучение этнического состава мёзийской армии, хозяйственной роли ее самой и ее ветеранов в хозяйственной жизни этой провинции непосредственным образом связано с историей аборигенов этой страны.

Героическая борьба местного населения Мёзии против римлян на всем протяжении исследуемого периода дает возможность поставить вопрос о народно-освободительных войнах в рабовладельческом обществе. Изучение истории Мёзии позволяет проследить развитие причин, которые сделали эту римскую провинцию наиболее уязвимым звеном в системе обороны римских пограничных провинций. Наконец, перед исследователем Мёзии II в. н. э. неизбежно встает вопрос о том, в чем первоначально проявился в Мёзии экономический и политический кризис рабовладельческого общества, начавшийся в Римской империи в конце II в. и охвативший ее в III в. н. э.

Высказывания основоположников марксизма-ленинизма по вопросам рабства и рабовладения помогают правильно осознать общий ход исторического развития античного общества. Для советских историков, работающих над изучением истории племен в Римской империи, чрезвычайно важно высказывание Энгельса о состоянии провинций Римской империи, которое дает четкое направление основной линии развития римского провинциального мира, пришедшего в результате римского

господства к обеднению, сокращению торговых сношений, и т. д.¹. Указания Энгельса о вымогательствах наместников, сборщиков налогов и солдат полностью применимы к Мёзии и характеризуют как нельзя лучше положение дел в стране. Не менее важно указание Энгельса о том, что на определенном этапе развития «союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их»². И. В. Сталин в своих трудах неоднократно подчеркивал роль племен и народностей в истории рабовладельческих государств³ и, в частности, роль «варваров» в падении Римской империи⁴. Эти указания товарища Сталина нашли подтверждение и в истории Мёзии.

Литература по отдельным вопросам истории Мёзии довольно обширна. В ней четко прослеживаются два противоположных взгляда на историю этой римской провинции. Одна группа реакционных исследователей, яркими представителями которой в XX в. являются А. Альфольди, Б. Филлов и Э. Грэн, превозносит действия военной римской власти в провинциях. Полностью сводя на нет всю историю местного населения нижнего Дуная, которое, по мнению этих историков, с момента римского завоевания было частично уничтожено, частично романизовано, они занимаются только исследованием истории римских легионов и их лагерей, римской колонизации, римской администрации и т. д. В соответствии с этим они видят стимулы развития дунайских провинций в римской, главным образом в военной политике на Дунае, а в римлянах — народ как бы призванный править миром. Однако эта профашистская тенденция встретила решительное противодействие в работах другой, прогрессивной группы ученых. В последнее время в Болгарии вышел ряд работ, пытающихся с материалистических позиций осветить внутреннюю историю Мёзии и Фракии. В работах Хр. М. Данова, Д. П. Димитрова, Я. Тодорова уже главное место уделяется не «завоевателям и покорителям», а основному населению этих территорий — фракийцам, их материальному производству, вопросам рабовладения и классовой борьбы во фракийском обществе; должное место начинают занимать исследования по истории фракийской культуры и религии.

В Советском Союзе написан ряд работ по истории припонтийских областей в древности, что дает возможность

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 169.

³ См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293; его же. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12, 13.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 432.

Институту истории АН СССР начать выпуск настоящей серии — «Причерноморье в античную эпоху».

Настоящая работа не претендует на полное освещение всех вопросов, связанных с историей Мёзии. Это объясняется как неравномерностью сведений, черпаемых из источников, которые иногда обходят чрезвычайно важные моменты истории страны, так и стремлением автора подробнее остановиться на вопросах, еще не нашедших освещения в работах по истории Мёзии и игравших, на наш взгляд, существенную роль в развитии этой провинции.

І. МЁЗИЯ НАКАНУНЕ РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Преобладающим населением Мёзии к моменту римского завоевания (конец I в. до н. э.) были фракийцы. Сведения, которые можно найти у античных писателей о фракийцах в интересующий нас период, весьма недостаточны, но они могут быть дополнены данными археологических раскопок, произведенных в недавнее время болгарскими и румынскими археологами.

Ко времени решительного столкновения с римлянами фракийцы подразделялись на множество племен, территориально и экономически мало связанных друг с другом и иногда враждующих между собой¹. Крупное объединение фракийских племен, созданное во времена Цезаря на территории Дакии и Мёзии Биребистой, распалось на несколько частей² сразу же после смерти царя, и процесс дробления его царства продолжался еще тогда, когда Марк Красс, полководец Августа, застал на правом берегу Дуная трех вождей враждующих между собой племен — Рола, Далига и Цирака. Очевидно, экономика и социальные отношения у племен, на короткий срок объединенных Биребистой, еще не созрели для создания прочного государственного образования.

Страбон говорит о делении Фракии на племена (τὰ ἔθνη)³, а Плиний — на военно-родовые округа (strategiae)⁴.

Одним из крупных фракийских племен было племя мёзов. Первоначально римляне называли так собственно мёзов, живших на западе будущей Нижней Мёзии, между Балканскими горами и Дунаем, в районе реки Цибра (Ciabrus) (см. прилагаемую карту). С конца I в. н. э. под термином «мёзы» стали подразумевать и другие племена, жившие в Мёзии. Несомненно, племя мёзов было одним из наиболее сильных и влиятельных фракийских племен, имя которого стало для римлян

¹ Dio Cass., LI, 26, 1.

² Suet., Oct., 63; Strabo., VIII, 3, 11.

³ Strabo., VII, фр. 47.

⁴ Plin., N. H., IV, 41 и III, 149.

собирательным понятием для обозначения фракийцев, живших между Дунаем и Балканскими горами.

Только так можно объяснить то, что мёзы дали название всей провинции.

Северо-восточную ветвь фракийских племен составляли геты. На их фракийское происхождение указывают многие античные авторы¹. Они заселяли территорию по обе стороны нижнего Дуная: на западе они занимали земли до реки Осым (Asamus)², а на востоке границей их распространения было побережье Черного моря³. Присутствие гетских племен на территории Добруджи засвидетельствовано Страбоном⁴, а близ города Томи — Овидием⁵.

Гетами римляне называли не одно, а несколько племен, очевидно имевших нечто общее по своему экономическому, культурному и этническому складу. Гетскими племенами были Δειρήνιοι, Πιερήνσιοι, Οἰτρήνσιοι, Ὀβουλήνσιοι, о которых говорит Птолемей⁶. Вероятно, гетскими же были племена Κρόβυζοι и Τέριζοι⁷, жившие, по Скимну⁸, у современной Девни (около Marcionopolis) и много западнее, — по Геродоту⁹.

У античных историков со II в. до н. э. северо-западная часть гетов начинает называться даками. Однако такое разделение фракийских племен на трансдунайских даков и на южно-дунайских гетов не всегда проводится строго. Например, Дион Кассий¹⁰ говорит, что даки живут по обе стороны Дуная, а Страбон сообщает о гетах по ту сторону реки¹¹. Точного разграничения между гетами и даками провести невозможно.

Помимо гетов в Добрудже в I в. до н. э. жили бессы. Бессы не были исконными жителями Мёзии. Вотивные надписи из Добруджи (vicus Quintionis) неизменно говорят о *bessi consistentes*, подчеркивая, что это племя — пришлое¹². Их появление на территории будущей Мёзии имеет свою историю. Ливий¹³ и Плиний¹⁴ помещают их на левом берегу р. Струмы

¹ Herod., IV, 93; Strabo., VII, 3, 2; VII, 3, 4; VII, 3, 10; Horat., Carm., III, 24, 2.

² Ptol., III, 10, 9.

³ Там же.

⁴ Strabo., VII, 3, 14.

⁵ Ovid., Ex Ponto, IV, 9, 78; Tristia III, 10, 5; IV, 1, 67.

⁶ Ptol., III, 10, 9.

⁷ Там же.

⁸ Scymn., 755.

⁹ Herod., IV, 49; W. Tomaschek. Die alten Thraker, I, стр. 97.

¹⁰ Dio Cass., LI, 22, 7.

¹¹ Strabo., VII, 3, 8.

¹² Pârvan. Hístria VII, №№ 18, 49, 50, 51, 52.

¹³ Liv., XXXIX, 53.

¹⁴ Plin., N. H., IV, 40.

(Strymon), а Страбон — в верхнем течении р. Марицы (Hebrus) близ Филиппополя¹. Возможно, первоначальный район расселения этого племени был весьма велик, охватывая центральную часть северных склонов Родопских гор. С момента проникновения римлян в эти области, бессы повели ожесточенную борьбу за свою независимость. Они яростно сопротивлялись римлянам и, потерпев в 72 г. до н. э. поражение (их победителем был Марк Теренций Лукулл), уже в 60 г. до н. э. вступили в борьбу с Гаем Октавием, отцом Августа². В гражданской войне бессы поставляли Помпею вспомогательные отряды³. Решительное столкновение Рима с бессами произошло в 28 г. до н. э., когда Марк Лициний Красс одержал победу над этим племенем и отдал их земли одрисам, все время державшимся проримской ориентации⁴. И после похода Красса бессы продолжали вести борьбу против римлян и одрисов (41 г. до н. э.). Борьба с этим храбрым фракийским племенем стоила Риму больших жертв и шла с переменным успехом.

Только после многих битв восстание бессов против одрисов было подавлено. Однако римляне в результате этой войны получили лишь земли бессов. Само же племя так и не подчинилось римской власти и все ушло в области, еще свободные от римских легионов, на территорию современной Добруджи. Эта упорная, самоотверженная борьба бессов с римлянами у себя на родине, в Родопских горах, создала им в римской и проримской литературе репутацию наиболее «диких» и «жесточких» из всех фракийцев. Вместе с бессами ушли в Добруджу и более мелкие соседние племена, которые надеялись сохранить свою самостоятельность. Таковыми были лаи и бистоны. Имя лаев (Lai или Lae) упоминается в надписи из Томи⁵ и неоднократно встречается на алтарях, найденных близ Истрии (vicus Secundini)⁶. Другое фракийское племя, переселившееся в

¹ Strabo., VII, 5, 13.

² Suet., Oct., 3.

³ Caes., B. C., III, 4.

⁴ Dio Cass., LI, 25, 5.

⁵ CIL, III, 7533.

⁶ Pârvan, Histria VII, № 61; его же, Fouilles d'Histria, «Dacia», II, 1925, №№ 41, 43. Первоначально Пырван считал, что термином «Lai», или «Lae», обозначали местных жителей, работающих на арендованных землях государственных доменов, вкладывая, таким образом, в это понятие социально-экономическое содержание. Такое толкование термина «Lai» основывалось исключительно на созвучии латинского «Lai» с греческим λαοί (βασιλικοί γεωργοί) Египта и Сирии. В дальнейшем Пырван отказался от такого толкования слова «Lai» (Fouilles d'Histria, «Dacia», II, 1925, стр. 241), видя в нем наименование фракийского племени λαῖοι, жившего рядом с бессами в Родопских горах (Thuc., II, 96, 3). Независимо от Пырвана к такому же толкованию термина «Lai»

Добруджу из областей р. Струмы — бистонов, упоминает Овидий¹.

Античные историки называют множество других мелких фракийских племен. Однако упомянутые у одних, они исчезают у других; местоположение их не всегда указывается, а если и указывается, то часто данные одного автора расходятся с сообщениями другого.

Фракийское племя требаллов жило около Эска (современный Гиген), где их помещают Птолемей и Плиний². Плиний же упоминает племя тимачов (Timachi)³, жившее по реке Тимок (Timacus). Этот же автор упоминает эдов (Aedi), скаугдов (Scaugdae), клариев (Clariae)⁴, но где они жили — остается неизвестным.

Проверить иногда противоречивые данные античных историков о размещении племен не представляется возможным, так как археологические изыскания на мёзийской территории еще не производились настолько широко, чтобы можно было сопоставить материальную культуру различных фракийских племен.

Северо-восточная часть Мёзии, ограниченная изгибом Дуная (Добруджа), в древности носила название Малой Скифии (Scythia Minor)⁵. Это твердо установившееся название следует связывать с поселением на этой территории скифских племен, относящимся, повидимому, к середине IV в. до н. э., когда они вместе со своими женами и детьми перешли Дунай и вторглись на территорию северо-восточной части будущей римской провинции Нижней Мёзии. Есть лишь одно упоминание о происшедших при этом вторжении столкновениях между скифами и населявшими эту страну гетами: некий «царь истрийцев» (rex Istriarum), видимо царь гетов, живших вокруг Истрии, оказал сопротивление скифам, но погиб, возможно

пришел и Casson («Thracian tribes in Scythia minor», JRS, XVII, 1927). Первоначальное мнение Пырвана, однако, признает правильным Е. М. Штаерман (К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы. ВДИ, 1946, № 2, стр. 87). Нам представляется, что в «Lai» следует видеть соседнее с бессами, более мелкое фракийское племя, увлеченное переселением бессов в Добруджу в конце I в. до н. э. Оно сохраняло на протяжении I и II вв. н. э. свою племенную обособленность, что проявилось в надписях на алтарях из *vicus Secundini* в III в. н. э. (эти надписи начинаются словами «*Cives Romani et lai...*» или «*Veterani, cives Romani et lai...*»), когда неудачи римлян в борьбе с готами и другими племенами дали возможность поднять голову и тем небольшим племенам, которые жили на территории Римской империи.

¹ Ovid., *Ex Ponto*, I, 3, 59.

² Ptol., III, 10, 5; Plin., N. H., III, 149.

³ Plin., N. H., III, 149.

⁴ Там же, IV, 41.

⁵ Strabo., VII, 4, 5.

в борьбе с ними¹. Добруджа вошла в состав Скифского царства, которым правил Атей. Сила и могущество вторгшихся скифов казались неодолимыми не только гетам: даже Филипп II Македонский предпочел вступить в переговоры с Атеем и только после того, как они оказались безуспешными, выступил против него². Сообщение Страбона о том, что скифы вытеснили гетов из их страны, следует считать преувеличенным: вскоре после описываемых событий Александр Македонский одержал победу над гетами у северного берега нижнего Дуная, причем геты имели 10 тыс. пехоты и 4 тыс. всадников³. Овидий постоянно упоминает гетов наравне со скифами и сарматами близ Томи⁴.

В буржуазной румынской литературе существует мнение, что название *Scythia Minor* утвердилось за территорией Добруджи чисто случайно, что скифы ушли отсюда так же внезапно, как появились, и что пребывание их на этой территории было кратковременным⁵. Такое утверждение вытекает из националистических тенденций некоторых румынских историков и является ложным. Долговременность пребывания скифов в Добрудже доказывается серией монет царей Канита, Хараспа и Акросы, найденных в Балчике и Добриче (соврем. г. Толбухин) и в Добрудже⁶. Судя по типам этих монет, сходным с типами монет Томи и Одесса, они могут быть отнесены к монетам, чеканенным в той же местности, где они найдены. К. Реглинг, исследовавший корни имен перечисленных царей, пришел к выводу, что Канит, Харасп и Акроса — цари скифского происхождения⁷. Типологическая близость этих монет к монетам Томи и Одесса, так же как и район распространения их находок, свидетельствуют о том, что они чеканились в пределах Добруджи. Эти монеты должны быть отнесены к периоду III—II вв. до н. э. Таким образом, нумизматические данные свидетельствуют о существовании Скифского царства на территории будущей Нижней Мёзии с III по I в. до н. э. Помимо Овидия (который очень часто упоминает *Scythae*, *Scythia*, *coelum Scythicum*, *Scythicae paludes*, *litus Scythicus* и т. д.), о скифах

¹ Just., IX, 2. О скифах на Балканском п-ове см. Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье. ВДИ, 1948, № 1, стр. 206—213.

² Strabo., VII, 3, 18; Just., IX, 2.

³ Arrian., Anab., I, 3, 1—2.

⁴ Ovid., Ex Ponto, passim.

⁵ R. Vulpe. L'histoire ancienne de la Dobroudja. Bucarest, 1938, стр. 191.

⁶ А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики черноморского побережья. Нум. сб., III, 1915, стр. 1—16.

⁷ K. Regling. Charaspes. В сборнике статей в честь Хэда — «Corolla numismatica». Oxford, 1906, стр. 259.

говорит и Дион Кассий, когда он описывает столкновение гетского царя Цирака с римлянами в самом конце I в. до н. э.¹

Мы обладаем, следовательно, почти непрерывным рядом свидетельств о пребывании скифов на северо-востоке Мёзии с IV по I в. до н. э. Мало вероятно, однако, чтобы на рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. в Малой Скифии сохранились скифы в конкретном этническом значении этого понятия. Вернее всего предполагать, что к этому времени на нижнем Дунае скифские племена во многом смешались уже с гетскими и сарматскими. Овидий, который лучше других авторов был осведомлен о событиях, происходивших на нижнем Дунае, ибо был их очевидцем, употребляет термины «Scythae» и «Sauromatae» как синонимы. Страбон же утверждает, что «в настоящее время эти племена (т. е. скифы и сарматы.— Т. З.) и племена бастарнов смешались как с теми фракийцами, которые живут по ту сторону Истра, так отчасти и с теми, которые живут по сю сторону реки»².

Нижняя Мёзия неоднократно подвергалась вторжениям и других племен. Племя бастарнов, жившее ко времени римского завоевания на территории от восточных Карпат до устья Дуная, неоднократно появлялось на территории Мёзии. Их вторжение в Мёзию в 30 г. до н. э. послужило поводом для римского завоевания. Подобно фракийцам, они распадалась на множество племен³ и управлялись царями-вождями⁴.

Галатское государство, образованное во Фракии под руководством Коммонтория и просуществовавшее около 70 лет (279—213 гг. до н. э.), распространялось и к северу от Балканских гор. Кельтские корни сохранились в названиях городов Мёзии—Новиодуна (Noviodunum, соврем. Исакча) и Алиобрикса (Aliobrix). Возможно, однако, что топонимические следы пребывания кельтов во Фракии и Мёзии должны быть объяснены присутствием кельтского племени скордисков, жившего по обе стороны реки Моравы (Margus). Однако в 15 г. до н. э., после покорения их римлянами, скордиски ушли в Паннонию⁵ и, таким образом, большой роли в истории римской Мёзии играть не могли. На крайнем юго-западе Верхней Мёзии находилось иллирийское племя дарданов. Оно на протяжении многих лет не сливалось с фракийскими племенами⁶. Таким образом, для Мёзии I в. до н. э. характерна пестрота этнического состава ее населения.

¹ Dio Cass., LI, 26, 5.

² Strabo., VII, 3, 2.

³ Там же, VII, 3, 17.

⁴ Dio Cass., LI, 24, CIL, XIV, 3608: regibus Bastarnarum.

⁵ Plin., N. H., III, 148.

⁶ CIL, III, 8251: cohors I Aur. Dardanorum.

Не только историки прошлого столетия¹, но и более поздние исследователи² обычно говорят о населении Фракии накануне римского завоевания как о племенах, стоявших на чрезвычайно низкой ступени развития, у которых отсутствует самостоятельное ремесло и торговля и которые занимаются лишь войной и примитивным скотоводством, ведя кочевой образ жизни. Однако такое представление о фракийцах I в. до н. э. появилось вследствие недопустимого перенесения геродотовых сведений³ в эпоху значительно более позднюю и вследствие некритичного подхода к сведениям других историков, писавших о фракийцах предримского и римского периодов. Между тем, за четыре столетия, прошедших со времени Геродота, экономика фракийцев прогрессировала по пути перехода к земледельческому хозяйству, на что указывают сообщения античных авторов и данные археологии. Обычно, говоря о кочевом образе жизни фракийских племен, ссылаются на слова Страбона о частых переселениях (*μεταστάσεις*) гетов с одного берега Истра (нижнее течение Дуная) на другой⁴. Однако это сообщение нельзя вырывать из общего контекста. В следующей же фразе Страбон говорит о фракийском племени требаллов, которые «также вынуждены были совершать переселения будучи вытесняемы со своих мест жительства более сильными соседями»⁵. Таким образом, здесь речь идет никак не о кочевье, вызванном экономическим укладом гетских племен, а о передвижениях, связанных с нападением более сильных врагов.

Источники изобилуют сообщениями о занятии фракийцев земледелием. Колумелла называет гетов «народом, опытным в разведении зерна»⁶. Арриан говорит о нивах с высокими колосьями у гетов⁷. У Солина Мёзия называется житницей Цереры⁸. Овидий тоже указывает на то, что геты занимались сельским хозяйством⁹. Типы монет скифо-гетского государства

¹ H. Blumner. Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Alterthums. Lpz., 1865, стр. 55; Т. Моммзен. Римская история, М., 1949, т. V, стр. 183.

² Pârvan. Dacia, стр. 160; Tomaschek. Die alten Thraker, I, стр. 112; G. Ferrero. L'empire romain et les Balkans. «Revue internationale des études Balkaniques». 1935, стр. 98.

³ Herod., V, 3—8.

⁴ Strabo., VII, 3, 13.

⁵ Там же.

⁶ Columella. De re rustica, VII, 2: quibusdam nationibus frumenti expertibus.

⁷ Arrian, Anab., I, 4, 1.

⁸ Solin, 22: mox Moesiae, quas maiores nostri iure Cereris horreum nominabant.

⁹ Ovid., Ex Ponto, III, 8, 6: hostis ab agricola vix-finit illa fodi.

в Добрудже, о котором шла речь выше, свидетельствуют о его земледельческом характере. Канит и Акроса на лицевой стороне своих монет изображают головы Деметры и Керы в профиль вправо, а на оборотной стороне — два колоса. Аналогичные изображения встречаются и на монетах Хараспа¹.

Для выяснения уровня материальной культуры и быта фракийских племен дают материал раскопки Йордана Иванова,

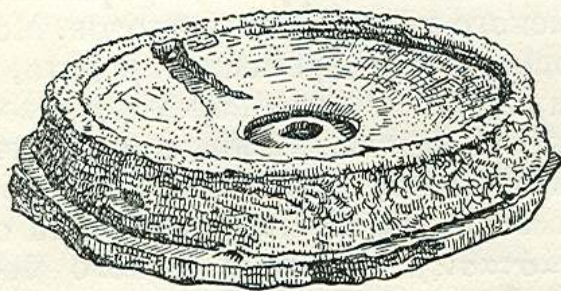

Рис. 1. Ручной жернов из раскопок при Кадин Мост (ИБАД, 1910, стр. 186, рис. 45).

Рис. 2. Железная двузубая мотыга из раскопок при Кадин Мост (ИБАД, 1910, стр. 189, рис. 75).

произведенные в 1905—1906 гг. в 15 км от Кюстендила (Кадин Мост)². К сожалению, нам не известны археологические исследования в самой Мёзии, могущие указать степень развития сельского хозяйства этой страны до римского завоевания. Однако крепкие связи между северными и южными фракийцами, проявившиеся в общности форм керамики (фракийская керамика), близость территории, частые переходы фракийцев через Балканские горы³ и то обстоятельство, что накануне создания провинции Мёзии часть мёзийской территории была объединена с Фракией под властью одрисов, дают возможность привлечь данные раскопок при Кадин Мост для дальнейшего изложения. Раскопки этого фракийского городища и некрополя II—I вв. до н. э. дают картину разнообразной хозяйственной деятельности племени. Глиняные сосуды с пшеном, рожью, овсом, просом, чес-

¹ А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики черноморского побережья. Нум. сб., III, стр. 40; В. Ріск — К. Regling. Стр. 520 и 590, табл. XIII, № 6.

² ИБАД, 1910. Йор. И в а н о в. Отчет за раскопките при Кадин Мост, стр. 163 — 203.

³ Г. Кацаров. Heros. R. E., Suppl. III, 1139.

ноком и прекрасно пригнанные гранитные ручные жернова указывают на развитое зерновое хозяйство (рис. 1). Здесь же найдено и орудие сельскохозяйственного труда—двузубая мотыга (рис. 2). Изделия, связанные с хозяйственной жизнью племени, преобладают численно над предметами вооружения; к последним должны быть отнесены одна железная стрела и снаряды из свинца или обожженной глины, которые пращники могли кидать в наступающих врагов. Фракийцы этого племени прекрасно умеют выплавлять стекло различного сорта (бесцветное и синеватое); остатки льняной материи свидетельствуют о разведении льна и умении ткать, а игла из кости — о шитье

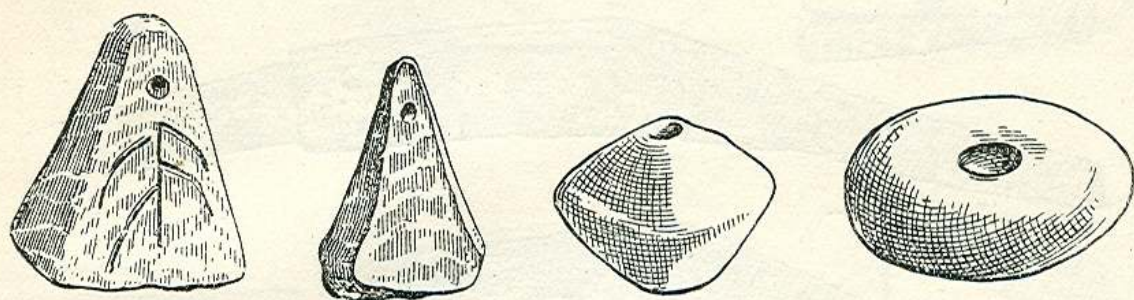

Рис. 3. Грузила из раскопок при Кадин Мост. (ИБАД, 1910, стр. 180, рис. 64—67).

одежды. Там же найдено множество гвоздей, от мельчайших до огромных (30 см длины), цепочка, топор и другие предметы. Разнообразные рыболовные грузила указывают на то, что здесь было развито рыболовство (рис. 3). Об этом же свидетельствует изображение рыб на фрагменте из города Глава-Панега¹ (Тетевенский округ).

Материалы о развитии ремесел у фракийцев к моменту римского завоевания дают нам археологические изыскания уже в собственно Мёзии.

На широкое развитие металлургии указывают раскопки при Плевне. Здесь были найдены предметы, относящиеся к III—I вв. до н. э.²: середина внешней обковки щита из железа, два наконечника копий, множество кривых ножей, меч и фибулы (рис. 4). Об этом же свидетельствуют находки близ села Столы (Севлиевский округ), где было найдено захоронение с обильным погребальным инвентарем (серебряные и бронзовые пластинки, кривой железный нож, несколько ножичков, цветное ожерелье из стеклянных бус). Эти находки датируются II—I вв.

¹ Г. Кацаров. *Heros. R. E., Suppl. III*, 1139.

² Ю. Трифонов. Плевен в трако-римско и старобългарско време. ИБАД, 1934, стр. 24—25; ИБАИ, 1928/29, стр. 278.

до н. э.¹. О развитии металлургии свидетельствуют также археологические исследования во Влашко-Селе (округ города Врача), где, кроме памятников эпохи неолита и бронзового века, были обнаружены памятники среднелатенской поры (250—100 гг. до н. э.), в частности бронзовые фибулы².

Таким образом, уже задолго до прихода римлян, в Мёзии обрабатывались серебряные, оловянные и железные руды.

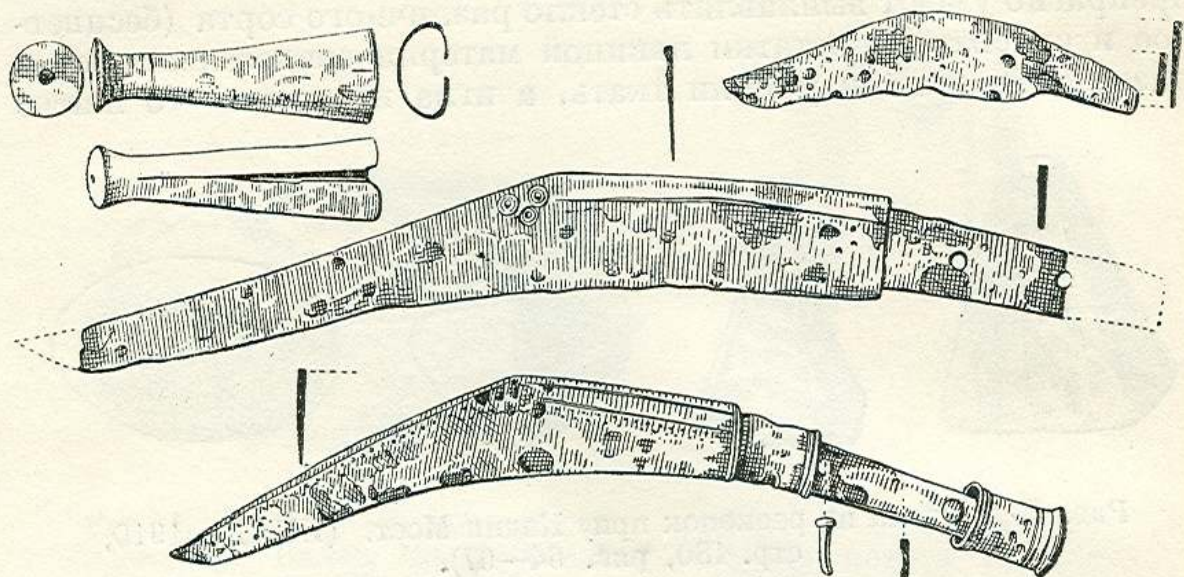

Рис. 4. Железные предметы III — I вв. до н. э., найденные близ Плевны (ИБАИ, 1928/29, стр. 278).

Керамические изделия (рис. 5), найденные при раскопках у Кадин Мост, в Ловчанском и Тетевенском округах, сделаны при помощи гончарного круга.

Как металлические, так и гончарные изделия племен Мёзии весьма своеобразны и носят местные, фракийские черты. Особенно характерны фибулы так называемого фракийского стиля³, глиняные сосуды с высокой ручкой и фракийского типа браслеты, найденные при раскопках могил Ловчанского и Тетевенского округов (Северная Болгария)⁴, оружие из раскопок при Плевне, орудия сельскохозяйственного труда. Весьма своеобразна капитель колонны из Кадин Моста: она не может быть причислена ни к одному из греческих ордоров⁵ (рис. 6).

В мёзийских поселениях до римского завоевания, располо-

¹ ИБАИ, 1938, стр. 395.

² Р. Попов. Предисторически исследования в Вратчанско поле. ИБАИ, 1923/24, стр. 129.

³ В. Миков. Тракийски тип фибули. ИБАИ, 1930/31, стр. 171—181.

⁴ В. Миков. Могильни некрополи от Ловчанско и Тетевенско. ИБАИ, 1930/31, стр. 153—170.

⁵ ИБАД, 1910, стр. 181, рис. 36—39.

женных в глубине страны, далеко от побережья Черного моря и Дуная, не обнаружено вещей греческого производства, что резко отличает эти поселения от фракийских поселений близ

Рис. 5. Сосуды из раскопок при Кадин Мост (ИБАД, 1910, стр. 187, рис. 46—63).

греческих городов западного Понта. Так, раскопки погребений в Юруклере и Аязларе¹ (лежащих неподалеку от берега моря)

¹ И. Велков. Нови могиљни находки. ИБАИ, 1928/29, стр. 13—55.

дали материал греческого характера. Очевидно, привозные греческие изделия в массе своей не проникали далеко в глубь страны, что не исключает, однако, возможности отдельных находок. Вероятно, самой западной точкой проникновения греческих товаров были Галац и Херсово (Carsium)¹.

Преобладание той или иной отрасли хозяйства у отдельных племен Мёзии до некоторой степени можно объяснить географическими условиями, в которых жило данное племя. Большую часть территории Мёзии занимает Дунайская холмистая равнина, богатая плодородными черноземными и лёссовыми почвами. Особенно широка она и плодородна в восточной своей части. Холмистое на юге ее плато, покрытое роскошной растительностью и представляющее прекрасное пастбище, постепенно переходит в слабо холмистую область, а затем, на севере, в степную равнину — Добруджу с плодороднейшими почвами, дающими богатые урожаи (Златна Добруджа — главная житница современной Болгарии). Здесь в древности, как и сейчас, были все условия для земледельческих занятий населения.

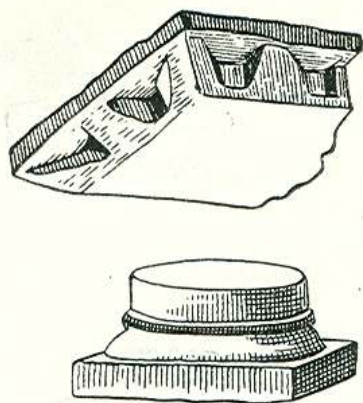

Рис. 6. Капитель и база колонны из раскопок городища при Кадин Мост (ИБАД, 1910, стр. 181, рис. 36 и 39).

Балканские горы на юге Мёзии и в западной части ее, со своими лесными склонами, полными дичи, и пастбищами в горах, давали богатые возможности для развития охоты и скотоводства. Многочисленные сцены охоты, изображаемые на рельефах «фракийского всадника», следует рассматривать не только как материал по истории религиозных представлений фракийцев, но и как картины из их реальной жизни. Сцены охоты очень часто изображаются на вотивных рельефах из Мёзии². Обычно они изображают всадника, держащего добычу — оленя, кабана, зайца. Часто изображается борьба зверей: бык на коленях, в которого вцепился лев; лев в борьбе с медведем; олень, в которого вцепились зубами собака и лев, или олень, преследуемый медведем, и т. д. Характерно, что культ фракийского всадника, отражавший, повидимому, быт племен, у которых охота играет значительную роль, наиболее распространен имен-

¹ Pârvan. La pénétration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube. Bucarest, 1923, стр. 26.

² ИБАИ, 1926/27, стр. 101, рис. 48; там же, стр. 89, рис. 41; ИБАИ, 1930/31, стр. 247, рис. 171, 172; там же, стр. 305, рис. 221, 223, 225. ИБАИ, 1932/33, стр. 403, рис. 153 и множество других.

но в южной части Мёзии, на склонах Балканских гор и в самых горах. Из 15 святилищ этого божества в Мёзии¹ ни одно не находится севернее г. Попова (северные склоны центральных Балкан), большинство же расположено в горах (около Тетевене, Шумен). Ни в Добрудже, ни в северо-западных частях Мёзии не обнаружено святилищ «фракийского всадника». В эпоху Септимия Севера Балканские горы (*Naevus mons*) олицетворялись в виде юноши-охотника. Так, на монете этого времени, отчеканенной в Никополе на Истре, изображен юноша в легкой одежде; правая рука его поднята вверх, а левой он держит копьё; на заднем плане — медведь, преследующий бегущего оленя; надпись — *ΑΙΜΟΣ*².

Вероятно, ни одно из племен не занималось исключительно скотоводством или исключительно земледелием. Во всяком случае мы имеем свидетельство о совмещении обеих этих отраслей хозяйства у одного племени. Дион Кассий, описывая эпизод со взятием римлянами гетской пещеры Генуклы в Добрудже, где жители безусловно занимались земледелием, говорит о том, что геты снесли туда все ценное имущество и согнали стада³.

Фракийские племена, жившие по соседству с греческими городами или на сравнительно небольшом расстоянии от них, вели с ними торговлю; основной статьёй фракийского экспорта были скот и зерно. Овидий сообщает, что даже в сильные морозы через Дунай по льду пригоняли скот для продажи⁴, а монеты западнопонтийских городов свидетельствуют о том, что зерно было одной из основных статей их экспорта⁵. Греческие товары, вероятно, проникали в Мёзию не только с восточной стороны, через греческие города, но и с юга, из Македонии и Греции, через перевалы Балканских гор. Хотя в Мёзии найдено очень мало монет, чеканенных фракийцами в подражание тетрадрахмам Филиппа II Македонского и Александра⁶, однако наличие такого рода чеканки весьма знаменательно. Оно свидетельствует о развитии местной фракийской торговли и указывает на созревшую необходимость организации местного

¹ Г. Кацаров. *Heros*, R. E., Suppl. III, 1135.

² В. Pick — K. Regling, стр. 367, № 1315.

³ Dio Cass., LI, 26, 5.

⁴ Ovid., *Tristia*, III, 10, 31 сл.; III, 12, 27 сл.

⁵ В. Pick — K. Regling, стр. 594 (Томи), стр. 87 (Каллатис), стр. 128 (Дионисополь), стр. 152 (Истрия), стр. 523, 525, 527 (Одесс).

⁶ D. Porescu. *Le trésor de monnaies daces de Tulghes*. «Dacia», IX—X, 1945, стр. 225. На монетах, чеканенных в подражание монетам Филиппа II, изображена на аверсе голова Зевса в лавровом венке, на реверсе — всадник, скачущий направо, легенда — ΦΙΛΙΠΠΟΥ; на монетах Александра изображена на аверсе голова Александра в виде Геракла, на реверсе — сидящий Зевс с орлом, легенда — ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

рынка у племен Мёзии уже в эпоху эллинизма. Об этом же обстоятельстве для более позднего времени свидетельствуют и упоминавшиеся выше монеты царей Канита, Акросы, Сарии и Хараспа из Добруджи, Добрича и Балчуга (соврем. г. Толбухин).

* * *

Основным свидетельством о социальной структуре фракийцев следует считать слова Горация о гетах: «...живут и дикие геты, которым неотмеренные участки земли и Церера приносят свободные плоды. Они не обрабатывают землю более года, и когда покончат с трудами, викарий вновь назначает равную долю»¹. Общность земли (*immetata iugera*) и ее плодов (вероятно, слова *liberae fruges* следует понимать как никому в отдельности не принадлежащие и в этом смысле свободные) и ежегодная сменяемость участков свидетельствуют о наличии общины у гетов. Правда, Гораций вообще склонен идеализировать жизнь диких племен. Это чувствуется уже в последующих словах поэта, где он говорит о супружеской верности гетов, что следует поставить в связь с общей тенденцией эпохи Августа, искавшего в строгих законах о браке преграду падению нравов в Риме. Но что касается известия об общности земли и смене участков, то его следует признать соответствующим действительности. Уместно вспомнить, что аналогичное сообщение о свевах есть у Цезаря² и, что еще важнее, у Страбона о далматах: «Особенность далматов состоит в том, что они через каждые 8 лет наново разделяют поля»³. Есть эпиграфические свидетельства существования общины у фракийцев и в более позднее время⁴. Интересно в этой же связи упоминание Иосифа Флавия о даках как о племени, имеющем много общего с иудейской религиозной сектой ессеев⁵. Иудеи, составлявшие эту группу (возникновение ее относится ко II в. до н. э.), вели очень своеобразный образ жизни. Занимаясь земледелием, пчеловодством, скотоводством и ремеслами, они признавали только общую собственность, жили общинами, каждая в особом доме, имели общий стол и делили поровну доходы. Нельзя ли видеть в этой аналогии Иосифа Флавия указание на общинные порядки у дако-гетов?

Вопрос о развитии рабовладения у фракийцев, населявших территорию между Балканскими горами и Дунаем в I в. до

¹ Horat., Carm., III, 24.

² Caes., Bell. Gall., IV, I.

³ Strabo., VII, 5, 6.

⁴ CIL, III, 14447. Более подробно об этой надписи см. стр. 47 и 86.

⁵ Jos. Ant. Jud., 18, 15.

одновременно и военачальником (он предводительствовал в войне против римлян в 11 г. до н. э.)¹. Есть указания на то, что вождя окружала знать, причастная к управлению племенем².

На основании всего сказанного можно заключить, что к началу нашей эры большинство фракийских племен Мёзии продолжало сохранять общинно-родовой строй и стояло на пороге классового общества. Лишь наиболее развитые из них уже владели рабами. В своем социально-политическом развитии они еще не успели подняться до прочной государственной организации и жили разрозненно.

* * *

Характеристика мёзийской территории накануне римского завоевания будет неполной, если не коснуться истории греческих колоний, расположенных на мёзийском побережье Понта. Одесс, Дионисополь, Каллатис, Томи, Истрия, Месембрия и Тира³ были основаны греками-колонистами в VII—VI вв. до н. э. К I в. до н. э. эти города имели уже длительную историю существования, изложению которой посвящен ряд статей и монографических исследований⁴. Поэтому здесь мы коснемся только периода их истории, который непосредственно предшествовал включению западнопонтских городов в состав Римского государства.

К моменту решительного столкновения племен Мёзии с римлянами греческие колонии, расположенные на мёзийском побережье Понта, находились в состоянии упадка и разорения, вызванного походами Биребисты, в середине I в. до н. э. объединившего в своем государстве фракийские племена обоих берегов Дуная и совершавшего опустошительные для западнопонтских городов набеги. Надпись из Месембрии⁵ указывает на военные действия против Биребисты. Ко времени тех же событий должен быть отнесен декрет жителей Томи в честь городской стражи⁶. Декрет говорит о создании специальной стражи из сорока «отборных мужей». Речь явно идет об особой, экстраординарной охране, выставленной в ожидании «величайших бед». Обычный же по-

¹ Dio Cass., LIV, 3, 4—5.

² Strabo., VII, 3, 5.

³ Последние два города входили в состав Мёзии лишь в определенные моменты истории этой провинции.

⁴ Наиболее новой является, насколько нам известно, работа Хр. Данова, «Западният бряг на Черно море в древността», София, 1947. В ближайшем выпуске настоящей серии выйдет работа Т. В. Блаватской, излагающая историю западнопонтских городов от момента их возникновения до I в. до н. э.

⁵ Б. Н. Граков. Материалы, № 16.

⁶ Там же, № 19.

рядок охраны городов западного Понта достаточно ясен из текстов посвящений стратегов и таксиархов, относящихся как раз к I в. до н. э.: города охранялись ночными и дневными отрядами городской стражи. Сорок «отборных мужей» Томи были, очевидно, назначены в дополнение к обычному охранению города для защиты наиболее уязвимых мест (городские ворота, дороги). Нельзя также игнорировать упоминавшийся в надписи факт ухода части жителей из Томи. Подобным же образом вели себя жители и других греческих городов побережья. Надпись из Одесса¹, относящаяся к последнему десятилетию до нашей эры, содержит список 46 жрецов, занимавших должность «после возвращения» (*μετὰ τὴν κάτοδον*) жителей в город. Надпись из Истрии в честь Аристагора² сообщает о нашествии «варваров», когда жителям также пришлось покинуть свой город и рассеяться по стране. Дион Христом дает яркую картину разорения и упадка греческих городов левого берега Понта «вплоть до Аполлонии»; в результате нашествия гетов, по словам этого автора, греческая торговля пришла в полный упадок, некоторые города не были восстановлены и пустовали; в них нахлынуло множество гетов³. Создается ясная картина мощного нашествия гетских племен на прибрежные греческие города, одни из которых, подобно Ольвии, пытались оказать сопротивление и были разорены, другие, подобно Истрии и Одессу, были покинуты жителями, увидевшими безнадежность сопротивления. Только Дионисополь, вследствие своего географического положения подвергшийся позже других греческих городов нашествию Биребисты, двигавшегося с севера на юг, учтя их горький опыт, счел за благо пустить в ход дипломатию и уладить дело миром⁴.

Полное прекращение в эту эпоху монетной чеканки в греческих городах⁵ является ярким подтверждением правильности такого рода трактовки приведенных выше надписей. Таким образом, ко времени правления Августа и его завоевательной политики на Дунае греческие города, расположенные на мёзийском берегу, находились в состоянии упадка и разорения. Нашествие Биребисты было тем поворотным пунктом в истории греческих городов западного Понта, после которого они стали на сторону Рима и в дальнейшем оказывали ему поддержку в подавлении освободительного движения фракийских племен против завоевателей.

¹ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе Ольвии, СПб., 1887, стр. 146.

² АЕМ, VI, стр. 36, № 78; В. В. Латышев, там же.

³ Dio Chrys., Or., XXXVI, II, 48. ВДИ, 1948, № 1, стр. 229.

⁴ Б. Н. Граков. Материалы, № 18.

⁵ В. Pick — K. Regling, стр. 608.

II. БОРЬБА МЁЗИЙСКИХ ПЛЕМЕН ПРОТИВ РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Идея завоевания земель, лежащих между Балканскими горами и Дунаем, возникла в Риме еще во времена Цезаря¹. Освоение Понта (и, в частности, западного берега его) было важно в связи с готовившимся со времени Цезаря наступлением на Парфию — единственного не сломленного еще соперника римского могущества.

Помимо этих широких задач римской мировой политики, завоеванием Мёзии Август преследовал и более близкие цели. После смерти Биребисты угроза вторжений племен на территорию Римского государства со стороны Дуная уменьшилась, но не исчезла. Дунай мог быть той границей, у которой легче всего было бы задержать разнообразные племена, жившие к северу от реки. В этом отношении завоевание Мёзии входило в общий план генерального наступления римлян на Дунае. В 15 г. до н. э. были превращены в римскую провинцию Реция и Норик, а в 9 г. до н. э. — Паннония. Таким образом, наступлением на придунайские области римляне одновременно создавали и плацдарм для дальнейшей агрессии на Восток, и удобную линию обороны по Дунаю. Таковы были стратегические причины наступления на Мёзию. Однако они были отнюдь не единственными, и ограничиться указанием на них было бы неверно.

Подчинение Риму греческих городов западного берега Понта давало Римскому государству возможность включиться в систему понтийского товарооборота, о значении которого, правда для несколько более раннего времени, говорил Полибий². Западнопонтийские города служили не только промежуточными портами для кораблей, шедших из боспорских владений в порты Греции и в обратном направлении, но и пунктами, откуда привезенные товары проникали во внутренние придунайские области.

¹ Suet. Caes., 44, и Octav., 8; App., B. C., II, 100 и 111.

² Polyb., IV, 38.

Наличие торговых связей между этими областями и Римом еще в республиканский период засвидетельствовано находками республиканских римских монет на территории северной Болгарии. Помимо множества кладов, в которых республиканские монеты находятся вместе с более поздними и которые могут служить лишь косвенным доказательством торговых связей Мёзии в республиканский период, найдены клады, содержащие только республиканские монеты (III, II и I вв. до н. э.)¹. Все места находок расположены главным образом по берегам Дуная (Арчар, Лом, Орехово), что дает возможность утверждать, что именно по этому пути в основном продвигались римские товары.

Таким образом, еще в республиканскую эпоху территория будущей провинции Мёзии была в некоторой степени вовлечена в сферу римского экономического влияния.

С другой стороны, для экономического развития восточной половины Римского государства присоединение фракийских областей и западного берега Понта к Риму играло также немаловажную роль в силу сложившихся уже в эпоху эллинизма связей: общий рынок товаров фракийского производства и товаров из Эгейского бассейна был неестественно разделен присоединением к Риму Греции и Македонии, выпавших из цепи торговых сношений фракийского мира. Возможно, римлян привлекали в Мёзии также плодородные земли, железные, серебряные, свинцовые руды и месторождения золота в районе рек Тимок, Лом и Осым на западе Нижней Мёзии, хотя использование римлянами естественных богатств страны началось значительно позже завоевания, когда страна была наполнена римскими войсками и можно было приступить к наделению ветеранов землей за счет мёзийских племен.

Итак, римское завоевание Мёзии явилось следствием комплекса причин, экономических и стратегических, втянувших Мёзию в сферу римского влияния и подготовивших римскую аннексию.

На протяжении I в. до н. э. римляне многократно пытались подчинить племена, жившие между Дунаем и Балканами. Военные экспедиции Гая Скрибония Куриона с запада (74—73 гг. до н. э.) и Марка Лукулла, проконсула Македонии, со стороны понтийского берега (72—71 гг. до н. э.) достигали внутренних областей Мёзии и повели к частичному и кратковременному покорению живших там племен. Однако не все мёзийские племена столкнулись с римлянами, и некоторые из них до экспедиции Марка Красса (29 г. до н. э.) не знали о силе римлян².

¹ ИБАД, 1910, стр. 224; ИБАИ, 1921/22, стр. 244; ИБАИ, 1928/29, стр. 382; ИБАИ, 1937, стр. 320. Клады республиканских монет в отдельных случаях очень велики (до 1000 денариев).

² Flor., II, 36.

Но и подчиненные племена уже в 60-х годах вышли из повиновения Риму: объединенные силы гетов, бастарнов и греков одержали победу над войсками Гая Антония Гибриды, осуществлявшего в качестве наместника Македонии римскую власть, и приостановили на время продвижение римлян к нижнему Дунаю.

Решительное столкновение мёзийских и гетских племен с римлянами произошло в 29 г. до н. э. В этом году произошло вторжение бастарнов, часть которых под руководством царя Дельбо вместе с женами и детьми перешла еще покрытый льдом Дунай и, ища места для жилья, продвигалась через территории мёзов, требаллов и дарданов, а затем, перевалив через Балканские горы, вторглась в область фракийцев-дентелетов, центром которых была Пауталия¹. Воспользовавшись этим нападением в качестве предлога, проконсул Македонии Марк Лициний Красс, якобы преследуя бастарнов и защищая связанных союзом с Римом дентелетов, перешел Балканский хребет, а затем появился в области мёзов, у реки Тимок (Timacus)². Следует отметить, что с самого начала наступления Красс не считал своей основной задачей изгнание или покорение бастарнов, которые, кстати сказать, сразу же после известия о приближении римлян обратились в поспешное бегство и остановились лишь на реке Цибре (Ciabrus, Κέβρος по Диону Кассию³). Трудно себе представить, чтобы испытанный полководец Красс мог ошибиться и двигаться в северо-западном направлении, тогда как бастарны шли к северо-востоку. Безусловно, Красс ставил себе другие цели или, вернее, изгнание бастарнов не было его единственной задачей, как представляет дело, например, К. Пач⁴, слепо следуя за рассказом Диона Кассия. Уже во Фракии Красс завоевывает область сердов, явно не спеша за удаляющимися бастарнами. Перейдя же Балканские горы, вместо того чтобы следовать за бастарнами к реке Цибре, он направляется в центральные области поселения мёзов, ставя своей целью покорение последних, а не преследование первых. Здесь, весной или в начале лета 29 г., и произошло первое столкновение Красса с мёзами. Флор ярко описывает эту встречу «властителей мира» с «наиболее смелыми, дикими, варварами из варваров»: «Один из вождей [мёзов], выступив вперед и потребовав тишины, спросил: „Кто вы?“ Последовал ответ непобедимых [римлян]: „Римляне, повелители народов“. Тогда те ответили: „Это будет в том случае, если вы нас победите“»⁵.

¹ Dio Cass., LI, 23, 3.

² Там же, 23, 5.

³ Там же, 24, 1.

⁴ Patsch. Beiträge, стр. 73—74.

⁵ Flor., II, 36.

Если такого рода переговоры и не происходили в действительности, то все же весьма симптоматично, что античная традиция прочно сохранила представление о свободолюбии, храбрости и гордости мёзов.

Первое столкновение с ними было неудачно для римлян: мёзы истребили авангард римских войск, неосмотрительно напавший на укрепленное место мёзов (может быть, Ратиярия?). Подоспевшие на помощь авангарду основные силы римлян взяли крепость¹. Но и после этого поражения мёзы не желали признавать себя побежденными. Красс вынужден был вторично обрушиться на них со всеми своими военными силами и победил их только с большим трудом. Однако, одержав эту победу, Красс не рискнул остаться в завоеванных областях на зимовку и двинулся на юг².

Несколько иначе происходило завоевание восточной части Мёзии. Исконная политика римлян — «разделяй и властвуй» — нашла и здесь свое применение. Гетам пришлось одновременно вести борьбу и с римскими войсками и с изменником Ролом, царем одного из гетских племен. Дион Кассий дважды рассказывает о помощи Рола римлянам: первый раз при описании борьбы Красса с бастарнами³, второй раз — упоминая об осаде крепости гетского царя Дацига⁴. Вторым эпизодом и начинается, собственно, описание завоевания восточной (нижней) части Мёзии. Источники не сообщают, когда и почему Рол стал союзником Рима. Самый факт раскола среди гетов указывает на то, что вторжение римлян не было чем-то неожиданным и что римлянам, уже испытавшим воинственность и непокорность гетов, на этот раз пришлось провести подготовку своего завоевания и создать внутри страны группировку, способствовавшую римскому вторжению. Интересно отметить, что во внутренней части страны, где меньше чувствовалось греческое влияние и где имущественная дифференциация была слабее, чем в прибрежных областях, римляне не сумели организовать предательство и обеспечить себе поддержку. Это наводит на мысль, что определенная прослойка местной аристократии, представителем которой был Рол, видела в римлянах опору своей власти.

Пока Красс был во Фракии и занимался зверским истреблением племен мёзов и сердов, Рол готовил его вторжение в нижнюю Мёзию, ведя борьбу с другим гетским племенем, предводителем которого был Дациг, не разделявший, как видно, проримских настроений Рола. Подоспевший на помощь Ролу Красс довел осаду крепости

¹ Dio Cass., LI, 23, 5.

² Там же, 26, 4.

³ Там же, 24, 6.

⁴ Там же, 26, 4.

Далига до конца (укрепление было взято при помощи предательства одного грека)¹, и победители могли дать волю своей жестокости. Однако Красс уже почувствовал пользу поддержки местной знати и, получив живым в руки брата Далига (сам Далиг покончил с собой), отпустил его, не сделав ему ничего дурного². На фоне зверской расправы с рядовыми фракийцами (им отрубали руки) столь гуманное обращение с одним из руководителей сопротивления следует объяснить, конечно, не личными симпатиями Красса, а политикой Рима в завоеванной области, заключающейся в опоре на местную знать. Как видно из сказанного, эту политику в Мёзии римляне стали проводить с первых шагов.

После победы над Далигом Красс двинулся к пещере Кейре, где укрывалось местное население. Красс замуровал все входы и выходы и вынудил осажденных к сдаче. Далее Красс приступил к осаде нижнедунайских укреплений гетов, одним из которых была Генукла, находившаяся под властью гетского царька Цирака. Только после длительной осады римлянам удалось захватить крепость, осадив ее со стороны реки и равнины.³

Если следовать за Дионом Кассием в описании борьбы римлян с племенами Мёзии, то может создаться впечатление, что, в то время как римляне вели ее по обдуманному плану, местные племена лишь беспорядочно и неорганизованно сопротивлялись. Есть, однако, некоторые основания предполагать, что такое представление не соответствует действительности. Исследователи так называемых «траяновых валов» в Добрудже обращали внимание на то, что один из трех валов, пересекающих эту страну от Черновода до Констанцы, так называемый «малый земляной вал», ориентирован на юг (т. е. имеет покатую северную сторону и крутую, оборонительную — южную; с юга же расположен ров). Следовательно, вал построен для борьбы против врага, наступавшего с юга⁴. Таким образом, этот вал не мог быть построен римлянами, так как они, как известно, строили в Добрудже валы, направленные против племен, нападавших с севера, тогда как на юге находились их собственные войска (два других вала имеют северную ориентацию). Кроме того, самый вал производит впечатление доримского, местного сооружения⁵. Он пересекается более поздними римскими ва-

¹ Dio Cass., LI, 26, 2.

² Там же, 26, 2.

³ Там же, 26, 5.

⁴ Первым эту особенность отметил в 1887 г. Шухардт (АЕМ, IX, стр. 91).

⁵ C. Schuchardt. Die sogenannte Trajanswälle in der Dobrudscha, «Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wissensch.», 1918, XXII, стр. 60. Такого же мнения относительно малого земляного вала придерживаются и

лами, что лишний раз указывает на то, что валы Добруджи не должны быть рассматриваемы как единая система сооружений. Можно предположить, что малый земляной вал был построен местными племенами как мера защиты против наступающих римлян¹. Если это предположение подтвердится, то можно будет считать, что уже в этот начальный период римского владычества на Дунае начали складываться определенные формы совместных выступлений разрозненных северофракийских племен против Рима.

К сожалению, ни один источник не сообщает нам о том, как произошло восстановление римского владычества в западно-понтийских городах, прерванное в 60-х годах I в. до н. э. При создавшемся положении, когда греческие города были разорены и разрушены походом Биребисты и к тому же подвергались непрерывным нападениям окружающих племен, правящие рабовладельческие круги этих городов, еще недавно выступавшие против Рима, должны были видеть в римлянах единственную силу, способную защитить их от этих нападений и помочь им восстановить разрушенную экономику. Нельзя считать случайным и тот факт, что во время осады Крассом крепости Дапига его по-гречески приветствовал со стены один из осажденных, обещал предать крепость и сдержал свое обещание². Весьма вероятно, что подчинение греческих городов римлянам произошло без особых затруднений для последних, и их власть, свергнутая в конце 60-х годов до н. э., была восстановлена Крассом в 27 г. до н. э.

Таким образом, после длительной борьбы племена Мёзии были подчинены и власть Рима распространилась до западного берега Черного моря; 4 июля 27 г. до н. э. Красс праздновал свою победу над фракийцами. Однако уже во время этого первого этапа борьбы с римлянами разрозненные племена Мёзии начали объединяться для борьбы против завоевателей. Этот процесс консолидации сил фракийских племен в борьбе против Рима прослеживается и в последующей истории Мёзии.

другие исследователи валов, см. историографию вопроса на стр. 76—77, прим. 1.

¹ Окончательное решение этого вопроса возможно лишь после широких раскопок малого земляного вала. Может быть, трудность взятия Генуклы, лежащей за линией вала, следует объяснять тем, что римляне должны были потратить основные силы на штурм этого гетского укрепления.

² Dio Cass., LI, 26, 2.

III. ПРОВИНЦИЯ МЁЗИЯ В I ВЕКЕ Н. Э.

1. Мёзия до организации провинции

а) Внутренние районы страны

Постоянные набеги из-за Дуная, яростное сопротивление, оказанное свободолюбивыми фракийцами во время похода Красса, и враждебность их к завоевателям, проявляемая после ухода римских войск, заставили римлян подождать с организацией в Мёзии провинциального управления. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что, одновременно с мёзийской войной, на западе шла напряженная борьба за покорение Испании. Поэтому на некоторое время римляне оставили местную племенную организацию без существенных изменений. Им оченьгодились связи со знатью мёзийско-гетских племен. Гетский царек Рол, который еще во время первого похода Красса против бастарнов в 29 г. до н. э. поспешил выказать свою преданность новым хозяевам, а затем подтвердил свою верность Риму в битве против Дапига¹, присоединил территории непокорных гетских племен к своему царству и в качестве союзника² Рима правил на большей части территории Добруджи. Однако Рол не сумел удержать за собой власти, и уже в 16 г. до н. э. нападение сарматов на Малую Скифию отражает не он, а Люций Тарий Руф³; о Роле же или его потомках мы больше не встречаем упоминаний.

После похода Красса вся мёзийская территория была разделена на две части—восточную и западную. Восточная часть надолго вошла в состав клиентного Фракийского государства, во главе которого стояли правители из племени одрисов. Западная граница одрисских владений до последнего времени не могла быть установлена точно. Только после опубликования Пырваном

¹ Dio Cass., LI, 26, 1—2.

² Там же, 24, 7.

³ Dio Cass., LIV, 9, .

письма Лаберия Максима (правителя Мёзии во времена Траяна) к истрийцам¹ стало возможно с большей определенностью говорить о западной границе фракийского Одрисского государства в Мёзии, очевидно проходившей у *Dinim*, станции дунайской прибрежной дороги (близ современного Белене). Северная граница этого государства доходила, очевидно, до Дуная (включая с 16 г. до н. э. территорию Добруджи), так как один из одрисских царей, Рескупорид, собирався итти войной за Дунай против скифов и бастарнов². Эта восточная часть Мёзии, как и вся Фракия, была передана в управление одрисскому царю Рёметалку³.

Получив в управление столь обширные территории, одрисские правители (их царство вновь достигло пределов, о которых говорит Фукидид⁴) должны были организовать охрану своих границ, так как римские войска стояли далеко на западе. Известно, что одрисские посты и крепости находились в Эгизосе и Трезмисе⁵. Несомненно, что подобные же фракийские укрепления были и в других местах одрисской части Мёзии. Войско фракийских царей состояло из отрядов, сформированных по племенному принципу: во главе их стояли племенные вожди (*duces*). Так, Веллей Патеркул указывает, что Рёметалк I привел с собой на войну большой отряд фракийцев, находившийся под руководством вождей⁶. Подобные же сведения, относящиеся к 26 г. н. э., можно почерпнуть и из Тацита⁷. Совершенно очевидно, что в армию Рёметалка, о которой говорит Веллей Патеркул, входили и жители Мёзии, находившиеся в это время под властью фракийских царей. Метод набора по племенным подразделениям, возглавляемым местными вождями, указывает на жизненность родоплеменных отношений в Мёзии в начале I в. н. э.

Судя по методу набора в армию, Рёметалк не вводил каких-либо существенных изменений в управление порученных ему областей: очевидно, племенами и родами попрежнему руководили их вожди; отличие состояло лишь в том, что, ранее самостоятельные и независимые, они должны были теперь подчиняться единому фракийскому царю.

Уже в начале I в. часть Мёзии, входившая в состав Одрисского царства, была обложена податью, сбор которой проходил

¹ P a r v a n. *Histria* IV, № 15—16, p. 717.

² T a c. *Ann.*, II, 65.

³ Там же, 64: ...*omnem eam nationem* (т. е. фракийцев) *Rhoemetalces tenuerat*.

⁴ T h u c., II, 96, 97.

⁵ O v i d., *Ex Ponto*, IV, 9, 79.

⁶ V e l l. *Pat.*, H. R., II, 112, 4.

⁷ T a c. *Ann.*, IV, 46.

под контролем фракийского царя. Об этом говорит надпись, найденная в Истрии. Здесь говорится о налоге, собираемом на всем протяжении Дуная¹, причем сбор налога, очевидно, регулировался Рёметалком. В. Пырван относит надпись к первым годам I в. н. э.

Начальный, как, впрочем, и последующие периоды существования клиентного Одрисского царства был наполнен ожесточенной борьбой фракийских племен за свою независимость. Одним из наиболее крупных руководителей борьбы фракийцев против римлян, сразу после образования Одрисского царства, в 16—11 г. до н. э.² был жрец святилища Диониса Вологез, возглавивший восстание бессов против преданных Риму одрисских правителей. В защиту последних выступил проконсул Македонии — Люций Кальпурний Пизон, которому только в результате напряженных боев удалось покорить восставших, после чего Фракия окончательно была отдана в управление одрисским царям. Хотя Дион Кассий, говоря о восстании против одрисов, описывает только события, происходившие на юг от Балканских гор, есть некоторые основания предполагать, что и к северу от Балканского хребта население принимало горячее участие в движении фракийцев и что после окончания похода Красса (27 г. до н. э.) их сопротивление далеко не было сломлено. Такое предположение кажется возможным в свете дальнейших событий (21 и 26 гг. н. э.), когда восстания южных фракийцев поддерживались их собратьями на севере, о чем есть достоверные свидетельства. Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что основное ядро восставших составляло племя бессов, которое после поражения переселилось из Фракии в Малую Скифию и, осев там в качестве постоянных жителей, не могло не сохранить своих свободолюбивых традиций. Следует вспомнить также, что сведения о Роле, ставленнике Рима, прекращаются как раз в 16 г. до н. э., т. е. тогда, когда фракийское восстание достигло наибольшего размаха.

Хотя все сведения о внутренних мёзийских областях до организации провинции относятся к восточной части страны, вошедшей в состав Одрисского царства, нет оснований полагать, что в другой, западной ее части проводился иной метод администрирования: весьма вероятно, что на западе Мёзии управление было поделено между местными царьками, подобно Ролу — вассалами Рима, имена которых история нам не сохранила³.

¹ V. Pârvan. Histria IV, № 14: τὸ τῆς κατὰ τὸν Ἰστρὸν ὁχθρῆς τέλος.

² Dio Cass., LIV, 34, 5—7.

³ См. об этом периоде работу Г. Кацарова. Принос към старата история на София. София, 1910. Ср. В. Н. Дьяков, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 82.

Непосредственно после завоевания в восточной части Мёзии, находившейся под властью одрисских царей, римские легионы не размещались. Римляне появлялись здесь лишь в случае крайней необходимости. Так было, например, в 12 г. н. э., когда на одрисскую крепость Эгизос, лежащую в дельте Дуная, напали даки¹ и захватили город. Римляне под руководством легата Вителлия приплыли по Дунаю и совместно с фракийским царем Реметалком восстановили прежнее положение. Аналогичный случай произошел со взятием даками же Трезмиса. Город был быстро взят назад римлянами, причем и на этот раз римские отряды приплыли по Дунаю². Все это указывает на существование римского флота на Дунае уже во времена Августа³.

Постоянные лагеря римских легионов находились на крайнем западе будущей Мёзии⁴. Основываясь на расположении военных дорог в начале правления Августа, А. Домашевский убедительно доказывает, что первоначально римские легионы в Мёзии были расположены по рекам Ахиус (современный Вардар) и Margus (современная Морава)⁵. Это обстоятельство чрезвычайно интересно с точки зрения взаимоотношений римлян с покоренными племенами Мёзии. Очевидно, в этот период римляне не столько заботились о прекращении набегов из-за Дуная, сколько ставили своей целью держать в повиновении местное население.

б) Прибрежные города

Основным литературным источником по истории припонтийских городов Мёзии непосредственно после римского завоевания являются «Жалобы» («Tristia») и «Послания с Понта» («Ex Ponto») Овидия. Несмотря на мрачные тона, которыми поэт рисует картину жизни в Томи, все же в основе его посланий с Понта лежит достоверное отображение окружающей действительности.

К такому выводу нас приводит сравнение того, что описывается в пяти книгах «Tristia» и первых трех книгах «Ex Ponto»

¹ Ovid., Ex Ponto, I, 8, 11.

² Там же, IV, 9, 75.

³ Вернее всего считать, что легион, приплывший по Дунаю в Малую Скифию, был IV Скифский, который получил свое название по имени страны, где он достиг успеха (E. Ritterling. Legio. R. E., 1556).

⁴ До разделения провинции Мёзии на Нижнюю и Верхнюю в 86 г. н. э. мы будем подразумевать под термином «Мёзия» и ту, и другую ее часть.

⁵ A. Domaszewski. Die Entwicklung der Provinz Moesia, NHJ, I, 1891, стр. 199.

(т. е. события с 9 г. н. э. до 15 г. н. э.), с тем, что рассказывается в четвертой книге «Ex Ponto» (написанной в 16 г. н. э.). Что могло побуждать Овидия утрировать трудности и опасности жизни на Понте? Естественно, желание вызвать сострадание у влиятельных друзей, с тем, чтобы они вымолили для опального поэта прощение у непреклонного императора. Тоска по Риму, родным и близким людям в последних книгах звучит у Овидия не слабее, чем в первые годы изгнания; скорее наоборот: она усиливается, доходит до галлюцинаций. Тем не менее, в четвертой книге «Ex Ponto» почти отсутствуют жалобы на нападения „варваров“, на опасности и тяготы пребывания в Томи, составляющие содержание первых книг. Бесспорно, послания поэта с Понта не вымысел, а достоверная летопись событий, в которой легко отделить подлинные факты от той субъективной окраски, которую придает им восприятие изнеженного знатного римлянина. Кроме того, сведения Овидия находятся в полном согласии с теми данными, которыми располагает нумизматика, и с общим ходом истории страны.

При настоящем состоянии источников трудно с определенностью сказать, вошли ли после римского завоевания греческие города в состав римской провинции Македонии или же были подчинены одрисским правителям. Все же мы склонны считать греческие города формально вошедшими непосредственно после римского завоевания в состав провинции Македонии. Из слов Овидия, обращенных к Августу в 9 г. н. э.: «hactenus Euxini pars est Romana sinistri, proxima Basternae Sauromataeque tenent; haec est Ausonio sub iure novissima vixque haeret in imperii margine terra tui»¹, как будто следует, что город Томи входил в состав Римского государства. Во время путешествия к месту изгнания Овидия сопровождает охрана, предоставленная ему проконсулом Македонии Секстом Помпеем, который посещал потом изгнанника². Однако римское владычество здесь, непосредственно после завоевания и еще в начале пребывания тут Овидия, носило номинальный характер. Отсутствие римских войск вело к постоянным нападениям гетов и сарматов на Томи. Несмотря на жестокость, с которой римляне проводили завоевание Мёзии, им не удалось внушить страх местным племенам, окружающим Томи³. Греческие города находились в состоянии постоянной осады; городские ворота должны были быть все время на запоре; стрелы, пущенные гетами или

¹ Ovid., Tristia, II, 197.

² Ovid., Ex Ponto, IV, 1, 1.

³ Там же, I, 2, 83: Maxima pars hominum nec te, pulcherrima, curat, Roma, nec Ausonii militis arma timet.

сарматами, часто перелетали через городские стены и падали посреди улиц¹.

В еще более бедственном положении находились ближайшие окрестности города. Нападающие уводили в рабство мирных жителей, грабили их имущество и поля². Нормальная экономическая жизнь страны была нарушена. Земледелие находилось в упадке³, так же как и скотоводство⁴. Однако неверно было бы говорить о полном прекращении хозяйственной деятельности даже в это время. Население сумело приспособиться к постоянным набегам врага: пахарь пашет вооруженным, а пастух пасет стада, надев на голову шлем. Упадок торговли западнопонтийских городов выразился почти в полном прекращении монетной чеканки. Для Томи засвидетельствована только одна монета времен Августа⁵; другую монету — из Истрии, которая иногда приписывается этому же императору, по ряду признаков следует отнести к более позднему времени⁶. Для других прибрежных городов не засвидетельствовано ни одной монеты этого времени. Данные нумизматики вполне согласуются с тем, что говорит Овидий о прекращении торговли с отдаленными местами, об ограничении ее лишь местной округой⁷ и о беспорядках на форуме⁸.

У Овидия местное население, окружающее греческие города, как бы делится на тех, которые нападают, и тех, на которых нападают. С одной стороны — мирный землепашец и скотовод, с другой — враг, с луком и стрелами, ждущий удобного момента для нападения⁹. Никакого племенного различия между теми и другими найти по Овидию невозможно: геты у него оказываются то нападающими, то подвергающимися нападению. Однако все же можно уловить, что мирными он считает тех, жизнь которых связана с греческими городами. Остальные кажутся ему разбойниками¹⁰.

¹ Ovid., passim; особенно Tristia, V, 10, 15—29: Ex Ponto, I, 2, 15—24.

² Ovid., Tristia, III, 10, 60—64.

³ Там же, 68: ....nec quisquam presso vomere sulcat humum; Tristia, V, 10, 23: est igitur rarus, rus qui colere audeat.

⁴ Ovid., Tristia, V, 10, 25.

⁵ B. Pick — K. Regling, № 2576, стр. 673.

⁶ Там же, № 484, стр. 155.

⁷ Ovid., Tristia, III, 12, 35: Ille quidem (т. е. приплывший на корабле. — Т. З.) mirum ni de regione propinqua non nisi vicinas tutus ararit aquas.

⁸ Ovid., Tristia, V, 10, 44.

⁹ Ovid., Ex Ponto, I, 2, 20: More lupi clausas circueuntis oves.

¹⁰ Ovid., Tristia, V, 7, 11: Mixta sit haec quamvis inter Graecosque Getasque, a male pacatis plus trahit ora Getis. Или Tristia, V, 10, 28 и 31: Mixta facit Graecis barbara turba metum... quos ut non timeas, possis olisse videndo pelliibus et longa corpora tecta coma.

Этнический состав греческих городов, довольно однородный в классическую эпоху¹, после похода Биребисты сильно изменился. Даже если Овидий и преувеличивает, говоря, что «варвары занимают большую часть домов в Томи», то все же представители различных племен составляли, повидимому, немалый процент среди жителей греческих городов. Одна надпись из Аполлонии поставлена в честь некоего фракийца Μήτοχος Ταρούλου, бывшего главным инициатором восстановления города после его разрушения Лукуллом или Биребистой².

Римские гарнизоны отсутствовали на территории греческих городов. При нападении на город выступало местное ополчение, в которое, между прочим, был включен и Овидий³.

В эпоху Августа продолжается и, возможно, становится более интенсивным процесс выделения знати, повышение ее материального и морального веса в городах западного Понта. Об этом свидетельствуют две надписи: из Истрии⁴ и из Каллатиса⁵, относящиеся к началу римского правления. Содержание обеих надписей сходно: в них восхваляются знатные граждане за то, что они дали средства, чтобы сохранить в необходимом блеске культ богов. Их чествуют как спасителей и благодетелей города во всех случайностях и опасностях (ἐν παντὶ καὶ ῥῶ καὶ κινδύνῳ σῶζων καὶ εὐεργετῶν). Характерно, что один из чествуемых, Аристон, является сыном человека, оказавшего в свое время подобное же благодеяние городу.

Таким образом, в западнопонтийских городах существовал определенный круг семей, которые благодаря своему богатству оказывали влияние на народ и административные учреждения городов.

Следует обратить внимание на то, что уже в это время фракийская знать начинает играть определенную роль в жизни греческих городов. Об этом свидетельствует упомянутая надпись в честь фракийца Μήτοχος Ταρούλου, который пожертвовал для восстановления Аполлонии часть своего состояния⁶.

Включенные в состав римской провинции греческие города облагались налогами в пользу Рима. Однако, несмотря на то, что

¹ См. Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города VII—I вв. до н. э. Архив Ин-та истории АН СССР.

² Хр. Данов. Западнят бряг на Черно море в древността. София, 1947, стр. 130.

³ Ovid., Tristia, IV, 1, 69 и Ex Ponto, I, 8, 7.

⁴ V. Părvan. Histria VII, №№ 11 и 15.

⁵ Th. Saucius-Saveanu. Callatis, «Dacia», I, 1924, стр. 141—144.

⁶ Хр. Данов. Ук. соч., стр. 130.

уже в начале римского владычества по Дунаю были установлены посты для взимания подати ($\tau\acute{o} \tau\eta\varsigma \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \tau\acute{o}\nu \text{ } \text{Ἰστρὸν} \delta\chi\theta\eta\varsigma \tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$), истрийцы получают освобождение от пошлин на Дунае, как об этом свидетельствует фрагмент надписи из Истрии, которую В. Пырван датирует началом I в. н. э.¹

Так как и в дальнейшем Истрия владеет этим же иммунитетом, естественно возникает вопрос, чем объяснить столь льготное положение Истрии и, что весьма вероятно, других греческих городов² по сравнению с внутренней территорией? Возможно, римляне видели в греческих городах опору своей власти, те островки во враждебном им фракийском мире, на которые они могли опереться в случае открытых восстаний против Рима или скрытого противодействия римской политике. Первый документ о предоставлении льгот истрийцам хронологически совпадает с тяжелым для римлян временем восстаний в Далмации и Паннонии, в которых, как мы попытаемся доказать, принимали участие и фракийские племена.

Отсутствие постоянного римского гарнизона, прекращение торговли с Римом и незнание жителями Томи латинского языка, на которое неоднократно жалуется Овидий, говорят о почти полном отсутствии римского влияния на греческие города западного Понта в начале I в. н. э.

Для выяснения отношений прибрежных городов с лежащей за ними внутренней страной, находившейся в ведении одрисских правителей, большое значение имеет упоминавшаяся выше надпись в честь каллатийца Аристона³. Надпись начинается словами: «При царе Котисе, сыне Рёметалка» ($\epsilon\pi\iota \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\omicron\varsigma \text{ } \text{Κότυρος τοῦ } \text{Ροιμητάλκᾱ}$). Как доказал издатель (с ним соглашается и Пырван⁴), речь идет о Котисе, сыне царя Рёметалка, убитом в 19 г. н. э. На основании датировки надписи можно утверждать, что Котис был избран магистратом-эпонимом Каллатиса. Это обстоятельство свидетельствует о тесных связях между причерноморскими городами Мёзии и фракийскими правителями в начале I в. Надпись в честь Аристона — не единственное свидетельство связей греческих городов с фракийскими царями.

¹ Pârvan. Histria IV, № 14. Очевидно, перед нами один из тех документов, на которые позднее, в середине I в., ссылаются истрийцы для обоснования своих просьб о продлении им льгот как установленных издавна.

² Из слов Овидия: Quem vix incolumi cuiquam salvoque daretis, is datus a vobis est mihi nuper honor. Solus adhuc ego cum vestris immunis in oris, exceptis, si qui munera legis habent (Ex Ponto, IV, 14, 51—54) тоже следует, что томиты чувствовали себя хозяевами в области сбора налога и пошлин.

³ «Dacia», I, 1924, стр. 141.

⁴ Pârvan. «A propos du „basileus“ Cotys de Callatis». «Dacia», I, 1924, стр. 363—367.

Нижняя часть надписи № 14, опубликованная Пырваном в 1916 г.¹, говорит о каких-то отношениях между Рёметалком и истрийцами, связанных с освобождением их от податей. Установить точно характер зависимости греческих городов от фракийского царя на основании этой весьма фрагментарной надписи нельзя, но наличие самой зависимости бесспорно. Возможно, что Рёметалк, зависимый от Рима хозяин восточной части Мёзии, был ответствен за сбор податей не только во внутренней части Мёзии, принадлежащей его государству, но и в греческих городах мёзийского побережья Понта. Помимо этой экономической зависимости городов, существовала и военная зависимость их от фракийских правителей. Так, например, в Одессе найдена надпись в честь Меногена, сына Асклепиада, который был начальником пограничной службы у одрисского царя Садала II². Отсутствие римских войск и почти полная беспомощность городских жителей в случае серьезного нападения врагов ставили греческие города перед необходимостью считаться с одрисами и, таким образом, находиться в двойной зависимости: от Рима и от фракийских правителей.

Вероятно, фракийские правители проводили в подвластных им территориях политику, продиктованную Римом. В частности, этим можно объяснить мелкий, но все же характерный факт — холодное молчание Котиса в ответ на полное надежд письмо Овидия к нему, написанное после вступления Котиса на престол в 13 г. н. э. Овидий просит Котиса, который тоже был поэтом, понять его и помочь ему «безопасно прожить в ненавистном месте»³. Ни в следующем году, ни потом мы не слышим у Овидия отзвука на ответное послание своего могущественного собрата по перу. Весьма возможно, молчание молодого царя объясняется его нежеланием покровительствовать и писать человеку, провинившемуся перед властителем и патроном фракийских царей — Августом⁴.

2. Паннонско-далматинское восстание 6—9 гг. н. э. и фракийские племена

То обстоятельство, что римляне долгое время не могли ввести в Мёзии обычное провинциальное управление, наводит на мысль, что недостаточно освещенный период в истории Мёзии, с 28 г.

¹ P â r v a n. Histria IV, стр. 555, 709.

² Хр. Д а н о в. Западният бряг на Черно море в древността, стр. 70.

³ O v i d., Ex Ponto, II, 9, 7.

⁴ P â r v a n. A propos du „basileus“ Cotys de Callatis. «Dacia», I, 1924, стр. 365.

до н. э. до образования провинции (конец правления Августа), был наполнен эпизодами освободительной борьбы племен против Рима, среди которых восстание под руководством Вологеца, возможно, не было самым крупным. Восстановить весь ход борьбы при настоящем состоянии источников нам не представляется возможным. Однако один из этих эпизодов мы попытаемся восстановить, чтобы хотя отчасти заполнить белое пятно в истории Мёзии.

Шестым годом н. э. кончается период завоеваний во внешней политике Августа: покоренные народы восстали против Рима, вынужденного перейти к обороне.

В западноевропейской литературе установилось мнение, что фракийские племена не принимали участия в паннонско-далматинском восстании 6—9 гг. н. э.¹ Следует, однако, разобратить источники, могущие пролить свет на этот очень важный для нас вопрос, чтобы установить позицию как фракийских племен Мёзии, так и греческих городов западного побережья Понта в этом освободительном движении.

Основными источниками по паннонско-далматинскому восстанию следует считать работы Веллея Патеркула и Диона Кассия². Оба источника сообщают, что фракийские войска под руководством Рёметалка (куда бесспорно входили и контингенты войск из восточной Мёзии как территории, подвластной фракийскому царю) и мёзийские легионы под руководством Цецины Севера принимали участие в борьбе с восставшими. Веллей Патеркул описывает один эпизод этой борьбы³. Дион Кассий дважды возвращается к описанию этих событий. В своей книге (LV, 29, 3) он рассказывает, что паннонское племя бревков под руководством Батона направилось в Сирмиум, чтобы захватить находящийся там римский гарнизон, но не смогло взять город, так как Цецина Север быстро подошел к восставшим и в сражении у Дравы победил их. Вскоре же после этого Дион рассказывает (LV, 30, 3), что другой Батон — предводитель далматинцев, после неудачного для него сражения с Валерием Мессалином отправился к Батону — руководителю племени бревков, соединился с ним и вел совместно борьбу против Рёметалка и Цецины Севера, оказывая им сильное сопротивление. После этого Цецина должен был уйти в Мёзию, на которую напали даки и савроматы. Некоторые исследователи усмотрели в этих двух эпизодах один и тот же

¹ «Klio», VI, 1906, стр. 2; V. Gardthausen. Augustus und seine Zeit, т. I, Lpz., 1891—1904, стр. 1181; A. Premenstein. Die Anfänge der Provinz Moesien. JOAI, I, Beibl., стр. 165.

² Vell. Pat., H. R., II, 110, 111, 112; Dio Cass., LV, 29, 30 и 32.

³ Vell. Pat. H. R., II, 112, 4.

рассказ. Однако разница очевидна: в первом эпизоде бревки выступают самостоятельно, во втором — совместно с далматинцами; там они борются против одного Цецины Севера, здесь — против Севера и Рёметалка; в первом эпизоде Цецина победил, во втором — нет¹. Перед нами два различных эпизода борьбы. При сопоставлении их неизбежно напрашивается вывод, что римский полководец Цецина Север, руководя мёзийскими легионами, выступил против восставших паннонцев и далматинцев, но вскоре, несмотря на то, что он оказался победителем, вынужден был уйти с театра военных действий. Куда ушел Цецина? Исходя из того, что во втором эпизоде он появляется с востока вместе с Рёметалком, можно предполагать, что Север побывал на территории Фракийского царства. Поводом к его срочному уходу на этот раз не было вторжение даков и сарматов, как это случилось во втором эпизоде. Очевидно, Север должен был уйти во Фракию в связи с какими-то волнениями и смутами внутри страны, а не на дунайской границе. В этом отношении весьма знаменательна надгробная надпись Люция Плиния, солдата XX легиона, найденная в Мёзии². XX легион сражался в 6 г. н. э. в Иллирике³, а в 9 г. н. э. уже отправился в Германию⁴. Таким образом, *terminus post quem* этой надписи является 6 г. н. э., *terminus ante quem* — 9 г. н. э. Итак, XX легион или часть его между 6 и 9-м годами находилась в Мёзии. Чрезвычайно важно, что местом находки надписи было село Реселец близ г. Бяла-Слатина на реке Скит. Очевидно, легион не стоял на дунайской границе и не ставил своей целью борьбу с задунайскими племенами. С другой стороны, пребывание легиона в «усмирённой» Мёзии в период паннонско-далматинского восстания, этого «*gravissimum omnium externorum bellorum post Punica*»⁵, когда восставшие угрожали самой Италии⁶, указывает на серьезные волнения внутри страны и на то, что борьба народов Паннонии и Далмации за свою независимость нашла живой отклик и поддержку среди фракийских племен. Что касается поведения на войне фракийцев, возглавлявшихся Рёметалком, то Веллей Патеркул вполне определенно говорит, что они бежали: «*Fugata regionum equestris acies*»⁷.

Позицию прибрежных греческих городов Мёзии в событиях 6—9 гг. установить чрезвычайно трудно, так как есть лишь кос-

¹ См. R. Raut. Zur Geschichte des pannonisch-dalmatischen Krieges. «Klio», XIX, 3, стр. 321.

² CIL, III, 7452.

³ Vell. Pat. H. R., II, 112, 2.

⁴ R. E. Legio, 1770—1771.

⁵ Suet., Tib., 16.

⁶ Dio Cass., LV, 30, 1.

⁷ Vell. Pat., H. R., II, 112, 4.

венное указание, могущее пролить свет на этот вопрос. Речь идет о надписи из Каллатиса, в которой указан эпоним города — Котис, сын Рёметалка Фракийского¹. Как справедливо указывает Пырван², Котис мог быть избран магистратом Каллатиса до того как он стал фракийским царем, т. е. до 13 г. н. э. Возможно, надпись относится ко времени паннонско-далматинского восстания. В таком случае Котис находился в Каллатисе в период, когда его отец Рёметалк был занят в Иллирике подавлением восстания. Как мы видим, Котис был осыпан почестями и окружен заботой греков. Эта позиция правящих кругов греческих городов является лишь продолжением той линии по отношению к Риму, которую они заняли со времени римского вторжения в 29 г. до н. э., и объясняется, кроме того, их экономической и военной зависимостью от фракийских правителей.

3. Образование провинции Мёзии

События 6—9 гг. доказали римлянам необходимость усилить систему обороны внутренней части Мёзии и укрепить границу по Дунаю. Без этих мероприятий покорение Мёзии не могло считаться законченным. Поэтому, вскоре после подавления восстания, в 9 г. проводится ряд мероприятий, способствующих созданию провинции Мёзии. Очевидно, уже в это время были установлены легионные лагеря в местах старых фракийских укреплений в Виминации (у впадения в Дунай реки Margus, современной Моравы) и в Ратиарии. Однако достоверные свидетельства их существования в указанных местах относятся к немного более позднему времени — 33—34 г. н. э., которым датируется надпись IV Скифского и V Македонского легионов, совместно строивших дорогу между их лагерями: надпись найдена недалеко от города Болетина, расположенного на дороге между древней Ратиарией и Виминацием³. Об этих же легионах говорит Тацит⁴.

В качестве мероприятия, способствующего созданию римской провинции в Мёзии, следует назвать переселение (о котором упоминает Страбон⁵) 50 тыс. гетов (вернее, даков) на южный берег Дуная, проведенное Элием Котом. Трудно сказать, к какому году относится это событие. Страбон не указывает должности

¹ Th. S a u c i u s - S a v e a n u. Callatis. «Dacia», I, 1924, стр. 141—144.

² P â r v a n. A propos du „basileus“ Cotys de Callatis. «Dacia», I, 1924, стр. 364.

³ CIL, III, 1698.

⁴ T a c. Ann., IV, 5.

⁵ S t r a b o., VII, 3, 10.

Ката и не связывает это переселение с каким-либо другим датированным событием. Флюсс¹ относит это событие к 5 г. н. э., считая, что Элий Кат Страбона идентичен консулу 4 г. н. э. — Sextus Aelius Catus. Однако эту датировку, на наш взгляд, никак нельзя принять. Переселение на южный берег Дуная такой массы враждебных Риму людей требовало большого числа легионеров, не только принимавших участие в самой операции, но и после нее остающихся неподалеку от переселенных, так как последние в любую минуту могли поднять восстание. Между тем, во время паннонско-далматинского восстания не было легионных лагерей близ Дуная. Поэтому операцию Ката следует отнести ко времени после подавления восстания. Это тем более вероятно, что как раз во время паннонско-далматинского восстания даки вместе с сарматами совершили набег через Дунай, и римляне особенно остро ощутили силу варваров в случае их совместного выступления на западе и востоке дунайских провинций. Судя по тому, что, как сообщает Страбон, переселенных гетов стали называть мёзами², переселение происходило именно на территорию этого племени, т. е. на запад будущей Нижней Мёзии, в район стоянки первых на Дунае римских легионов. Переселение в восточную часть Мёзии вряд ли было возможно из-за отсутствия военной силы, способной держать в повиновении переселенных даков. Операция Ката предполагает наличие свободных земель в Мёзии. Подобного рода насильственные переселения имели как экономические цели — обложение данью племен, так и военные: оторванные от своих соплеменников, переселенные на незнакомые места, даки, конечно, не могли уже быть той грозной силой, какой они были у себя на родине.

К мероприятиям, подготовлявшим создание провинции, следует отнести также экспедицию Лентула (Сн. Cornelius Lentulus). О его действиях за Дунаем, в стране даков, сообщают Флор³, Тацит⁴, и гл. 30 и 31 Res Gestae divi Augusti. Датировать и это событие чрезвычайно трудно. Совершенно бесспорно то, что Лентул, получивший triumphalia de Getis⁵, установленные лишь в 12 г. до н. э.⁶, не мог действовать ранее этого года⁷. Моммзен связывает поход Лентула с на-

¹ M. Fluss. R. E. Moesia, 2364.

² Strabo., VII, 3, 10: Μοισοί.

³ Flor., II, 28—29.

⁴ Tac., Ann., IV, 44.

⁵ Там же.

⁶ A. Premerstein. Ук. соч., стр. 166—167.

⁷ Поэтому нельзя считать правильным мнение Пача (Patsch. Beiträge, стр. 91), относившего борьбу Лентула с даками к 13 г. до н. э.

падением даков и сарматов в 6 г. н. э.¹ Однако невозможно представить себе, чтобы в столь напряженный момент римляне совершили поход за Дунай и создали там оборонительный рубеж: „*citra praesidia constituta*“, как сообщает Флор². Да и руководил операцией против даков и сарматов в 6 г. Цецина Север, а не Лентул. Р. Сайм посвятил большую статью Лентулу и связанным с ним проблемам³, однако и его датировку похода (1—4 гг. н. э.) нельзя признать удовлетворительной. Сайм отвергает возможность связать нападение даков в 11—12 гг. н. э. с походом Лентула на том основании, что Лентул одержал решительную победу и даки не смогли бы оправиться и уже в 16 г. повторить набег. Между тем, если и придерживаться датировки Сайма, то все же следует допустить набег даков уже через 2—3 года после похода Лентула (нападение даков и сарматов в 6 г. н. э.). Наиболее вероятной датой похода Лентула на даков следует признать 10—12 гг. н. э. Именно к этому периоду относит Орозий свое сообщение о том, что «*sub extrema senectute Augusti*» происходило «*Dacorum commotio*», 12-м годом датирует Овидий нападение даков на Эгизос⁴. И, наконец, Страбон, писавший в 18 г. н. э., говорит об одной дакийской войне, ведшейся по ту сторону Дуная, как о событии недавнего прошлого⁵. В свете предшествующих событий предлагаемая нами датировка кажется возможной: Риму необходимо было укрепить свой авторитет на Дунае и предотвратить наступление извне одновременно с выступлениями внутри страны. Единственное, что кажется странным при такой датировке, это упоминание Котизона в связи с Лентулом у Флора⁶. Как известно, этот дакийский царь уже в 35 г. до н. э. был противником Рима⁷. Однако все же возможно, что он, будучи уже очень пожилым человеком, вел войну с Лентулом. Флор рассказывает, что царь Котизон, когда жестокий мороз соединял льдом берега Дуная, имел обыкновение опустошать соседние поля. Посланный туда Лентул прогнал даков далеко за реку и установил охранные посты (*praesidia*). Это сообщение Флора согласуется с тем, что говорится в *Res Gestae* (30): «И после моя армия перешла Дунай и заставила племена даков подчиниться воле римского народа», и далее (31): «Бастарны, скифы и цари сарматов на обеих сторонах Танаиса отправили послов и

¹ Т. Моммзен. История Рима, т. V, М., 1949, стр. 50.

² Flor., II, 28.

³ R. Syme. *Lentulus and the origine of Moesia*. JRS, XXIV, 1934, стр. 113—137.

⁴ Ovid., *Ex Ponto*, I, 8, 11.

⁵ Strabo., VII, 304.

⁶ Flor., II, 28.

⁷ Suet., *Aug.*, 63.

просили у меня дружбы». Очевидно, поход Лентула имел целью не завоевать Дакию, а поднять авторитет Рима к северу от Дуная и, установив охранение по южному берегу Дуная, обеспечить безопасность северной границы Мёзии. Лентул выполнил поставленную задачу, но не надолго: спустя 4 года, в 16 г., вновь произошло нападение даков на Трезмис¹.

В исторической литературе существуют самые различные мнения по поводу времени возникновения провинции Мёзии. Одни из авторов придерживаются очень ранней датировки — 27, 15 и 13 гг. до н. э.², другие указывают несколько более поздние даты — 6 и 9 гг. н. э.³ Не имея возможности привести аргументы всех авторов, отметим лишь, что ни один из них не основывается на прямом, бесспорном свидетельстве источников. Наиболее веским аргументом сторонников ранней датировки является сообщение Диона Кассия о том, что Цецина Север, действовавший в Мёзии в 6 г. н. э. во время паннонско-далматинского восстания, был *ὁ τῆς πλησιοχώρου Μοισίας ἄρχων*⁴. Это было бы неопровержимым доказательством того, что Мёзия была организована в провинцию до 6 г. н. э., если бы была уверенность, что Дион Кассий употребил термин «ἄρχων» в значении «правитель провинции». Однако у этого автора такое определение относится к лицам, которые были не правителями провинции, а *legati exercitus* — командирами легионов⁵. Ссылка Маркварда на Овидия⁶ не проливает света на вопрос о возникновении провинции, так как слова поэта никак нельзя распространить на всю Мёзию, а следует отнести только к городу Томи. Нам представляется, что при настоящем состоянии знаний у нас нет твердых оснований для точной датировки возникновения римской провинции Мёзии. *Terminus ante quem* этого события — 15 г. н. э., так как в этом году, по сообщению Тацита, Тиберий поручил Поппею Сабину управление тремя провинциями: Мёзией, Ахаей и Македонией⁷. Возможно, организация провинции произошла около этого времени, так как Аппиан, который был служащим императорского фиска, сооб-

¹ Ovid., *Ex Ponto*, IV, 9, 79.

² E. Ritterling. *R. E. Legio*, 1218; Patsch. *Beiträge*, стр. 86; H. Dessau, *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, I, стр. 395; Т. Моммзен. *История Рима*, т. V, М., 1949, стр. 28 и 29 (прим. 1).

³ J. Marquardt. *Staatsverwaltung*, I, стр. 302; M. Fluss. *R. E. Moesia*, V, 2372; R. Rau. «*Klio*», XIX, стр. 320.

⁴ Dio Cass., LV, 29, 3.

⁵ Так, например: Сентий Сатурнин — «ὁ τῆς Γερμανίας ἄρχων» (Dio Cass., LV, 28, 6) или Вергиний Руф — «ἄρχων τῆς Γερμανίας» (Dio Cass., LXIII, 24, 1).

⁶ Ovid., *Tristia*, II, 197: *Hactenus Euxini pars est Romana sinistri*

⁷ Tac., *Ann.*, I, 80: *Prorogatur Poppeo Sabino provincia Moesia, additis Achaia ac Macedonia*; cp. VI, 39.

щает, что налоги из Мёзии стали поступать с начала правления Тиберия¹. Кроме того, только с этого времени в надписях начинает фигурировать термин «провинция Мёзия» (*provincia Moesia*). Первоначально (до 46 г. н. э.) в состав провинции входила лишь западная часть ее будущей территории (от р. Margus до Dimum): восточная часть попрежнему входила в состав Одрисского клиентного государства.

В Мёзии была установлена своеобразная система провинциального управления. Во времена принципата провинция, имевшая два легиона, обычно управлялась правителем консульского ранга, которому подчинялись командиры легионов преторского ранга. В Мёзии же высшее управление и командование было сосредоточено в руках правителя большой объединенной области, включающей помимо Мёзии еще Македонию и Ахайю. Первым из этих правителей был Гай Поппей Сабин. Ему был подчинен командир двух мёзийских легионов, исполнявший одновременно должность непосредственного правителя Мёзии и имевший преторский ранг (*legatus Augusti pro praetore provinciae Moesiae legionis IV Scythicae et legionis V Macedonicae*). Эта особенность была описана Домашевским² на основании хорошо сохранившейся надписи из Аретцо, поставленной в честь Мартия Макра во времена Клавдия³. Сообщение надписи автор правильно ставит в связь с указанием Тацита об объединении провинций Мёзии, Македонии и Ахайи⁴ под руководством консуляра Поппея Сабина (консулом он был в 9 г. н. э.). Известны и имена подчиненных ему *legati pro praetore*: в 18 г. н. э. Тацит упоминает Латиния Пандузу (*Latinius Pandusa pro praetore Moesiae*); его преемником был Помпоний Флакк⁵; Дион Кассий сообщает о Помпонии Лабеоне⁶. Зависимость, например, Лабеона от Поппея Сабина явствует из того, что триумфальные знаки за усмирение фракийского восстания 26 г. были назначены не Лабеону, который был непосредственным руководителем мёзийских войск, подавлявших восстание, а Поппею Сабину⁷. Описанная система верховного управления Мёзии просуществовала до 44 г. н. э., когда объединенные провинции были разделены.

Отклонение от обычной системы провинциального управления в Мёзии следует объяснить той политикой Рима, которая

¹ A p p., *Illyr.*, X, 30, ВДИ, 1950, № 4, стр. 274.

² A. D o m a s c e w s k i. Zur Geschichte der röm. Provinzialverwaltung. «*Rhein. Museum*», N. F., XLV, 1890, стр. 1—4.

³ CIL, XI, 1835.

⁴ T a c., *Ann.*, I, 80 и VI, 39.

⁵ Там же, II, 66.

⁶ D i o C a s s., LVIII, 24, 3.

⁷ T a c., *Ann.*, IV, 46 и 47.

проводилась во времена Тиберия, Калигулы и Клавдия по отношению к Фракии. Одрисы не могли удержать подчиненное им население в повиновении, и Фракия оставалась тем вечно тлеющим костром, который в любую минуту мог вспыхнуть пламенем народно-освободительного восстания (что и произошло в 21 и 26 гг. н. э.). Была очевидна необходимость превратить Фракию в провинцию. С этой целью, для лучшей координации действий на Балканском полуострове и был поставлен правитель, объединявший почти все балканские страны. Таким путем Фракия было взята как бы в железное кольцо римских владений, подчиненных одному центру.

4. Римская провинция Мёзия в первой половине I в. н. э.

Создавая провинцию Мёзию, римляне должны были считаться с исторически сложившимися условиями страны. Поэтому они сохранили в системе провинции племена и их вождей, а над ними поставили в качестве римских администраторов военных командиров (*praefecti*), которые объединяли под своей властью несколько племен. Основным источником для характеристики Мёзии после превращения страны в провинцию служит надпись Гая Бебия Аттика, который был *primipilus legionis V Macedonicae, praefectus civitatum Moesiae et Treballiae*¹.

Подобную систему управления окраинными территориями римляне устанавливали не только в Мёзии, но и в других провинциях². Оставив племенную организацию, римляне подчинили ее префектам из числа офицеров близлежащего легиона. *Praefectus civitatum* — не только военная должность, но и административная. Префекты выступают как руководители племен, а не когорт или ал (для которых имеется самостоятельное обозначение: *praefectus auxiliae, praefectus cohortis* или *alae*). Объединение римлянами различных племен в одну префектуру (наша префектура охватывала два больших племени — мёзов и требаллов) способствовало уничтожению раздробленности фракийских племен и ускоряло процесс их объединения.

Свидетельств о племенных общинах в Мёзии во времена Юлиев — Клавдиев, помимо указанной надписи Бебия Аттика, нет. Это обстоятельство, однако, нельзя считать доказательством

¹ CIL, V, 1838. Надпись относится ко времени Клавдия, но так как Бебий Аттик жил 60 лет, естественно его префектуру датировать временем Тиберия.

² В Паннонии, CIL, IX, 5363: *praef(ecto) ripae Danubii et civitatum duar(um) Boior(um) et Azalior(um)*. В Далмации, CIL, IX, 2564: *[pr]aef(ecto) civitatis Maez[eiorum]*. Можно привести примеры и из других провинций, например в Африке: CIL, VIII, 5351: *praef(ecto) gentis Musulamiorum*, или CIL, VIII, 8826: *dec(urio) pr(inceps) g(entis) N[umidarum]*.

исчезновения общин, но следует объяснять малой степенью романизации местного населения и отсутствием связанного с ней обычая ставить надписи. Между тем, и в более позднее время¹ есть свидетельства существования *civitates*², которые являются бесспорным доказательством наличия племенных общин и в начале римского господства в Мёзии.

Превращение Мёзии в провинцию ознаменовалось не только существенными изменениями в административном управлении страны, но и усилением всевозможных поборов и налогов. В этот период римляне не могли еще использовать плодородные мёзийские земли для колонизации: слишком беспокойно было положение в стране. Однако натуральные поставки уже взимались: об этом свидетельствует надпись Тиберия Плавтия Сильвана³, повествующая о событиях времен Нерона.

Интересный материал для характеристики этой стороны жизни провинции дает также переписка жителей города Истрии с правителями Мёзии, найденная Пырваном⁴. Переписка эта чрезвычайно важна как для характеристики состояния западно-понтийских городов в середине I в. (в частности, Истрии), так и для выявления фискальной политики Рима по отношению к не-греческой части Мёзии, т. е. по отношению к основной части страны. Письмо Флавия Сабина сообщает о τὸ τῆς κατὰ τὸν Ἰστρου ὁχθῆς τέλος μέχρι θαλάσσης, т. е., очевидно, о таможенных станциях на берегу Дуная, стоявших вдоль по течению реки вплоть до моря. Таким образом на всем протяжении Дуная до моря была сеть береговых постов, где взимался в пользу Рима налог за ловлю рыбы. Поборами было обложено и пользование лесом⁵. Подчинив силой оружия местное население, римляне считали себя хозяевами всех естественных богатств страны.

Подобно тому, как это было в других завоеванных римлянами областях, жители Мёзии служили во вспомогательных войсках. По аналогии с Фракией, где по крайней мере до 26 г. н. э. алы и когорты возглавлялись вождями и не удалялись на очень далекие расстояния от своей родины⁶, можно предположить, что первоначально и в Мёзии

¹ CIL, III, 1447; Н. В у л и ч. Антички споменициу нашој земљи. Споменик српска краљевска академија, кн. LXXI, 1931, стр. 101.

² Термины *territoria*, *castella* имеют тот же смысл, что и *civitates*. См. Rhein. Museum, N. F., L, стр. 538—551.

³ CIL, XIV, 3608: *primus ex ea provincia magno tritici modo annonam p(opuli) R(omani) adlevavit*. См. В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Учен. записки МГПИ им. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, М., 1942, стр. 44.

⁴ P a r v a n. Histria IV, № 15—16.

⁵ Из того же письма следует, что за дерево, срубленное для факела, следовало платить налог.

⁶ T a c., Ann., IV, 46.

существовала подобная система формирования войска. Однако, очевидно, что такая система военной организации существовала в Мёзии недолго. Римляне стали формировать воинские подразделения не по племенному принципу, а набирали когорты из различных фракийских племен¹ (*cohortes Thracum*). Нельзя сказать, возникли ли все фракийские когорты во времена Августа, но бесспорно, что по крайней мере две из них — I Augusta Thracum и II Augusta Thracum созданы уже во времена этого императора, так как носят его имя. Нам не известны надписи о вспомогательных войсках, относящиеся к эпохе от Августа до Нерона, — все они относятся ко времени Флавиев или еще более позднему. Однако некоторые сведения можно почерпнуть и из этих, более поздних документов. Несомненно, первоначальные названия когорт соответствовали их составу: ядро фракийских когорт действительно состояло из фракийцев, и мёзийские рекруты должны были набираться в эти подразделения. Если судить по названиям когорт и ал, лагеря и основные места их действия лежали вне дунайских провинций: *cohors I Thracum Germanica civium romanorum*² или *cohors I Thracum Syriaca*³. Как сообщает Тацит⁴, в подавлении фракийского восстания приняла участие *cohors Sugambra*; о фракийских когортах, как и следовало ожидать, у него в этом эпизоде нет никаких сведений. Присутствие бессов в Мизенском флоте, организованном Августом для охраны берегов Италии, засвидетельствовано дипломом 52 г., выданным императором Клавдием некоему *Spartico Diuzeni f. Dip-scurto, Besso*⁵.

Нам представляется, что и принцип набора во вспомогательные войска, и метод размещения их диктовался боязнью антиримских выступлений. Однако, вопреки стремлению римлян, создание общефракийских воинских подразделений должно было способствовать усилению связей между различными фракийскими племенами и уничтожению той племенной раздробленности, которая существовала к моменту римского

¹ I Augusta Thracum — CIL, III, D. XLVI; I Thracum civium Romanorum — CIL, III, D. XXV, XXXVI, XXXIX; II Thracum civium Romanorum — CIL, III, D. XXVII; I Thracum equitata — CIL, III, D. XLII, XLIII; I Thracum Germanica civium Romanorum — CIL, III, D. XXV, XXXVI, XXXIX; I Thracum Sagittariorum — CIL, III, D. XL; I Augusta Thracum — CIL, III, D. XLVI; III Thracum — CIL, III, D. XI, XXIV; III Thracum civium Romanorum — CIL, III, D. XXIV; IV Thracum — CIL, III, D. XII, XLIV; Thracum — CIL, III, 3395, 4851; I Thracum Syriaca — Н. П о м я л о в с к и й. Два римских военных диплома, найденных недавно в Болгарии. СПб., 1880, диплом № 1.

² CIL, III, D. XXV, XXXVI, XXXIX.

³ CIL, III, D. X; CIL, III, 8261.

⁴ Тацит, *Ann.*, IV, 47.

⁵ CIL, III, D. I.

завоевания. Процесс консолидации фракийских сил, начавшийся с момента римского завоевания и вызванного им противодействия, усиливался вопреки воле римлян их политикой — как административной, так и военной. Более мелкие племенные подразделения постепенно исчезают, сливаясь с более крупными, этнически и территориально более близкими. Так, Дион Кассий говорит об исчезновении требаллов как самостоятельного племени и о слиянии их с мёзами¹.

* * *

История Одрисского зависимого государства, в которое входила восточная часть будущей Нижней Мёзии, во времена правления первых трех императоров была насыщена бурными событиями. После смерти Реметалка I Фракийского (13 г. н. э.) Август разделил Фракию. Брат умершего царя — Рескупорид получил северную Фракию и мёзийские территории; сыну Реметалка — Котису досталась южная Фракия. Однако такое положение продолжалось недолго: в 19 г. н. э. Рескупорид, стремясь к расширению территории подвластных ему земель, заманил Котиса к себе в гости и убил его². Римляне не оставили действия Рескупорида безнаказанными: в том же году он был отправлен в Рим и приговорен к ссылке в Александрию, где вскоре был убит. Фракия и после смерти Рескупорида оставалась формально разделенной: южные области, принадлежавшие раньше Котису, получили дети убитого царя, но ввиду их малолетства к ним был назначен римский опекун — Тит Требеллиен Руф; северную же часть Фракии (куда входила и часть мёзийской территории) с прибавлением города Филиппополя получил сын Рескупорида — Реметалк II, воспитывавшийся в Риме и проводивший проримскую политику. Таким образом, вся Фракия находилась во власти римских ставленников. В 21 г. н. э. население Одрисского царства подняло восстание на юге против Требеллиена Руфа, на севере — против Реметалка II. «Фракия пребывала по не привычке к нам в мятежном состоянии, обвиняя Реметалка не менее, чем и Требеллиена, в том, что народ терпит обиды, которые Реметалк оставляет неотомщенными»³. Восставшие проявили большую организованность. Тацит прямо указывает на совместное выступление южнофракийских племен с северными. К последним в Мёзию немедленно были высланы гонцы, чтобы договориться о совместных действиях⁴.

¹ Dio Cass., LI, 27, 3.

² Tac., Ann., II, 64—65.

³ Там же, III, 38.

⁴ Там же, ...pars turbant praesentia, alii montem Haemum transgrediuntur, ut remotos populos concirent.

Восставшими руководили разные вожди, «равные между собой по незнатности»¹. Очевидно, знать осталась верна своим римским покровителям. Подоспевшие римские войска во главе с Публием Веллеем при содействии Рёметалка II и оставшихся верными ему фракийцев перебили плохо вооруженных и плохо организованных восставших.

Это сообщение Тацита проливает свет на очень важный для нас вопрос о взаимоотношениях между фракийцами и римлянами в этот, начальный период римской оккупации фракийских территорий. Во главе восставших против Рима стояли вожди из числа рядовых фракийцев, тогда как верность Риму сохраняли цари и приближенная к ним знать. Вероятно, переход фракийской знати на сторону Рима и поддержка ею римлян обострили имевшиеся уже противоречия внутри фракийского общества. Возможно, в этом эпизоде надо видеть сочетание народно-освободительной борьбы фракийцев против Рима с социальной борьбой внутри свободного фракийского общества. Нельзя, правда, забывать, что эпизод в основном относится к территории, расположенной к югу от Балканских гор, однако это антиримское движение и в то же время движение против знати нашло живой отклик и на территории, расположенной к северу от Балкан.

Жестокое усмирение не надолго успокоило подвластный фракийским царям народ. Уже в 25 г. вспыхнуло новое восстание, и Тацит констатирует в «Анналах»: «В консульство Лентула Гетулика и Гая Кальвизия были определены триумфальные знаки Поппею Сабину за то, что он подавил фракийские народы, жившие на горных возвышенностях. Поводом к восстанию, независимо от характера этих людей, послужило то, что они не хотели допускать набора и давать наиболее здоровых рекрутов в нашу армию. Они даже и царям своим привыкли повиноваться только тогда, когда им вздумается, а если и посылали вспомогательные войска, то ставили своих вождей и воевали только с соседними народами»². Очевидно, памятуя о жестокой расправе 21 г., восставшие отправили посольство правителю объединенных провинций (Мёзии, Македонии и Ахайи) Поппею Сабину с просьбой не тревожить их новыми поборами. Но напрасно: Сабин вызвал легионы во главе с *legatus pro praetore Moesiae* — Помпонием Лабеоном, и они, соединившись с Рёметалком II и оставшимися верными ему фракийцами, поспешно двинулись на неприятеля. Осажденные, лишенные воды и пищи, повстанцы героически сопротивля-

¹ Tac., Ann., III, 38: *ducibus diversis et paribus inter se per ignobilitatem*.

² Tac., Ann., IV, 46.

лись, и часть их пробила себе путь с оружием в руках. Суровые морозы зимы 26 г. положили конец войне.

В 44 г., после смерти Рёметалка II, Фракия была отдана старшему из сыновей Котиса — Рёметалку III, не воспитывавшемуся на родине, не знавшему обычаев и традиций своей страны, римлянину по духу и полуримлянину по происхождению¹. Теперь римляне сочли подготовку полной аннексии Фракии законченной и объединение под одной властью балканских провинций излишним: они стали теперь управляться каждая отдельно; Фракия же в 46 г. н. э. была превращена в римскую провинцию. Мёзийская часть Одрисского царства вошла в состав провинции Мёзии².

Античная традиция ничего не сообщает нам относительно обстоятельств смерти последнего фракийского царя. Весьма вероятно, во фрагментированной надписи в честь Трифены, матери Рёметалка III³, сообщается об убийстве этого царя. После этого события, происшедшего в промежутке между 44 и 46 гг., Фракия не упоминается более как отдельное государство. Несмотря на почти полное отсутствие литературных источников (за исключением нескольких слов у Тацита в *Анналах*, XII, 63), все же можно утверждать, что превращение Фракии в провинцию не прошло гладко и сопровождалось народной борьбой. На это указывает ряд косвенных, но достаточно убедительных свидетельств. Именно с этого времени (45—46 гг.) гарнизон Мёзии увеличивается еще на один легион — VIII Августов⁴, который был присоединен к двум прежним (IV Скифскому и V Македонскому). Лагерь этого легиона был разбит в Новах (*Novae*) на Дунае. В это же время лагерь V Македонского легиона был перенесен в Эск (*Oescus*)⁵. Он был расположен в месте пересечения двух крупнейших дорог, ведущих во Фракию — в Сердику и Филиппополь. Присутствие подразделений всех трех мёзийских легионов во Фракии засвидетельствовано

¹ Мать его, Антония Трифена, была родственницей Марка Антония.

² Вопрос о границе между Фракией и Мёзией чрезвычайно сложен. Очевидно, как сообщает Птолемей (III, 9, 1; III, 10, 1; III, 11, 5), описывающий балканские провинции по источникам начала II в. н. э., граница между Фракией и Мёзией проходила севернее Балканских гор. Несмотря на ряд серьезных исследований по этому вопросу (недавно опубликована статья крупного знатока античной болгарской эпиграфики Б. Герова «Северная граница на провинция Тракия», ИБАИ, 1950, стр. 11—33), восстановить полностью линию границы в различные периоды все же не удалось.

³ Dittenberger. Syll.³, II, 799.

⁴ E. Ritterling. R. E. Legio, 1647.

⁵ При основании лагеря римлянами было использовано фракийское поселение, как можно судить на основании слов Птолемея III, 10: *Ὁἰσχος τοῦ Τριβαλλῶν*. Наиболее раннее упоминание об Эске как легионном лагере относится ко времени Клавдия (CIL, III, 14432).

в надписи из Castulo в Испании. ^QЗдесь же следует упомянуть сообщение Тацита о том, что византийцам были уменьшены налоги в связи с тем, что они были истощены войнами: боспорской (т. е. 44—45 гг. н. э.) и фракийской². С этим же следует связать насильственную смерть римского ставленника — фракийского царя Реметалка III. Таким образом восстанавливается картина борьбы фракийцев против римлян в середине 40-х годов I в.

Возможно, решение боспорского царя Митридата VIII выступить против Рима в 44 г. следует связать с его расчетами на то, что часть римских войск занята усмирением Фракии. С другой стороны, последовавшая затем посылка римских легионов под руководством Дидия Галла (A. Didius Gallus) на Боспор для подавления восстания Митридата VIII не могла не отразиться на ходе событий во Фракии и Мёзии, так как вероятно Дидий Галл был легатом Мёзии и легионы, посланные на Боспор, были мёзийскими легионами³.

Изменения, происшедшие со времени Тиберия, отразились на внутренней жизни греческих городов мёзийского побережья Понта. Как указывалось выше, Овидий в последней, четвертой книге «Ex Ponto», относящейся к 16 г. н. э., дает картину относительного спокойствия, наступившего в Малой Скифии. Действительно, начиная с 16 г. н. э. у Овидия нет указаний о нападениях на греческие города. Весьма возможно, что такое положение создалось не только вследствие установления более тесных связей с римскими легионами, стоящими на западе Мёзии, но и в результате присутствия вспомогательных отрядов на нижнем Дунае. Очевидно, таковыми командовал Весталис, о котором сообщает Овидий как об освободителе Эгизоса⁴. Действия Весталиса координировались с действиями прибывших по Дунаю легионеров. Это обстоятельство бесспорно указывает на присутствие римского флота на Дунае. Его появление следует отнести к более раннему времени. Без флота невозможны были бы операции Элия Ката и Лентула, и даже еще раньше, во время походов Красса, был применен флот при взятии Генуклы⁵. При таких обстоятельствах в 16—17 гг. н. э. Овидий вынужден был признать, что дикие берега Истра стали безопасны,

¹ CIL, II, 3272: Q(uinto) Cornelio M(arci) f(ilio) Gal(erio) Valeriano pra[e(fecto) castrorum?] praef(ecto) vexillariorum in Trachia [a leg(ione)] IV Scythica a leg(ione) V Macedonica a leg(ione) VIII Augusta...

² Tac., Ann., XII, 63.

³ Лакуны в надписи CIL, II, 7247, перечисляющей все должности Дидия Галла, и Моммзен и Дессау восстанавливают так: leg(atus) pro pr(aetore) [Moes]iae. Иного мнения придерживается В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. М., 1942, стр. 33, прим. 4.

⁴ Ovid., Ex Ponto, IV, 9, 75.

⁵ Dio Cass., LI, 26, 5.

мёзийские племена замирены, геты же страшились римского оружия¹. Такое положение на Понте подтверждается сообщением Овидия о некотором урегулировании муниципальной жизни в Томи². К этому же времени относится восстановление в этом городе монетной чеканки³.

* * *

Положение греческих городов побережья резко отличается от положения внутренней страны. Как можно заключить на основании переписки, которую вели жители Истрии с правителями Мёзии в 40—50-х годах I в.⁴, истрийцам были пожалованы льготы, заключавшиеся в освобождении их от разных поборов, которые обязаны были выплачивать остальные жители провинции. В пяти письмах, которые четыре правителя Мёзии⁵ адресовали «архонтам, совету и народу истрийцев», подтверждается право Истрии беспоплавно пользоваться речными и лесными богатствами Дуная и наиболее крупного острова дельты — Певки, причем в каждом письме есть ссылка на давность прав истрийцев⁶. Очевидно, греческие города (определенно можно говорить лишь об Истрии) пользовались привилегиями и не подчинялись сборщикам налогов. Иммунитет греческих городов зависел от воли правителя провинции, что ставило города перед необходимостью все время поддерживать с римскими властями наилучшие отношения. Иммунитет, о котором говорится в переписке, касался налогов на ловлю рыбы (τὸ τέλος τῶν ἰχθύων) и рубку леса, т. е. налога на использование естественных богатств. Привилегированное положение греческих городов побережья проявлялось и в том, что в I в. многие из них восстановили самостоятельную чеканку монеты⁷, в то время как начало чеканки в римских городах внутренней части страны относится только к середине III в. н. э.⁸

Римляне искали расположения греческих городов потому, что здесь им легче было найти опору против фракийцев, отсюда они отправляли войска на покорение новых земель, и недовольство римской политикой в этих пунктах могло привести к

¹ Ovid., Ex Ponto, IV, 9, 75.

² Там же, 115.

³ B. Pick — K. Regling, стр. 674—675.

⁴ Pârvar. Histria IV, № 15—16.

⁵ Вопрос о последовательности правителей Мёзии вызвал ряд статей. Литература по этому вопросу собрана в статье L. Halkin. Tib. Plautius Silvanus Aelianus, legat de Mésie («L'Antiquité classique», 14, 1934, стр. 121—161). Наиболее убедительной выглядит датировка Дессау.

⁶ «...по вашему обычаю». «ваши права, охраняемые издревле»; «...границы ваших предков».

⁷ Томи — современни Августа; Каллатис, Одесс и Истрия — со времени Нерона (B. Pick — K. Regling, стр. 615).

⁸ B. Pick — K. Regling, стр. 23.

серьезным осложнениям. Все известные нам декреты о льготах греческим городам падают на особенно беспокойные для римлян периоды: самое начало века (весьма вероятно, 6—9 гг.) — период паннонско-далматинского восстания; 40—50-е годы — период фракийского восстания и широкого наступления римлян на северо-восток; 100 г. — время подготовки Траянова похода¹.

Переписка дает некоторую возможность судить об экономическом состоянии Истрии. Флавий Сабин, правитель Мёзии, пишет истрийцам, что «почти единственным доходом [вашего] города является тот, который получается от соленой рыбы». Очевидно, продажа рыбы, пойманной в нижнем течении Дуная и в его рукавах, была главной статьёй дохода города, и состояние истрийцев зависело от свободы рыболовства на Дунае и особенно у острова Певки. Лагуны близ Истрии или не имели рыбы, или не имели того сорта рыбы, который требовали покупатели². Другой правитель Мёзии, Помпоний Пий, сообщает, что ему стало известно, что Истрия впала в нищету. Упадок Истрии, несмотря на покровительство римлян, может быть, следует объяснять тем, что устье, на котором стоял город, начало заносить песком (Каранасуф, на месте древней Истрии, стоит теперь на некотором расстоянии от водного пути).

Таким образом, как сообщает надпись, основная масса жителей Истрии занималась ловлей и соленьем рыбы, сбывая которую получала средства к существованию.

Иным было положение Томи. Как можно судить на основании изображений на монетах, интересы города лежали в торговле и мореплавании: в качестве наиболее распространенных изображений на монетах города встречаются Диоскуры и храм, посвященный им же, Гермес и его храм. Изображение Понта у ног городского бога указывает, что море являлось тем фактором, которому город был обязан своим благосостоянием³. Немалую роль в экономике города играло зерно, которое из внутренних мёзийских областей шло через гавань Томи на юг. На монетах времен Калигулы и Клавдия изображаются два колоса между шапок Диоскуров, Деметра, держащая в правой руке колосья, три колоса среди факелов и т. д. Изображения этого рода на монетах Томи хорошо согласуются с сообщением Плавтия Сильвана, правителя Мёзии во времена Нерона, о том, что он отправил хлеб из провинции⁴.

¹ О последнем документе будет сказано в разделе, посвященном времени Антонинов.

² Кто был клиентом истрийцев — переписка не указывает. Возможно, рыбу продавали на юг, в Грецию.

³ В. Pick — К. Regling, №№ 2577, 2578, 2595 и др., стр. 594.

⁴ CIL, XIV, 3608.

Обособленное экономическое и политическое положение городов западного Понта было основой их объединения и создания союза — κοινὸν Πόντου.

У Овидия в применении к территории греческих городов не встречается термин «Moesia»; он постоянно называет местность, в которой живет, Pontus (Pontus sinister, Laevus Pontus, просто Pontus)¹, применяя этот термин так же часто к стране, как и к морю. Весьма вероятно, что область греческих городов и до вхождения в состав провинции Мёзии и после носила специальное название — Понт, в котором было бы неправильно видеть только географическое понятие. Август мог лишь поощрять объединение городов проримской ориентации, затерянных среди фракийских племен.

Вопрос о возникновении κοινὸν Πόντου и составе городов, входивших в это объединение, до сих пор остается спорным. Одни исследователи временем его возникновения считают римский период², другие — доримский, видя в борьбе Каллатиса и Истрии против Византия в эпоху эллинизма зачатки союза понтийских городов³ или же считая, что он существовал со времени объединенной борьбы этих городов против Лизимаха, который угрожал их свободе⁴. Нам представляется возможным утверждать, что развитие традиций совместной борьбы, происшедшей с эллинистического времени, привело в римское время к образованию союза западнопонтийских городов. Начало его нужно искать уже в годы Августа и Тиберия. Центром союза, возможно, уже тогда был город Томи⁵. На ведущую роль Томи в правление Клавдия указывает переписка легатов Мёзии с истрийцами: легат Туллий Гемин сообщает, что он принял делегацию истрийцев в Томи⁶. Неверно видеть в объединении западнопонтийских городов только культовые цели⁷. Уже то обстоятельство, что во главе союза стал экономически более сильный город Томи, а не Каллатис, который в это время должен

¹ Ovid., Tristia, II, 197; I, 8, 39; IV, 8, 42 и др. При этом поэт часто вводит игру слов, пользуясь двойным смыслом слова sinister — левый и неблагоприятный, противный. В. Pick—K. Regling, стр. 69, прим. 2.

² В. Pick—K. Regling, стр. 69; Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города. Архив Института истории АН СССР.

³ Kalorothakes. De Thracia provincia Romana, Berl., 1893, стр. 65.

⁴ G. Kazanow. Die Entstehungszeit des linksponthischen κοινόν. «Philologus», т. LX, 1901, стр. 315.

⁵ Точные указания об этом относятся ко времени Антонина Пия, когда на монетах Томи появляется надпись Μητροπόλεως Πόντου.

⁶ Pârvan. Histria IV, № 15—16.

⁷ Vulic. Κοινόν. R. E., XI, 1053—1054, отчасти А. Premerslein. Die Anfänge der Provinz Moesien, стр. 196.

считаться ведущим в отношении развития в нем культуры¹, доказывает, что не культовые, а экономические соображения играли ведущую роль в создании союза. Это становится совершенно очевидным несколько позднее, когда на монетах западнопонтских городов появляются буквенные обозначения ценности (А, В, Г, Δ), квалифицирующие монеты этих городов соответственно в 1, 2, 3, 4 единицы, причем в Томи встречаются и промежуточные номиналы: ΔС и АС = $4\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{2}$ единицы². Этот весьма удобный прием, не свойственный вообще античному миру, появляется в большинстве западнопонтских городов со времени Коммода (в Томи — со времени Марка Аврелия). Очевидно, цели союза заключались в создании монетной конвенции, с тем, чтобы облегчить обращение монет каждого города на территории всего Западнопонтского союза³. Так, монеты различных городов, имеющие одинаковые буквенные обозначения, совпадают и по весу (монеты с обозначением А весят 2—3 г, с обозначением В — 7 г, Г — 7—9 г, Δ — 10—13 г, АС — 3—4 г, ΔС — 11—14 г). Более подробно об этом *κοινὸν Πόντου* будет сказано в главе, посвященной периоду Антонинов, ко времени правления которых относится большинство сведений по этому вопросу — как эпиграфических, так и нумизматических. Ко времени же Юлиев — Клавдиев следует отнести оформление этого объединения.

С момента организации в Мёзии провинции греческие города от Одесса до Истрии вошли в состав Мёзии. Такой переход западнопонтских городов из провинции Македонии в провинцию Мёзию был нетруден при объединяющей власти верховного правителя Мёзии, Македонии и Ахайи. Однако правитель Мёзии постоянно пребывал на западе провинции, так как до середины века весь восток ее был во власти зависимого Фракийского государства. В связи с этим в греческих городах находился представитель римской власти — *praefectus orae maritimae*, присутствие которого на западном Понте во времена Тиберия засвидетельствовано одной из надписей⁴. Первым, получившим эту должность, был Весталис. Он был наделен не только военными, но и юридическими функциями⁵.

Римские администраторы стояли вне учреждений полисной древнегреческой демократии, осуществляя над ней контроль.

¹ Pârvan. *Gerusia din Callatis*, «Analele Academiei Române. Memoriile sectiunii istorice», сер. II, т. XXXIX, 1922, стр. 87—88.

² В. Pick—K. Regling, стр. 74—75.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, XVI, 1951, стр. 117.

⁴ «Analele Academiei Române. Memoriile sectiunii istorice», т. X, 1923, стр. 43.

⁵ Ovid., *Ex Ponto*, IV, 7, I: *Missus es Euxinas quoniam, Vestalis, ad undas, ut positis reddas iura sub axe locis.*

Так, в письме Флавия Сабина говорится, что позаботиться о сохранении права истрийцев на Певку — дело префекта Арунтия Фламма¹. В другом его же письме упоминается префект Азиатик, который сообщает правителю провинции о бедственном состоянии истрийцев. Упомянутые лица — *praefecti orae maritimae* действовали в 50-х годах. Оба они докладывают правителю провинции о состоянии дел на побережье; на их обязанности лежит следить за благополучием городов; они, возможно, должны были координировать действия флота и войск, отправлявшихся в поход.

Римляне сохранили древнее управление греческих городов. Так, в декретах из Истрии попрежнему употребляется формула «архонты, совет и народ», которым и адресуют свои письма правители Мёзии.

5. Мёзия — база наступательных действий римлян во времена Нерона

В 40-х годах I в. Мёзия становится наряду с Малой Азией одной из двух основных баз наступления на северо-восток, приведшего к военной оккупации Римом Херсонеса и его округи и к постепенному усилению римского влияния на Боспоре².

Есть основания полагать, что проникновение римлян за Дунай началось задолго до Нерона, еще во времена Августа и Тиберия. Об этом свидетельствуют медные монеты Тиры с изображением головы Августа на лицевой стороне и орлом с подписью *Τυρανν* — на оборотной. Монеты эти очень немногочисленны, принадлежат одному выпуску. То обстоятельство, что они найдены при раскопках в Белгороде Днестровском (Аккермане), не позволяет сомневаться в их подлинности. Помимо этого имеются римские сестерции и ассы императора Клавдия, снабженные прямоугольными надчеканками с буквами *ΤΥΡ*³. Эти монеты заставляют думать, что эпизодически Тира находилась в политической и экономической зависимости от Рима задолго до правления Нерона.

Влияние Рима распространялось и далее. Так, оливийский гражданин Авав, сын Каллисфена, посвятил императорам (Августу и Тиберию) и народу построенный им портик⁴. Хотя

¹ Имя Арунтия Фламма реконструируется еще в одном фрагменте надписи из Истрии (*R. â g v a n. Histria VII, № 40, стр. 116*).

² В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации, стр. 45—51.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 114.

⁴ *IRE, I², 181*.

причины приверженности ольвиополита к римским императорам не совсем ясны, все же весьма вероятно, что богатство этого человека (надпись говорит о нем как о первенствующем не только на родине, но и во всем понтийском народе) связано с благодеяниями императоров. Таким образом, интенсивной завоевательной политике Нерона предшествовал период постепенной подготовки его завоеваний.

Экономические интересы Римского государства, связанные с овладением Черным морем, и сложившаяся политическая обстановка — сильная скифская держава в Крыму и усилившееся царство даков в низовьях Дуная — толкали римлян к военным захватам за Дунаем и ставили Мёзию в центр важнейших событий эпохи.

Надгробная надпись одного из крупнейших правителей Мёзии (56—66 гг. н. э.) Тиберия Плавтия Сильвана (*Tiberius Plautius Silvanus Aelianus*)¹ вводит нас в гущу событий. Из этого эпиграфического документа можно сделать вывод о событиях, имевших большое значение для истории провинции: во-первых, наступление мёзийской армии на племена, жившие за Дунаем; во-вторых, как следствие этого, переселение 100 тыс. человек из числа членов этих племен на территорию Мёзии и обложение их данью в пользу Рима; в-третьих, проникновение римлян на территорию Херсонеса и создание там силами мёзийских войск опорного пункта римской экспансии в Крыму.

Надпись начинается с указания на то, что Плавтий Сильван переселил в Мёзию более 100 тыс. человек из числа людей, живших за Дунаем (*ex numero Transdanuvianorum*) вместе с их женами и детьми, вождями (*principibus*) и царями. Несколько далее сообщается, что Плавтий Сильван подавил начинающееся волнение сарматов, взял в качестве заложников сыновей царей бастарнов и роксоланов и братьев дакийских вождей, а затем отпустил их. Эти два сообщения, хотя их и разделяют строки, посвященные другим деяниям полководца, стоят в связи друг с другом. Плавтию Сильвану силой (в надписи упоминаются *captivi*) удалось остановить начавшееся движение задунайских народов, возможно, вызванное передвижениями сарматов². Некоторые племена бастарнов, роксоланов и даков, намеревавшиеся перейти Дунай с целью захвата мёзийских земель, были вынуждены пойти на мирные переговоры. Следует отметить, что Плавтий Сильван, очевидно, не мог еще помышлять о полном подчинении заду-

¹ CIL, XIV, 3608.

² Мнение В. Пырвана (*Dacia*, стр. 181), считающего, что Плавтий Сильван защищал бастарнов, роксоланов и даков от сарматов, представляется нам совершенно необоснованным.

найских племен, коль скоро он вернул им их заложников и вступил в переговоры. Результатом последних и было поселение части племен на территории Мёзии с обязательством платить дань.

Как и ранее, во времена деятельности Элия Ката, возможность поселения такого большого числа людей в Мёзии предполагает малую плотность населения страны. Римляне стремились заселить пустующие земли, чтобы заставить уплачивать дань, что и указывается в надписи: «ad prestanda tributa»¹.

В дальнейшем эти 100 тыс. переселенных даков сыграли определенную роль в поддержке своих соплеменников, в их борьбе против Траяна. В смысле обороны страны переселение не играло большой роли: уже через несколько лет, в 67 г., на Мёзию нападают из-за Дуная роксоланы, и отпор им оказывают римские солдаты-легионеры².

Военные действия Плавтия Сильвана сыграли большую роль в закреплении сухопутного пути к устью Днестра, где на месте теперешнего Белгорода Днестровского находилась древнегреческая колония — город Тира³. Хотя надпись не дает по этому поводу прямых указаний, тем не менее начало значительно более тесной, чем раньше, зависимости Тире от римлян следует отнести именно к правлению в Мёзии Плавтия Сильвана. На то, что в жизни города произошли существенные изменения, указывает введение нового летоисчисления, принятого городом в 57 г., как свидетельствуют надписи из селений Чабручи и Коротного⁴. Однако считать 57 год годом включения Тире в состав провинции Мёзии нельзя. Еще в начале правления Траяна Тира обозначалась как территория, лежащая вне провинции Мёзии⁵.

Для характеристики экономики Тире до римского завоевания можно использовать изображения на монетах города в эпоху автономной чеканки. В ранний период (IV в. до н. э.) тириты чеканят монеты с изображением головы взнузданного коня и стоящего быка — явное свидетельство о скотоводстве у первых поселенцев и их тесных связях с кочевниками степей. На большинстве монет автономной эпохи изображаются колосья или венок из колосьев в качестве украшений головы Деметры. Преобладание этого типа монет свидетельствует о том, что хозяйство Тире основывалось главным образом на

¹ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации, стр. 44.

² Тас., Hist., I, 79.

³ Э. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. ЗООИД, XXIII.

⁴ IPE, I², 2 и 4.

⁵ G. Cantacuzene. Un papyrus relatif à la défense du Bas-Danube. «Revue historique du Sud-Est Européen», 1928.

земледелии и торговле хлебом. Изображение Диониса с его атрибутами — виноградной кистью и тирсом — свидетельствует о развитии виноградарства¹.

С деятельностью Плавтия Сильвана связана та обстановка на Черном море и на Боспоре, о которой говорит в своей речи царь Агриппа, убеждая иудеев не вступать в борьбу с Римом: «Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и других живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше и собственного не признавали владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море»². Речь царя рисует обстановку 66 г. н. э.³.

Данные нумизматики подтверждают сообщения источников: в 62 г. на монетах боспорских царей вместо царской монограммы появляется монограмма Нерона⁴. Очевидно, в это время был установлен непосредственный протекторат Рима над Боспором⁵.

Действия римлян на Боспоре были связаны с захватом и других пунктов на Таврическом полуострове, в частности с оккупацией Херсонеса. Надгробие Плавтия Сильвана сообщает, что он «заставил скифского царя снять осаду и удалиться от Херсонеса, города, расположенного за Борисфеном». В полном соответствии с этим находится то обстоятельство, что начиная с 54 года (правление Нерона) прекращается серия датированных автономных монет Херсонеса, чеканка которых была начата в 46 г. н. э.⁶. Возможность снять осаду с Херсонеса предполагает наличие римских войск на Гераклеийском полуострове, однако говорить о присоединении Херсонеса и его округи к Римской империи, в частности о вхождении их в состав провинции Мёзии со времени Нерона⁷, нам не представляется возможным, тем более что вскоре (с 79 г. н. э.) автономная чеканка Херсонеса возобновляется⁸.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 113.

² Jos. Bell. Jud., II, 16, 4. ВДИ, 1947, № 4, стр. 276.

³ М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны; A. D o m a s c e w - s k i. Die Dislocation des römischen Heeres in 66 n. Chr., «Rhein. Museum», XLVII, стр. 208—213.

Неправильным следует считать утверждение Б. Филова, что все 3000 легионеров, о которых говорит Агриппа, могли быть только из мёзийской армии. Сюда могли входить и солдаты малоазийской армии, так как в сферу действия 3000 легионеров входили также южный берег Понта и берег Меотиды.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 198—199.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 330.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса. ЗООИД, XVI, стр. 66; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 155.

⁷ К. Гриневич. Херсонес и Рим. ВДИ, 1947, № 2, стр. 232.

⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 66.

Одновременно римляне установили свои укрепления по южному берегу Крыма; одним из них был Харакс на мысе Ай-Тодор (в 9 км от Ялты). Клейма на кровельной черепице и кирпичах, найденные при раскопках этого места, указывают на присутствие подразделений Равеннской эскадры в Крыму¹. Клейма относятся ко времени Нерона или Веспасиана. Этим же временем датируются оборонительные стены и юго-восточная часть здания терм Харакса².

Характерно, что и здесь римляне использовали местное таврское поселение для создания своей крепости, подобно тому как они это делали на Дунае³.

Таким образом, в правление Нерона мёзийские войска, двигаясь по суше на северо-восток, оккупировали территорию между Дунаем и Днестром (дойдя до Тиры), оставили гарнизоны в Херсонесе и создали опорные пункты по южному берегу Крымского полуострова. Эти действия надо рассматривать как единую сложную операцию, проведенную мёзийскими войсками.

6. Мёзия при Флавиях

Мёзийские войска приняли непосредственное участие в бурных событиях 69 г. н. э. Более того, они были той силой, которая решила исход борьбы, и именно мёзийской армии династия Флавиев во многом обязана своей победой.

Незадолго до смерти Нерона роксоланы, одна из групп сарматских племен (*Rhoxolani, Sarmatica gens*), перешли Дунай и вторглись на территорию провинции, уничтожив две когорты⁴. Очевидно, с этим событием следует связать увеличение числа мёзийских легионов до трех: в 69 г. мы застаем здесь VIII Августов и VII Клавдиев легионы и новый III Галльский, переведенный из Сирии⁵. Все три легиона постоянно упоминаются в ходе событий 69 г.

10 июня 68 г. был убит Нерон. Провозглашенный сенатом новый император Гальба уже через полгода был убит преторианцами, выдвинувшими на его место Отона. Незадолго до этого рейнские легионы провозгласили Вителлия и тотчас же отправились в Италию, чтобы утвердить своего ставленника.

¹ ...vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) S(umptu) P(ublico).

² В. Д. Блаватский. Раскопки в Хараксе в 1931, 1932 и 1933 гг. ВДИ, 1938, № 2, стр. 323; его же. Харакс. МИА, XIX, 1951.

³ Н. И. Репников. О характере римской оккупации южного берега Крыма. СА, VII, 1941.

⁴ Tac., Hist., I, 79.

⁵ Там же, II, 74; Suet. Vesp., 6.

Мёзийские легионы выступили на стороне Отона¹. Выступление дунайской армии на стороне Отона можно объяснить тем, что дунайским легионерам нужен был человек, который бы противостоял Вителлию, провозглашенному рейнской армией. Соперничество этих двух крупнейших армий отмечено Тацитом, сообщаящим, что высокомерие солдат германских легионов, не считавших дунайских солдат равными себе и насмехавшихся над ними, крайне раздражало легионеров дунайской армии². Во всяком случае, указание того же Тацита, что отдаленные провинции держали сторону Отона потому, что для них очень важно было имя Рима и обаяние сената³, не соответствует действительности: те же мёзийские легионы позднее провозглашают императором Веспасиана, имя которого никак нельзя считать «связанным с обаянием сената». Возможно, некоторую роль в выступлении дунайской армии на стороне Отона сыграло то, что его отец был легатом одного из иллирийских легионов и таким образом был до некоторой степени известен солдатам⁴.

Основные силы мёзийской армии не успели притти во-время: битва между вителлианцами и сторонниками Отона при Бедриаке (около Кремоны) 14 апреля 69 г. уже была закончена, и Отон покончил жизнь самоубийством, когда 6000 человек (по 2000 от каждого легиона), посланные мёзийской армией, подошли к Аквилее и узнали о происшедшем⁵. Известие не обескуражило «мёзийцев»: они немедленно начинают перебирать в памяти имена легатов, которые можно было бы написать на своих знаменах и двинуться против Вителлия. Тогда-то солдаты III Галльского легиона, служившие в Сирии под начальством Веспасиана, стали превозносить добродетели своего бывшего командира. Остальным легионерам это имя было хорошо известно: сам Веспасиан был одно время военным трибуном во Фракии⁶, а брат его, Флавий Сабин, долго управлял Мёзией, а в это время был префектом города Рима⁷. Веспасиан удовлетворял всем требованиям, однако флавианское движение тогда еще не созрело: Вителлий, одержавший только что победу над сторонниками Отона, был еще достаточно силен, чтобы привести мёзийские легионы к повиновению и отправить их назад, в Мёзию, тем более, что того настоятельно требовала

85
¹ Тац., Hist., II, 78. Первое известие, придавшее уверенность Отону, было из Иллирии о том, что ему присягнули далматские, паннонские и мёзийские легионы.

² Тац., Hist., II, 74.

³ Там же, I, 76.

⁴ Суэт., Otho, 1.

⁵ Тац., Hist., II, 85; Суэт. Vesp., 6.

⁶ Суэт. Vesp., 2.

⁷ Тац., Hist., III, 74.

сложившаяся на дунайской границе обстановка. Однако весть о провозглашении Веспасиана императором дошла до далеких восточных провинций, и там стали присягать Веспасиану¹.

Между тем создавшееся внутри страны положение стало известно за Дунаем². Роксоланы, год назад не без успеха боровшиеся с римлянами, зимой 68/69 г. вторглись в Мёзию; их войско насчитывало 9000 всадников. Тацит очень красочно описывает их сражение с римлянами: одетые в тяжелые чешуйчатые панцири, с длинными пиками и большими мечами, роксоланы утопали в рыхлом снегу и вынуждены были спешиться. Римляне одержали победу. Марк Апоний Сатурнин, правитель Мёзии, был награжден триумфальной статуей; награждены были и легаты трех мёзийских легионов (Titus Aurelius Fulvus — legio III Gallica, Tettius Iulianus — VII Claudia, Numisius Lupus — VIII Augusta)³.

Внешние события не отвлекли, однако, дунайскую армию от внутриполитических дел. В Паннонии легионы продолжали высказывать преданность Веспасиану, видя в нем преемника Отона и досадуя на исход битвы при Бедриаке.

Несмотря на то, что три мёзийских легиона проявляли большую активность во флавианском движении и были застрельщиками его (*principes auctoresque belli*)⁴, руководителем дунайской армии, пришедшей в Италию для борьбы с вителлианцами, стал легат паннонского легиона — Антоний Прим. Он нравился солдатам своей решительностью и целеустремленностью, они подчинялись его приказаниям с большей готовностью, чем правителю Паннонии Тампию Флавиану, который, очевидно, был вовлечен в борьбу помимо своей воли и инертностью возбуждал негодование солдат. Антоний Прим развернул лихорадочную деятельность, направленную к тому, чтобы действия дунайских легионов были координированы между собой и согласовывались с теми выступлениями, которые готовил сам Веспасиан на Востоке. С этой целью был создан совет в Петовии (на Драве), где собрались военные вожди Паннонии, Мёзии и Далмации. Под влиянием речи Антония Прима было решено немедленно выступить тремя колоннами, каждая под руководством правителя провинции. Одновременно ожидалось и выступление правителя Сирии — Лициния Муциана, которому Веспасиан поручил верховное командование в борьбе

¹ Первым днем принципата Веспасиана считали 1 июля 69 г. — день провозглашения его императором префектом Египта и его войсками. (Suet. Vesp., 6).

² Tac., Hist., I, 79.

³ Там же.

⁴ Там же, III, 24.

против Вителлия¹. Были посланы письма в Британию, Испанию и Галлию. В то время как паннонское войско успешно продвигалось к Италии, почти не встречая сопротивления, мёзийская армия под руководством Апония Сатурнина двигалась на соединение с ней. В этом походе участвовали не только три мёзийских легиона, но и вспомогательные войска², так что Мёзия осталась без военных подразделений. Поэтому, чтобы хоть отчасти обезопасить границы провинции, Апоний Сатурнин договорился с предводителями язигов о том, что они примут участие в походе на Италию. Языги предлагали использовать также и своих воинов-конников, составлявших основную силу их войска, однако это предложение было отклонено: очевидно, римляне опасались иметь в рядах своих войск столь ненадежных союзников. Это мероприятие, предпринятое правителем Мёзии, доказывает, что соседи Мёзии были хорошо осведомлены о всех событиях, происходивших не только в этой провинции, но и в Италии, и пользовались каждым удобным моментом для нападения. Римляне постарались использовать в своих войсках знать варварских племен не столько для достижения военного эффекта своего предприятия, сколько для того, чтобы добиться спокойствия на мёзийской границе, оторвать вождей от остальных членов племени, включить их в сферу римского влияния. Очевидно, число взятых в поход сарматов было невелико и особой роли в сражениях с вителлианцами они не играли. Тацит больше не упоминает о них, хотя описывает ход сражений очень подробно³.

После того как армии соединились под Вероной, Антоний Прим добился устранения своих конкурентов: правители Паннонии и Мёзии едва избежали смерти от рук своих солдат, однако причину ярости последних Тацит ничем не может объяснить. Сражение с вителлианцами произошло при Кремоне, в октябре 69 г., и закончилось победой сторонников Веспасиана. При известии о приближении победоносной армии в Риме началась резня, в которой погиб, между прочим, бывший правитель Мёзии Флавий Сабин. Намерение вождей флавийской партии соединить силы дунайских и восточных армий не было осуществлено: Муциан не успел привести свои войска во-время, и сражение при Кремоне разыгралось без него. Характерно, однако, что он шел в Италию не по наиболее удобному и короткому пути — *via Egnatia* (через *Dyrrachium*), а через Мёзию⁴. Если учесть, что мёзийская армия уже выступила

¹ Та с., Hist., III, 8.

² Там же, III, 19. *18*

³ Там же, III, 17—34.

⁴ Там же, III 46.

по направлению к Италии, то весьма вероятно, что у Муциана были основания рассчитывать на поддержку населения Мёзии.

В течение этого похода Муциану неожиданно пришлось иметь дело с внешними врагами. Осенью 69 г. даки перешли границу Мёзии, взяли лагери вспомогательных войск (*cohortium alarumque hiberna*) и уже готовились захватить лагерь легионов, когда Муциан, извещенный о победе при Кремоне, выступил против даков и заставил их отступить за Дунай¹. Правителем Мёзии был назначен Гай Фонтей Агриппа, ранее бывший проконсулом Азии.

Очевидно, нападение даков произошло не в Малой Скифии, а западнее — в районе легионных лагерей, которыми могли быть Новы и Эск.

В конце 69 г. Мёзии пришлось пережить еще одно (третье) вторжение из-за Дуная: на этот раз «те из скифов, которые зовутся сарматами, в большом числе тайно переправились через Истр в Мёзию и потом, обрушившись с большой силой, вследствие совершенной неожиданности нападения, убивают многих из римлян, стоявших гарнизоном, и умерщвляют выступившего им навстречу и храбро сражавшегося легата Фонтея Агриппу; они пронеслись по всей побежденной стране, уводя и унося все, с чем ни встречались»². Очевидно, сарматы находились в Мёзии в течение зимних и первых весенних месяцев, пока Веспасиан не послал нового правителя — Рубрия Галла, которому удалось частью уничтожить войско сарматов, частью заставить их вернуться на родину³.

После передвижений легионов в 68—70 гг. н. э. в Мёзии стояло три легиона: I Италийский, V легион Жаворонка, VII Клавдиев, а с осени 71 г. в Мёзию был возвращен V Македонский. Такое множество войск, сосредоточенных в одной провинции, свидетельствует о решительном намерении римского правительства не только покончить со вторжениями извне, но и сделать Мёзию базой для дальнейшего продвижения на Восток. Иосиф Флавий сообщает об усилении римских воинских подразделений в Мёзии уже в начале правления Веспасиана. Места легионных стоянок к 70/71 г. распределяются следующим образом: в Новах — I Италийский легион⁴, в Виминации — VII Клавдиев⁵, в Эске — V Македонский⁶. Очевидно, к этому

¹ Та с., Hist., III, 46.

² Jos. Bell. Jud., VII, 4, 3. ВДИ, 1947, № 4, стр. 276.

³ Там же.

⁴ CIL, III, 7441 и 6232.

⁵ Там же, III, 14514.

⁶ Там же, III, 14492, 8066 b, c; место лагеря V легиона Жаворонка не определено.

же времени относится окончательное оформление нижнедунайского флота (получившего почетное наименование «Флавиев» — *classis Flavia Moesica*), первоначального элемента римской армии на нижнем Дунае. Он был размещен вдоль по течению реки, по различным пунктам, представляющим собой укрепленные лагеря. Наиболее крупными стоянками дунайского флота были Новиодун и лагерь у устья Серета, где гарнизон, помимо матросов, состоял еще из солдат когорты II *Matiasorum* и из отряда V Македонского легиона¹.

Содержание столь многочисленных солдат, почти не занятых производительным трудом, легло тяжелым бременем на плечи местного населения.

Многочисленные передвижения мёзийских легионов и вспомогательных войск, связанные с их участием в междоусобной борьбе за утверждение династии Флавиев, неоднократные вторжения задунайских племен, сопровождавшиеся опустошением пограничных областей, и пребывание в провинции огромной восточной армии Муциана, естественно, были связаны с обременительными поставками продовольствия для армии, разрушениями и грабежами.

Что касается прибрежных городов, то прямым свидетельством ухудшения их материального положения в это время является прекращение чеканки в Томи. Город чеканил монету почти непрерывно со времени Калигулы, но в 68/69 г. чеканка прекратилась, возобновившись с 70 г.; затем идет непрерывный выпуск монет до 193 г. Каллатис, который тоже начал было во времена Нерона чеканить свою монету, после смерти этого императора прекратил чеканку. Аналогичную картину можно наблюдать в Одессе и Истрии².

В течение почти двух десятилетий — от установления династии Флавиев до дакийских войн Домициана — произошли некоторые изменения в составе населения и в социальных отношениях Мёзии. Со времени Веспасиана рядом военных дипломов засвидетельствовано дарование римского гражданства ветеранам фракийских когорт и ал, которые получали почетную отставку (*honesta missio*) после окончания срока службы в связи с особыми заслугами или же (редко) по болезни. Подавляющее большинство дипломов времен Флавиев даны солдатам когорт именно дунайских провинций (особенно Паннонии). В этом факте нельзя не видеть проявления благодарности и доверия Флавиев тем войскам, которые своими действиями способствовали утверждению их власти. Принцип общефракийского формирования когорт, о котором говорилось относительно

¹ R. Vulpe. La Dobroudja. Bucarest, 1938, стр. 164.

² B. Pick — K. Regling, стр. 615.

времени Августа — Тиберия, теперь иногда изменялся: появляются самостоятельные когорты бессов и дарданцев — II Flavia Bessorum¹, I Vespasiana Dardanorum². Со времени Августа произошли значительные изменения в составе cohortes Thracum: наименование когорт теперь не вполне соответствует их этническому составу. С одной стороны, во фракийских когортах появляются нефракийцы³, с другой — имена фракийцев появляются в нефракийских когортах⁴. Однако при настоящем состоянии эпиграфических сведений трудно точно определить, в какой степени изменился этнический состав когорт (в частности — фракийских) по сравнению со временем их организации. Думается, что основной состав фракийских когорт и в это время в основном набирался из членов того племени или племенного союза, из которого первоначально формировалось подразделение. В паннонских когортах служили главным образом паннонцы (об этом свидетельствует часто встречаемое среди ветеранов многочисленных паннонских когорт имя Bato), во фракийских когортах — фракийцы⁵.

Принцип времени Юлиев — Клавдиев, по которому когорты не стояли в той стране, из которой набирались основные контингенты, очевидно нарушался в Мёзии уже во флавианское время. Так, надписи cohortes I Thracum Syriaca постоянно находятся близ Равны (Timasum Minus)⁶, где, возможно, следует искать ее лагерь; диплом Веспасиана от 78 г. упоминает ту же cohortes I Thracum Syriaca, которая наряду с другими когортами находилась в Мёзии⁷; там же помещает ее диплом 82 г.⁸ Диплом, выданный Титом, свидетельствует, что некоторые дунайские когорты (III Thracum, V Breucorum, VIII Raetorum) находились в родных местах или, во всяком случае, близко от них — в Паннонии⁹. Присутствие местных когорт и ал в Мёзии не мешало, однако, в случае надобности передвигать вспомогательные войска далеко от их родины: например, cohortes II Thracum в 86 г. находилась в Иудее, а cohortes I Thracum в 92 г. — в Германии¹⁰.

¹ CIL, III, D. XXII, XXXIII L.

² CIL, III, D. XXII.

³ JOAI, 1900, № 143.

⁴ Диплом от 13/VI 80 г. н. э. упоминает когортала Soionius Musuli f., Bessus из когорты I Montanorum (CIL, III, D. XI); диплом от 13/VII 93 г. выдан Veneto Diti, судя по имени — фракийцу.

⁵ CIL, III, 4372, 4377, D. XIV и др.

⁶ Там же, 8261, 14575, 14579; JOAI, 1900, № 143.

⁷ ИБАИ, 1923/24, стр. 84—98.

⁸ И. Помяловский. Два римских военных диплома, найденных недавно в Болгарии. СПб., 1880, д. № 1.

⁹ CIL, III, D. XII.

¹⁰ Там же, D. XIV; И. Помяловский. Ук. соч., д. № 1.

Флавии не ограничивались наделением ветеранов вспомогательных войск гражданскими правами: они раздавали и землю. В этом отношении чрезвычайно интересна надпись из Томи некоего Флавия Каста, который ставит памятник своему отцу — Флавию Капитону, ветерану из *ala Pannonicum*. За свою храбрость Флавий Капитон был награжден императором Веспасианом земельным участком около Томи¹. Явление это нельзя считать случайным. В надписях Мёзии более позднего времени встречается множество «Флавиев» (*Flavii*). Это свидетельствует о том, что их отцы получили гражданские права в правление династии Флавиев. Конечно, не всех «Флавиев» следует выводить из числа бывших солдат когорт и всадников ал. Однако, безусловно, большинство из них произошли именно таким путем: набранные из местных жителей, они после отставки получали имя Флавиев, гражданские права и возвращались в родные места. Флавиев можно найти в районе дакийской деревни Капидавы, дако-бесских деревень Ульметум и Квинтионис. Их сыновья — земледельцы оставили ряд надписей².

Ясно, что ветераны римских войск награждались земельными наделами за счет земли фракийских общин. Римские военные власти были хозяевами фракийских земель. Как следует из надписи, найденной в Сардинии, границу между землями двух германских племен устанавливает легат верхнегерманской армии³. Другая надпись из Мавретании сообщает о наделении (*assignatio*) земель племени нумидийцев имперским прокуратором провинции Мавретании при Адриане⁴. Нам еще придется вернуться к надписи II в. н. э., в которой говорится, что даки самовольно захватывали земли римских колонистов в Малой Скифии⁵; очевидно, фракийцы не могли примириться с тем, что их земля раздавалась по приказу римских властей.

После отставки ветераны вспомогательных войск приобретали определенное состояние и становились во главе сел и деревень (*Flavius Secundus* — квестор села⁶, *Flavius Augustales* ставит за свой счет (*de suo posuit*) алтарь и мемориальную доску⁷, *Flavius Germanus* исполняет должность *magister vici*)⁸.

¹ H. Grégoire. La romanisation aux bouches du Danube. «Revue belge», т. IV, 1925, стр. 328 (по Пырвану).

² Pârvan. Histria VII, стр. 71, № 51; его же. Ulmetum II, стр. 412, № 22; его же. Ulmetum I, стр. 603; его же. Ulmetum II, стр. 410, № 16.

³ CIL, X, 7930.

⁴ CIL, VIII, 8813.

⁵ CIL, III, 14437, 2.

⁶ Pârvan, Histria VII, стр. 71, № 51.

⁷ Pârvan. Ulmetum II, стр. 412, № 22.

⁸ Pârvan. Ulmetum, II, стр. 411, № 16.

С момента опубликования Моммзенем надписи первой половины III в. из *Vetus Salina* (Паннония), которая сообщала о наделении земель ветеранов когорт¹, считалось, что в I в. ветераны вспомогательных войск не наделялись землей и что эта привилегия распространялась лишь на легионеров. Приведенные факты свидетельствуют о том, что это мнение следует считать устаревшим.

Несколько иной была политика Флавиев по отношению к ветеранам легионов (в отличие от ветеранов вспомогательных войск). Сравнительно широкая дедукция ветеранов легионов, которую проводили Флавии, мало коснулась Мёзии. Известна лишь одна колония, основанная Веспасианом в нашей провинции, — *Scupi*, расположенная на крайнем юге Верхней Мёзии. Сюда были выведены некоторые ветераны VII Клавдиева легиона. Могущее возникнуть из этой надписи впечатление, что Веспасиан оставлял ветеранов мёзийских легионов в Мёзии, опровергается другими надписями, в которых ветераны мёзийских легионов упоминаются как колонисты в Италии³ и Фракии⁴.

Флавии, которые проводили широкую военную колонизацию, очень сдержанно колонизовали Мёзию. Возможно, здесь причину надо искать в сравнительно осторожной политике Флавиев по отношению к земельным владениям местного населения, поставлявшего провиант для содержания небывало большой армии⁵.

С другой стороны, основание колонии *Scupi* на крайнем юго-западе Мёзии было связано с тем, что это место, расположенное на старой Вардар-Моравской дороге, где, как указывалось в начале этой главы, находились старые легионные лагеря Мёзии, было более всего безопасно для римских колонистов.

Хозяйственная деятельность легионов, насколько позволяют судить надписи, ограничивалась в это время строительством дорог и зданий для военных нужд (изготовление черепицы засвидетельствовано надписями⁶).

Подводя итог развитию Мёзии в I в. н. э., можно констатировать следующее.

---

¹ АЕМ, I, 1879.

² CIL, III, 8199 и 8200. — Е. Корнеллан

³ CIL, IX, 4684.

⁴ CIL, VI, 3828.

⁵ Светоний очень ясно говорит о налоговой политике Веспасиана в провинциях: «Не довольствуясь восстановлением налогов, отмененных при Гальбе, он ввел еще новые, и очень обременительные, увеличил подати провинций, причем некоторым их даже удвоил...» *Vespr.*, 16).

⁶ CIL, III, 8066, b, c; 14216, 24e.

RE IV 1900 col. 547

Несмотря на то, что Мёзия в начале I в. н. э. была превращена в римскую провинцию и оккупирована многочисленными римскими легионами, мёзийские племена продолжали оказывать римлянам сопротивление и поддерживали антиримские выступления соседних народов во Фракии, Паннонии и Далмации. В связи с этим римляне не могли еще ни ввести провинциальное административное управление, сохраняя в основном племенную организацию мёзийского населения, ни использовать мёзийские земли для широкой римской колонизации. Однако уже в эту эпоху римляне стремятся создать определенный слой населения провинции, который поддерживал бы их политику на Дунае. Этого они стремились достигнуть, наделяя землей ветеранов вспомогательных войск, фракийцев по происхождению. Таким образом, помимо старой фракийской знати, создавалась прослойка романизованных фракийцев, владеющая землей, занимающая административные посты в деревнях и селах и поддерживающая римлян.

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НИЖНЕЙ МЁЗИИ ВО II ВЕКЕ Н. Э.

1. Нижняя Мёзия и дакийские войны конца I — начала II в. н. э.

Роль Мёзии как плацдарма римского наступления на север особенно ярко проявилась в конце I в. н. э., когда в правление последнего императора из дома Флавиев — Домициана была сделана попытка подчинить римской власти Дакию, соседнюю с Мёзией страну, населенную фракийскими племенами даков, которые были родственны мёзам и гетам.

Во второй половине I в. н. э. в Дакии произошло объединение дакийских племен под руководством сильнейшего из племенных вождей — Децебала. Дион Кассий передает¹, что Децебалу удалось создать свою державу в результате добровольного отречения одного из дакийских царей (Дураса). Очевидно, самые события и стремление его подданных к объединению вынудили этого царя уступить власть Децебалу.

Домициан начал подготовку к войне против даков уже в начале 80-х годов, сосредоточив в Мёзии необычайно большое число войск (шесть легионов², преторианскую гвардию³ и соответственно увеличив число вспомогательных войск⁴). Потребность в солдатах была настолько велика, что в сентябре 84 г. ветераны паннонской армии, отслужившие свой срок, не получили отставки⁵.

Децебал, поняв военное превосходство римлян, обучил своих солдат римскому военному строю, завел военные машины

¹ Dio Cass., LXVII, 6,1.

² «Klio», VI, 1906, стр. 53—56.

³ CIL, VI, 2725.

⁴ Например, военный диплом от 19 сентября 82 г. сообщает нам, что ала Claudia nova и когорты III Gallorum и V Hispanorum, которые в 74 г. были в Верхней Германии (CIL, III, стр. 582), находятся в Нижней Мёзии.

⁵ «Ephem epigr.», V, стр. 93.

и заключил союз с соседними племенами. Не ожидая нападения, он сам перешел Дунай и напал на римлян в Мёзии, где в эту первую дакийскую войну и разыгрались основные бои. Дакам удалось победить легата Нижней Мёзии — Оппия Сабина и захватить всю территорию провинции¹. Поражение римлян было настолько серьезным, что Домициан покинул Рим и прибыл в Мёзию². Он не решился взять на себя ведение военных операций против даков и поручил это префекту претория Корнелию Фуску (Cornelius Fuscus). С большим трудом даки были оттеснены из Мёзии, после чего Фуск во главе многочисленных отрядов перешел Дунай и вторгся во владения Децебала. Однако с этого момента римляне непрерывно терпели поражения; в конце концов Фуск вместе со своим войском был разбит где-то в центре царства Децебала и сам погиб в решительном сражении с даками³. Разгром римлян было настолько решительным, что в руки даков попал легионный значок — *τὸ σημεῖον*⁴, что, повидимому, свидетельствует о полном уничтожении целого легиона. Этим поражением римлян закончилась первая война римлян с даками.

Вторая война Домициана против даков началась в 88 г. Император, как и в первой войне, не руководил военными действиями: высшее командование он поручил Юлиану⁵. Вероятно, это был Tettius Julianus, который в 69 г. был легатом VII Клавдиева легиона, а в 83 г. — консулом⁶. Он решительным образом изменил базы и пути наступления на даков, назначив для этого пункты, расположенные ближе к Италии и Паннонии (Виминаций и Сингидун в Верхней Мёзии), и пошел по тому же пути, которым позже воспользовался Траян: через Виминаций, Арцидаву (на р. Караш), Центумпутью, Берзовию (на р. Берзава), Ацицис и Тибиск (на р. Тимиш)⁷.

Поход был более удачным для римлян: они одержали победу над даками при Тапе⁸, что в конечном итоге дало им возможность заключить компромиссный мир. Римляне согласились послать к Децебалу ремесленников, военных инструкторов, а также богатые подарки. Децебал же признал себя вассалом Рима. Однако, как показали последующие события и как

---

¹ Suet., Domit., 6.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Dio Cass., LXVIII, 9, 3.

⁵ Dio Cass., LXVII, 10, 1.

⁶ Tac., Hist., I, 79; II, 85; IV, 39, 40.

⁷ S. Gsell. Essai sur le règne de l'empereur Domitien, Paris, 1894, стр. 220.

⁸ Dio Cass., LXVII, 10, 2.

понимали это уже современники Домициана, мир на Дунае не мог быть длительными и прочным.

Траян учел уроки неудачных кампаний Оппия Сабина и Корнелия Фуска. План первой войны Траяна против даков предусматривал борьбу на западе Дакии, движение к месту основных боев по дороге, выбранной в свое время Теттием Юлианом. Такое изменение плана ведения войны против даков следует объяснять поддержкой и военной помощью, которую оказывало население Нижней Мёзии войскам Децебала (об этом см. ниже). Успехи Траяна в первой дакийской войне — победа Траяна при Тапе и захват столицы царства даков Сармицетузы — доказывают правильность тактики римского императора. Децебал и в начале войны и особенно потом, после неудач 101 г. употреблял все усилия, чтобы перенести военные действия в более удобную для него местность — на восток. Рельефы Траяновой колонны, рисующие события первой войны, показывают группу даков, пересекающих реку¹. Очевидно, происходит вторжение даков на территорию Нижней Мёзии: берег реки, который штурмуют даки, — низкий, и солдаты, с которыми они сражаются, одеты в форму вспомогательных войск². Зная слабое звено в цепи римского наступления, Децебал именно сюда, в Нижнюю Мёзию, направил свой удар (рис. 7). Ему удалось увлечь армию императора далеко от основных сил, в Малую Скифию, где произошла одна из самых жестоких битв: единственный раз на рельефах колонны Траяна фигурируют раненые римляне. (Возможно, это тот момент, когда, по сообщению Диона Кассия³, Траян разорвал свою одежду, чтобы перевязать раненых солдат).

Небезынтересно выяснить роль, которую играло местное население Мёзии в дакийских войнах, и решить вопрос о том, насколько римлянам удалось превратить Мёзию в замиренную провинцию. Многие источники свидетельствуют о больших потерях, с которыми была сопряжена первая дакийская война Домициана⁴. Нам представляется, что столь удачно проведенная Децебалом кампания объясняется не только мужеством и храбростью даков, организационными и военными талантами их вождя, но также и поддержкой, которую даки встречали со стороны местного населения Мёзии.

Дион Кассий сообщает о перебежчиках (αὐτόματοι) от римлян к Децебалу⁵; хотя историк не указывает племени, к которому

¹ C. Cichorius. Die Reliefs der Trajanssäule. Berlin, 1896—1900, табл. XXIV.

² R. Vulpe. La Dobroudja, стр. 137.

³ Dio Cass., LXVIII, 8, 2.

⁴ Tac., Agr., 41; Dio Cass., LXVIII, 9, 6.

⁵ Dio Cass., LXVIII, 9, 5 и 11, 3.

принадлежали перебежчики, однако скорее всего они могли быть из тех провинций, которые граничили с Дакией, и в первую очередь из Мёзии. При этом никак нельзя упускать из виду, что предшествующая политика римлян по отношению к дакам, связанная с переселениями в Мёзию целых племен из числа беспокойных задунайских соседей, вела к созданию внутри страны особенно резко настроенной против римлян группы людей, число которых было велико и которые только и ждали удобного момента для восстания. Столь же ненадежным, если не прямо враждебным, было поведение солдат фракийских когорт: обращает на себя внимание полное отсутствие фракийских и бесских когорт на территории Мёзии в острый период, охватывающий время войн с даками, в то время как до этих событий и после Траяновых войн местные когорты являются обязательной составной частью вспомогательных римских войск на нижнем Дунае, в Нижней Мёзии. Действительно, диплом из Ольтина (округ Силистрия), выданный в 99 г.¹, дает один из самых подробных списков ал и когорт, находившихся в это время в Нижней Мёзии; однако из 13 когорт и 6 ал, перечисленных в нем, нет ни одной, носящей наименование «фракийская». Совершенно ту же картину дает нам другой диплом того же года, несколько дополняющий список отрядов вспомогательных войск в Мёзии и также не упоминающий ни одной фракийской когорты². Диплом, выданный 13 мая 86 г. императором Домицианом некоему фракийцу по имени Seuthe, указывает на присутствие фракийской когорты и алы (I Thracum и II Thracum) в Иудее³. Другой диплом (103 г.) также сообщает о присутствии фракийской когорты вне дунайских областей, в Британии⁴. Можно предполагать, что солдаты вспомогательных войск в начале дакийских войн стали выказывать солидарность с Децебалом и переходить в его армию, чем вынудили римлян в самый напряженный момент борьбы против даков увести фракийские когорты и алы из Мёзии и сменить состав *auxilia*, введя в провинцию в основном те когорты, которые вербовались в расположенных далеко от Дуная провинциях Римской империи, например из Испании — *cohortes II Hispanorum et Aravicorum*, *I Hispanorum Veterana*, *I Asturum*; из Галлии — *II Gallorum* и др. (см. те же дипломы).

---

¹ АЕМ, XI, стр. 25, № 15.

² CIL, III, D. XX.

³ CIL, III, D. XIV. Фракийское имя владельца диплома, солдата фракийской когорты, лишний раз свидетельствует о соответствии наименования когорты и племенной принадлежности ее солдат.

⁴ CIL, III, D. XXI.

Следует отметить также, что на одной из монет Домициана 86 г. Мёзия изображается в виде плачущей женщины, поверженной на землю около сложенного в кучу оружия.¹ Тип этих монет сходен с типом монет, которые римляне выпускали в честь победы над Иудеей, Арменией или Дакией. Мало вероятно, чтобы монета была выпущена в память вторжения в эту про-

Рис. 7. Колонна Траяна в Риме. Сцена битвы римлян с даками и сарматами в Нижней Мёзии в начале 102 г.

винцию даков: римляне на монетах обычно изображали свои победы, а не поражения. Более верно будет считать, что изображение на монете относится к подавлению Домицианом народного движения в Мёзии.

В этой связи следует рассмотреть и вопрос о датировке так называемого «Траянова вала» в Добрудже, который, как нам кажется, тоже имеет непосредственное отношение к дакийским войнам Домициана и участию племен Мёзии в них.

Еще до настоящего времени сохранились следы трех валов, пересекающих Добруджу и соединяющих ту точку Дуная, которая ближе всего лежит к Черному морю (Axiropolis, близ современной Чернаводы) и от которой река резко поворачивает на север, с берегом Черного моря у Томи. Валы идут

¹ J. E s k h e l. *Doctrina numorum veterum*. Vindobona, 1754, стр. 6.

от Аксиополя в восточном направлении и, хотя соединяют те же конечные точки, следуют не параллельно друг другу, а иногда пересекаются. Уже это обстоятельство заставляет думать, что валы строились не по одному плану и не в одно время. Действительно, техника постройки валов, как и находимые при них монеты и керамика, свидетельствуют о разновременном возникновении их. В то время как один вал построен из земли и имеет сравнительно с другими небольшую высоту и ширину (почему и получил название «малого земляного вала»), два другие — значительно более мощные. Один из них, средний, состоит тоже из земли, но он выше и шире первого вала, снабжен укреплениями, отстоящими друг от друга приблизительно на 1,5 километра и представляющими собой квадратные постройки, периметр стен которых достигает 105—135 метров. Всего их насчитывают 30. Это — так называемый «большой земляной вал». Третий вал облицован каменными, хорошо обтесанными блоками; внутри его имеется каменная прокладка (толщина ее 3 м). Лагери этого вала расположены реже, через 3—5 километров, они окружены самостоятельным небольшим валом, иногда двумя или тремя. Одни из них трех- и восьмиугольные, другие — круглые, большинство же — квадратной формы. На протяжении вала сохранилось 17 лагерей¹.

¹ Валы, их история и назначение издавна интересовали историков, археологов и просто путешественников. Еще в XVII в. турецкий путешественник Эвлия Тоселеби описал валы Добруджи (R. Vulpe. «La Dobroudja», стр. 362). Особенно усилился интерес к изучению валов в XIX в., когда многие, даже совсем мало причастные к науке люди занимались их описанием. Научное изучение валов было начато в самом конце XIX в., когда немецкий археолог К. Шухардт отметил, что валы не составляют единой системы и что малый земляной вал построен против врага, наступающего с юга, и относится к доримской эпохе, а два другие вала — ко времени римского господства на Дунае (АЕМ, IX, стр. 87—113). Как и следовало ожидать, валы подверглись исследованию румынских археологов, из работ которых нужно отметить книгу Г. Точилеску — «Fouilles et recherches archéologiques en Roumanie» (Bucarest, 1900). Автор тоже датирует доримским временем малый земляной вал, временем Траяна — большой земляной вал и временем Константина — каменный вал. Е. Корнеманн в работе «Die neueste Limesforschung im Lichte der römisch-kaiserlichen Grenzpolitik» («Klio», VII, стр. 73—121) относит большой земляной вал ко времени Адриана (стр. 92). Наиболее же детальная работа о валах была написана тем же К. Шухардтом, который в 1918 г. обобщил свои наблюдения и итоги раскопок валов Добруджи в работе «Die sogenannte Trajanswälle in der Dobrudscha» («Abhandl. d. preuss. Akad. d. Wissensch.» 1918, Bd. 12). Автор считает малый земляной вал доримским, большой земляной вал он относит к правлению Домициана; а строительство малых укреплений около него — ко времени Траяна; каменный вал он датирует IV в. С ним соглашается в ряде работ Пырван, специально не занимавшийся валами Добруджи. Последним по времени исследованием о валах Добруджи является работа Д. Кранджалова («Валовете в Добруджа и Бесарабия и фальшива прабългарската теория». София, 1948). Автор изучает про-

В настоящей главе нас должен интересовать второй, большой земляной вал, который, судя по опубликованным исследованиям (выводы сделаны на основании изучения строительных приемов, архитектурных и керамических остатков), должен быть отнесен к правлению Домициана¹.

Длительное пребывание Домициана в Мёзии, после которого последовало наступление римлян под руководством Фуска, повидимому следует связать со строительством опорного рубежа — вала, который должен был дать римлянам возможность укрепиться и затем отбросить даков за Дунай. Если признать, что средний, большой земляной вал был построен во времена Домициана, то северную часть Малой Скифии, лежащую вне линии вала, следует считать входившей в границы владений Децебала, что вполне соответствует продакийской ориентации племен Мёзии. Хотя и недолговременное, пребывание северо-восточной части Мёзии в составе государства Децебала должно было укреплять в гетах свободолюбивые тенденции и объединять фракийцев обеих сторон Дуная.

У нас нет прямых свидетельств о том, какую роль играло местное население Мёзии в войнах Траяна. По аналогии с событиями времен Домициановых войн, мы могли бы предположить если не враждебные действия, то, во всяком случае, враждебный нейтралитет коренного населения Мёзии по отношению к римским войскам. Косвенным подтверждением этого предположения может служить то, что римляне не привлекали местных жителей к выполнению многочисленных работ, связанных с ведением войны. Во всяком случае рельефы Траяновой колонны неоднократно показывают римских солдат, занятых рубкой деревьев для строительства плотов и кораблей²,

исхождение валов в Добрудже и Бессарабии и выступает против сформулированной в 1905 г. К. Шкорпилом теории, которая приписывает всем валам, находящимся на территории болгарских земель и в соседних с ними странах, праболгарское происхождение. Кранджалов последовательно разбивает все основные аргументы многочисленных сторонников праболгарской теории и указывает на то, что утверждение о праболгарском происхождении всех валов Болгарии и соседних с ней земель ведет к полному отрицанию доримской, римской и византийской эпох на Балканах. Автор дает подробное изложение хода римского завоевания и датирует римским временем основные валы Валахии, Бессарабии и Добруджи. Большой земляной вал Добруджи он, как и Шухардт, датирует временем Домициана.

¹ Мнение К. Корнемана («Klio», VII, стр. 92), относящего большой земляной вал ко времени Адриана, следует признать ошибочным: надпись CIL, III, 6166 из Трезмиса («Veterani et cives Romani consistentes ad canabas legionis V Macedonicae»), относящаяся к правлению Адриана, свидетельствует о присутствии постоянных римских военных сил севернее линии вала.

² C. Cichorius. Die Reliefs der Trajanssäule. Berlin, 1896—1900, табл. LXVII, LXXXVIII.

жнущих хлеб¹, несущих мешки с зерном или мукой², строящих город³ и т. д. Гражданское население в этих сценах не фигурирует.

Следует упомянуть, что Ювенал в 9-й сатире говорит о рабах-мёзийцах, которые носят носилки⁴. Последние сатиры Ювенала были написаны во времена Адриана, и, возможно, появление рабов-мёзийцев в Риме в правление этого императора следует связать с пленением римлянами мёзов в период войн Траяна на Дунае (рис. 8).

Если судить по надписям послетраяновского периода, то поток римских колонистов-земледельцев из числа гражданского населения направился именно на территорию Малой Скифии. Нельзя ли и в этом факте усмотреть возможность увода в плен и истребления части местного населения и ухода другой части вместе с даками в горы, что повело к опустошению земель Малой Скифии?

То обстоятельство, что памятник победы римлян над даками, монумент *Trophaeum Trajani*, был сооружен на территории Нижней Мёзии (у г. Адамкисси), доказывает, что эта страна находилась в центре военных событий (рис. 9). Скопление римских войск в Мёзии, присутствие армии Децебала и многочисленные сражения вели к разорению местных жителей. Корнелий Фуск, командир римских войск в первую дакийскую войну, за время пребывания в Мёзии разбогател настолько, что еще во время войны начал строить мраморный дворец⁵. Упомянутые выше рельефы Траяновой колонны, рисующие рубку леса и сбор урожая, говорят о расхищении естественных богатств и плодов труда мёзийского населения.

* * *

Очень трудно говорить о позиции греческих городов во время событий на Дунае в конце I — начале II в., так как по этому вопросу не сохранилось ни литературных, ни эпиграфических свидетельств. Единственным источником, проливающим свет на этот вопрос, являются монеты. На монетах города Томи, который в эпоху ранней империи имел очень ограниченное число монетных типов, появляются изображения императора Траяна с лавровым венком на голове на лицевой стороне монеты и трофея (шлем, два щита и поножи) — на оборотной. Имя императора поставлено в необычной грамматической форме — в

¹ С. Cichorius. Ук. соч., табл. LXXXI.

² Там же, табл. XLIV.

³ Там же, табл. XXXIX.

⁴ Juven., Sat., IX, 142—144: ...et duo fortes de grege Moesorum, que me cervice locata securum iubeant clamoso insistere circo.

⁵ Там же, IV, 112: Fuscus marmorea meditatus praelia villa.

дательном падеже (ΑΥΤ ΚΑΙΣ ΝΕΡΥΑ ΤΡΑΙΑΝΩ ΣΕΒ ΓΕΡ ΔΑΚ), что придает всей серии этих монет характер посвящения. До этого времени обычным типом монет в честь празднования победы была Ника с венком и пальмовой ветвью, как это

Рис. 8. Скульптурные изображения на памятнике в Адамклинси: пленные даки и римский солдат. (Национальный музей в Бухаресте)

можно видеть на монетах Томи при Домициане и Нерве¹. Таким образом, можно думать, что город Томи во время решительных войн римлян с даками держался, как и в предыдущее время, проримской ориентации, а по окончании

¹ В. Pick. Das Monument von Adamklissi auf Münzen von Tomis. АЕМ, XV, стр. 18—20; В. Pick — К. Regling, табл. VII, № 1.

борьбы засвидетельствовал благодарность императору выпуском торжественной серии монет. Такое отношение греческих городов к римлянам объяснялось как всей предшествующей политикой Рима по отношению к западнопонтийским городам, так и непосредственными действиями римских властей накануне похода Траяна против даков. За несколько месяцев до начала первой дакийской войны Траяна был издан указ правителя Нижней Мёзии Лаберия Максима (M. Laberius Maximus), касающийся границ территории города Истрии, — так называемая 'Οροθεσία Λαβερίου Μαξίμου¹ (рис. 10). Этот документ подводит итог всей переписке, происходившей между жителями города Истрии и правителями Мёзии в I в. н. э. В отличие от предшествующих ему документов, он носит чисто официальный характер, издан от имени императора, имеет точную дату и написан по-латыни. Оротесия точно определяет границы города Истрии, причем Певка и озеро Гальмирис, бывшие в течение всего I в. яблоком раздора между истрийцами и сборщиками таможенных налогов, теперь попадают окончательно в границы территории Истрии и изымаются из ведения сборщиков налогов. Таким образом, в состав территории Истрии входит очень удобный водный путь, по которому истрийцы беспошлинно могли провозить рыбу.

* * *

Мужественное сопротивление фракийских племен римлянам, подавленное последними с большим напряжением и с привлечением огромного числа войск, находившихся в распоряжении Римского государства, самым непосредственным образом отразилось на тех отношениях, которые сложились во времена Нерона и Веспасиана между Римом, Боспором и Херсонесом. С 79 г. н. э. Херсонес возобновляет чеканку монет с указанием года эры города². В числе этих монет есть и золотые. Так как в римское время самостоятельная чеканка золота не допускалась в римских провинциях³, то наличие золотых статеров служит лишним доказательством того, что Херсонес в это время еще не входил в состав провинции Мёзии. Очевидно, Херсонес в это время был союзным городом на основании договора⁴. Ослабела и зависимость Боспорского царства от Рима по сравнению с тем положением, которое было во времена Нерона⁵.

¹ P â r v a n. Histria IV, № 15—16, стр. 714—716.

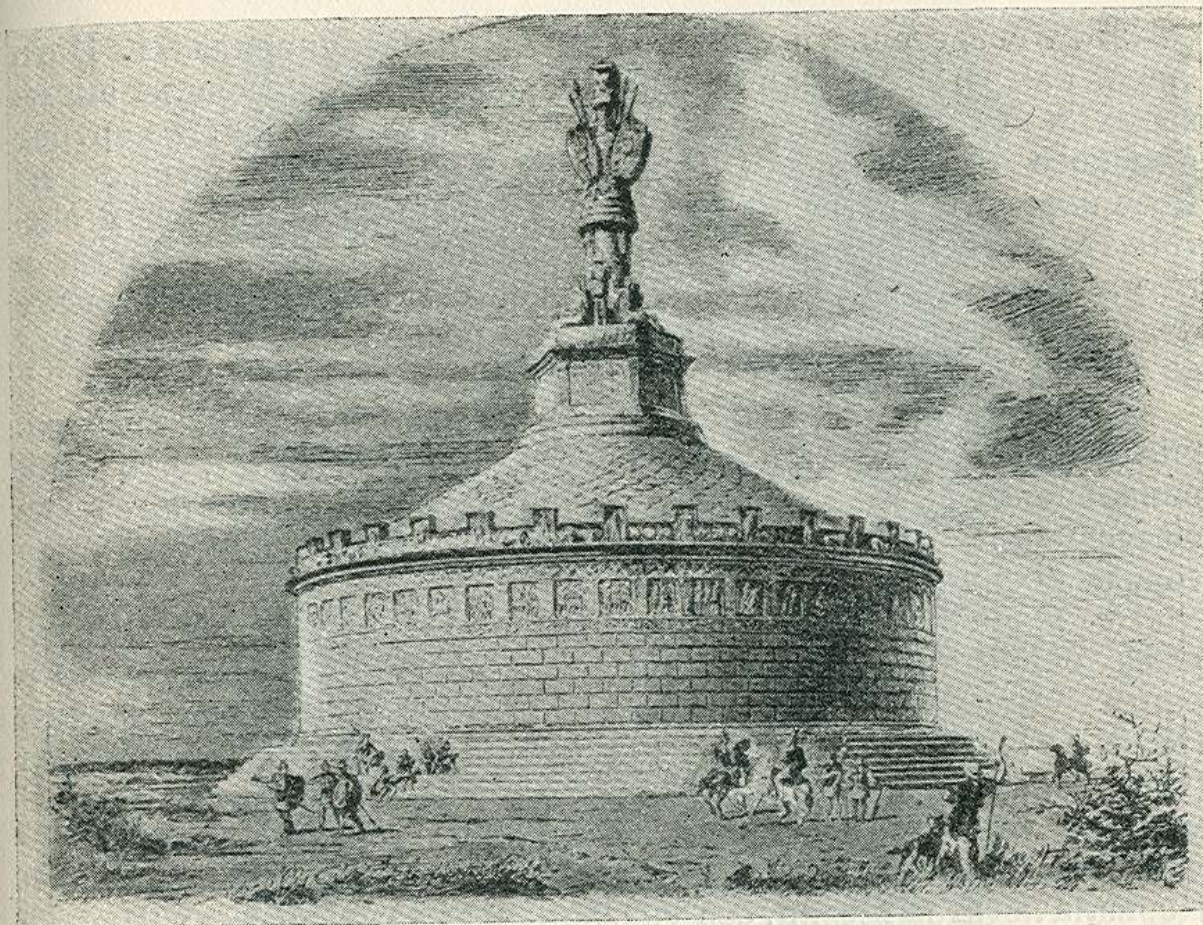
² А. Л. Б е р т ъ е - Д е л а г а р д. Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса, ЗООИД, XVI, стр. 66—73; А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 155.

³ Там же

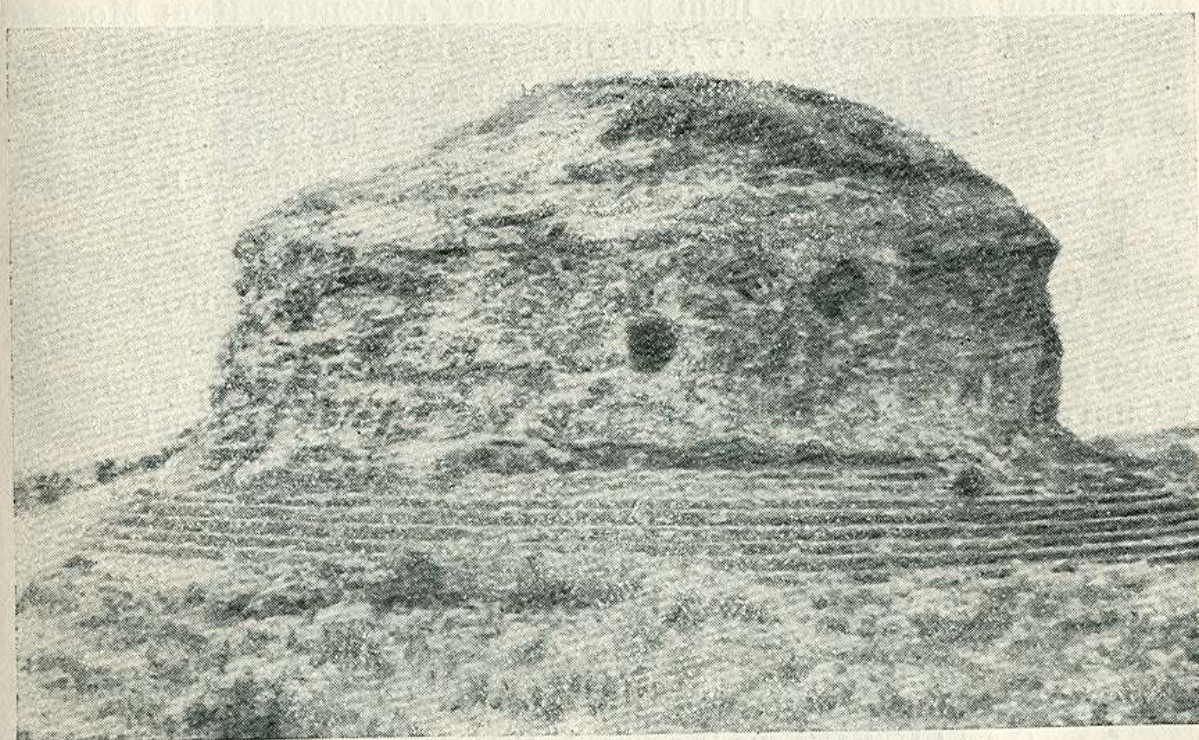
⁴ М. И. Р о с т о в ц е в. Римские гарнизоны, стр. 11, прим. 1.

⁵ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, стр. 333.

1

2

Рис. 9. Триумфальный памятник у г. Адамклисси: 1 — реконструкция, 2 — современный вид.

Об этом свидетельствуют статеры царя Рескупорида II. В то время как до 80-х годов н. э. имя царя на золотых монетах скрывается в монограмме и на лицевой стороне изображается портрет римского императора (Веспасиана и Тита), — с воцарением Домициана, впервые после долгого перерыва (со времени Митридата VIII), появляются портрет царя, его полное имя и титул, а портрет императора помещается на оборотной стороне монеты¹. Такое изменение типологии боспорских монет нельзя не связать с неудачами Домициана на Дунае.

Характерно, что и в Ольвии во времена Домициана престиж римлян поколебался: Дион Хрисостом рассказывает, что один ольвиополит вызывал всеобщую ненависть тем, что по римскому обычаю был острижен и побрит, тогда как все жители этого города носили длинные волосы и бороды².

Ко времени дакийских войн Домициана следует отнести разделение провинции Мёзии на две провинции консульского ранга — Верхнюю Мёзию (*Moesia Superior*) и Нижнюю Мёзию (*Moesia Inferior*). Границей между ними служила река Цибра (*Ciabus*)³. О разделе Мёзии на две провинции во времена Домициана говорит Спартиан⁴. Еще в 82 г. Мёзия не была разделена, так как диплом этого года называет Г. Веттулена Цивилиса Цериала легатом Мёзии, без указания на разделение ее⁵. Первое упоминание о разделении Мёзии сделано в надписи в честь Л. Фунисулана Веттониана, который был легатом *pro praetore provinciae Dalmatiae, item provinciae Pannoniae, item Moesiae Superioris*. Он получил от Домициана многочисленные награды за участие в дакийской войне⁶; правителем Паннонии он был в 84 и 85 гг.⁷. Исходя из внутренней истории Мёзии и на основании указанной надписи раздел Мёзии на две провинции следует отнести к 86 г.

Каждая из этих новых провинций получила своего правителя (консульского ранга), в распоряжении которого находилось два легиона. Со времени Траяна их расположение было следующее: в Верхней Мёзии — IV Флавиев легион, стоявший в Сингидуне, и VII Клавдиев, стоявший в Виминации, а в Нижней Мёзии — I Италийский легион, стоявший в Дуросторе, и V Македонский, стоявший в Трезмисе⁸.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 201.

² Dio Chrys., Or., XXXVI, II, 48. ВДИ, 1948, № 1, стр. 231—232.

³ Ptol., III, 9, 1.

⁴ SHA, Vita Hadr., 2, 3: Post hoc in Inferiorem Moesiam translatus extremis iam Domitiani temporibus.

⁵ S. Gsell. Essai sur le règne de l'empereur Domitien. Paris, 1894, стр. 136.

⁶ CIL, III, 4013.

⁷ CIL, III, D. XVI и D. XII.

⁸ «Klio», VI, стр. 46.

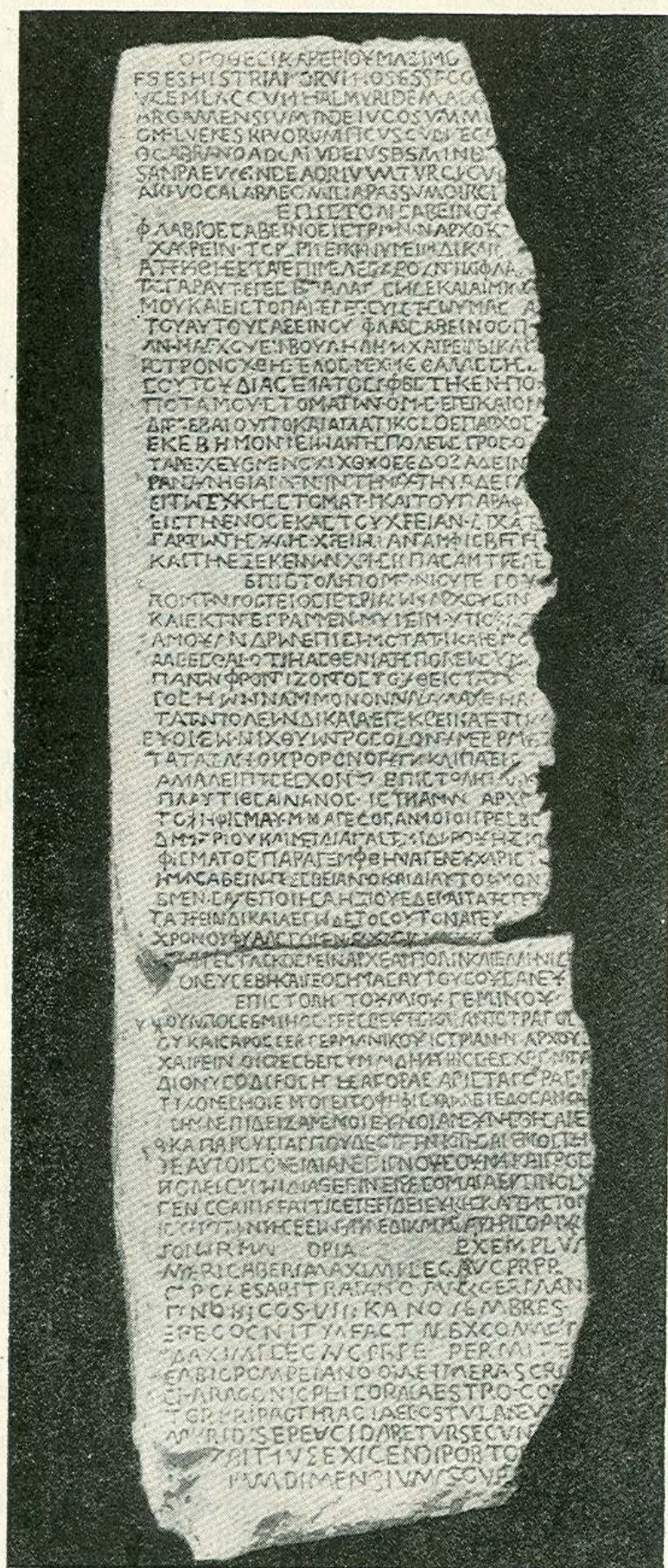

Рис. 10. Надпись, содержащая письмо Траяна о привилегиях истрийцев (так называемая «Оротесия Лаберия Максима»).

Административная реформа Домициана, как и создание мощной оборонительной линии в Малой Скифии свидетельствуют о том, что в Риме придавали большое значение положению в Мёзии.

2. Изменения в составе населения и социальные отношения в Нижней Мёзии во II в. н. э.

Только после нескольких кровопролитных войн, которые вели римские императоры с даками, римляне могли приступить к интенсивному заселению Мёзии колонистами. Главную массу их составляли ветераны легионов (обычно мёзийских) или вспомогательных войск, получившие почетную отставку (*honesta missio*)¹. Надписи ветеранов легионов, когорт и ал встречаются в большом количестве в Малой Скифии, где ветераны наряду с другими римскими гражданами и бессами составляют население деревень (*vici*)² и городов, расположенных близ легионных стоянок³; в греческих городах западного Понта, в которых они со времени Траяновых войн начинают составлять часть привилегированного, богатого населения⁴, или во вновь основанных Траяном городах⁵. Неоднократные посещения Мёзии

¹ В. Пырван в своих работах, особенно в наиболее крупных из них — «*Inceputurile vieții romane la gurile Dunării*» (Bucarest, 1923) и «*Dacia: An outline of the early civilization of the Carpatho-Danubian countries*» (Cambridge, 1928, стр. 175—176), утверждает, что основу римских колонистов составляли не военные контингенты, а гражданские, главным образом земледельцы и купцы. С этим мнением нельзя согласиться. Многочисленные надписи ветеранов из Малой Скифии, греческих прибрежных городов и внутренней части Нижней Мёзии, по числу своему значительно превосходящие надписи гражданского римского населения, бесспорно свидетельствуют о том, что ветераны легионов и вспомогательных войск составляли основную часть римского населения Нижней Мёзии. Стремление Пырвана и некоторых других румынских историков (R. Vulpe. *La Dobroudja*, стр. 181) уменьшить роль военных римских элементов в Мёзии следует объяснять их желанием преувеличить стихийность романизации страны, мирное внедрение римских обычаев и порядков в жизнь местного населения и мирное срастание пришлых римских элементов с аборигенами страны.

² Pârvan. *Histria VII*, №№ 18, 49, 51, 52; его же. *Fouilles d'Histria, «Dacia», II*, 1925; его же. *Descoperiri nouă în Scythia Minor*. Bucarest, 1913, стр. 539.

³ Troesmis: CIL, III, 6162, 6166, 6198, 7499, 7500, 7501, 7502, 7506, 7507; Durostorum: Pârvan. *Municipium Aurelium Durostorum*, «*Riv. di filol.*», LII, 1924, стр. 307—340; Novae: CIL, III, 12354, 12355. AEM, XV, стр. 209, № 81; AEM, XVII, стр. 172 и 184, № 6 и 36.

⁴ Tomi: AEM, XI, стр. 61—62, № 122, 123; AEM, XVII, стр. 89, № 14; Histria: Pârvan. *Histria IV*, стр. 665—667, 678—679; его же. *Histria VII*, стр. 56—59, 63—78 и «*Dacia*», II, 1925, стр. 224.

⁵ G. Seure. *Nicopolis ad Istrum*. «*Rev. arch.*», IX, 1907, стр. 276.

императорами из дома Антонинов повели к тому, что среди римских колонистов появились и преторианцы¹.

Очевидно, ветераны составляли самостоятельную и, возможно, корпоративно державшуюся прослойку римских граждан. В надписях на посвященных алтарях они обычно выделяют себя из общей массы римлян (надписи начинаются словами: «Veterani et cives Romani...»).

Существенного различия между ветеранами вспомогательных войск и легионов, видимо, не существовало; во всяком случае, в надписях не указывается, к какому именно воинскому подразделению имел отношение данный ветеран. Это можно объяснить тем обстоятельством, что со времени Адриана набор в армию был местным², в легионы и вспомогательные войска попадали, собственно, все те же местные жители.

Ветераны становились руководителями административных учреждений Нижней Мёзии, занимая в них различные посты³. Так, ветеран V Македонского легиона Г. Юлий Валей является *magister vici* (очевидно, селения Веротитиана, гениям которого посвящена надпись)⁴. Другой ветеран из алы I Dordanorum был II *vir quinquennalis municipii Troesmiensium*⁵. Один из ветеранов V Македонского легиона был религиозным главой провинции (*sacerdos provinciae*)⁶. Они были членами булэ крупнейшего западнопонтийского города Томи, как об этом свидетельствуют надписи⁷. Эти примеры можно было бы умножить.

Основой выдающегося положения ветеранов было их материальное благосостояние. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания в их надгробных надписях термина «наследник» (*heres*). Самый факт сооружения надгробного памятника, часто сделанного с большим искусством и из дорогого камня, уже указывает на то, что усопший принадлежал к числу богатых людей. Ветераны являются хозяевами рабов, иногда многочисленных (ветеран Л. Валерий Секст обладает не менее чем десятью рабами⁸; другой ветеран, Г. Юлий Виндик, — не менее чем пятью рабами⁹). Основой богатства ветеранов была земля,

¹ CIL, III, 13743.

² A. D o m a s z e w s k i. Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn, 1908, стр. 194.

³ Е. М. Ш т а е р м а н. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. ВДИ, 1946, № 3, стр. 260.

⁴ АЕМ, XIV, стр. 19, № 42.

⁵ Там же, VI, стр. 44, № 90.

⁶ Там же, VI, стр. 45, № 92.

⁷ CIL, III, 770; АЕМ, XI, стр. 61

122: *buleuta Tom(itanorum)*.

⁸ CIL, III, 1653.

⁹ CIL, III, 1682.

которую они получали в собственность. Об этом свидетельствует достаточное количество надписей¹. Они сообщают о ветеранах, получивших земельный участок (*praedium, villa*) после отставки и живущих на своих землях (*obiti in praedio suo* или *obiti ad villam suam*). Земля, очевидно, передается по наследству. Так, Флавий Каст посвящает памятник своему отцу, получившему после почетной отставки *villa* около Томи. Две другие надписи сообщают о целой семье, все мужчины которой носят помен императора Нервы — *Cosceius*; надписи дают возможность составить целую таблицу родовых связей этих Кокцеев, отец которых, *Cosceius Vitales*, был солдатом, вышедшим в отставку во времена Нервы. Два поколения этой семьи живут и умирают в своей *villa* и с гордостью подчеркивают это в своих надгробных надписях².

Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. Обычно наследниками являются ближайшие родственники (брат, жена, сын, сестра). Таких родственников-наследников можно встретить на западе и востоке Нижней Мёзии. Однако есть надписи, в которых в качестве наследников упоминаются не родственники, а «однополчане» умершего, получившие вместе с ним отставку (*conveterani heredes*) или же служившие вместе с ним, — если хозяин надгробной надписи умер, будучи еще на службе (*commanipulares* и просто *heres* из числа солдат или офицеров того же легиона)³. Надписи о наследовании однополчанами происходят главным образом из западных областей Нижней Мёзии и не указывают, какого рода наследство оставил умерший, в то время как надписи с точным указанием о наследовании земли (*villa* и *praedia*) найдены на востоке Нижней Мёзии, точнее — в Малой Скифии. Недостаточное количество надписей из западных областей Мёзии позволяет сделать лишь предварительный вывод о том, что в Малой Скифии раньше, чем на западе Нижней Мёзии, развилась и была более распространена частная собственность на землю, разрушающая старые общинные устои гетов. Эта частная форма земельных владений проникла и в среду местного невоенного фракийского населения. Одна надпись⁴ сообщает о *villa*, принадлежащей фракийцу по имени *Bessus Ampudus*. Чисто фракийское имя владельца этой *villa* не оставляет сомнения

¹ CIL, III, 770; AEM, XIX, стр. 89, № 29, 30; H. Grégoire. La romanisation aux bouches du Danube. «Rev. belge», IV, 1925, стр. 328 (по Пырвану).

² AEM, XIX, стр. 89, № 29 и 30.

³ Там же, XVII, стр. 83, № 4; AEM, XV, стр. 208, № 76; CIL, III, 12401 и 6441.

⁴ CIL, III, 14447: *Termini positi inter villam Bessi Ampudi et vicin(os) B[ute]ridavenses.*

в том, что он не был ветераном. Однако общинная форма земельных владений продолжала существовать: та же надпись говорит о межевых столбах, поставленных между землями Bessi Ampudi и землями жителей деревни Бутеридава. Частное земельное владение как бы вклинивается между землями общинников. Таким образом, надпись свидетельствует, во-первых, о сочетании частной и общинной формы земельных владений на территории Нижней Мёзии во II в. н. э.¹; во-вторых, она показывает, что среди фракийского населения продолжался процесс выделения богатых слоев. Об этом же говорит и другая надпись, в которой восхваляется фракиец Муса ... за то, что он за свой счет починил стены города Томи².

Столкновение с рабовладельческим Римом ускорило процесс развития рабовладения в Мёзии, который начался до римского завоевания. О наличии рабов у гетов свидетельствует Артемидор Далдианский, живший во II в. н. э. Он сообщает, что «у фракийцев клеймятся благородные дети, а у гетов — рабы»³.

Это разделение на фракийцев и гетов, во всяком случае, позволяет предполагать, что здесь речь идет не о южных фракийцах, а о восточной части племен Мёзии.

Нельзя не отметить, что свидетельства о появлении у фракийцев частной собственности на землю и о наличии у них рабов относятся к восточным областям Нижней Мёзии, т. е. именно к той части мёзийских племен, которые уже до римского завоевания были наиболее развитыми, имели уже зачатки рабовладельческого уклада, резкую имущественную дифференциацию. Очевидно, для развития классовых рабовладельческих отношений во II в. н. э. у этой части племен Мёзии были определенные экономические и социальные предпосылки, подготовленные всем ходом их исторического развития.

Больше сведений мы имеем о рабах у ветеранов и служащих таможенных станций.

О них сообщают два рода надписей: первую группу составляют надгробные надписи, которые были поставлены бывшими рабами, теперь вольноотпущенниками, своим хозяевам — ветеранам. Все они имеют приблизительно одинаковое содержание: группа бывших рабов или один раб ставят надгробную

¹ Во Фракии наличие земель, находившихся в ведении общин, засвидетельствовано рядом надписей о межевании полей. См. А. Р а н о - в и ч. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 247—248.

² Хр. Д а н о в. Западнят бряг на Черно море в древността. София, 1947, стр. 84.

³ A r t e m i d o r u s. Ὁνειροκρίτικα. 1, 8. ВДИ, 1948, I, стр. 262.

надпись своему умершему хозяину в благодарность за то, что он отпустил их на волю¹. В одной надписи приведен любопытный диалог между хозяином (*dominus*) и рабами (*servi*): хозяин отпускает рабов на волю, за что те благодарят его². Указанные надписи не могут быть датированы ранее чем II в. н. э. На это указывает посвящение подземным богам — D. M. (*Dis Manibus*), характерное в дунайских областях для II в. н. э. и получившее всеобщее распространение со второй половины его. Заключительная формула некоторых надписей — F. C. (*faciendum curavit*) также дает возможность датировать их II в.: в I в. в дунайских областях эта формула еще не встречается, а в III в. уже исчезает³.

Вторая группа надписей, в которых упоминаются рабы, связана с таможенными станциями. Рабы, служащие на таможенных станциях и принадлежащие откупщику или, позже, императору, производят впечатление зажиточных людей. Они имеют возможность ставить надписи по случаю благополучного выздоровления⁴, неоднократно — в честь своего хозяина⁵. Очевидно, занимаемые этими рабами должности давали большие возможности разбогатеть, и их материальное положение не характерно для рядовых рабов.

Интересный памятник был опубликован Ив. Велковым⁶ (рис. 11). Неподалеку от Борисовграда был найден скульптурный памятник гладиатору. Гладиатор (*secutor*) в шлеме, со щитом и мечом поверг на землю другого гладиатора (*retiarius*), с сеткой и трезубцем. Между этими двумя гладиаторами — третья мужская фигура, которая держит в левой руке деревянную палку. Гладиаторские игры, очевидно, происходили не только в припонтийских городах Мёзии, где упоминания о гладиаторах весьма часты⁷, но и во внутренних городах провинции. Имя гладиатора, которому поставлен памятник, фракийское — ³Επιπτάς, однако подавляющее большинство рабов в Мёзии носит имена, характерные для восточных областей Римской империи: Hermes, Nica, Hermagora и т. п. В надписях, которые были найдены и опубликованы, фракий-

¹ CIL, III, 1653, 1682, 6144; AEM, XIX, стр. 214, № 71 и 72.

² CIL, III, 1653.

³ Д. П. Димитров. Надгробные плиты от римского времени в Северна България. София, 1942, стр. 14 и 18.

⁴ CIL, III, 12399; AEM, XVII, стр. 175, № 12: ...*gravi valetudine liberatus*.

⁵ Например, раб Hermes в честь своего хозяина Юлия Капитона: CIL, III, 7434.

⁶ Ив. Велков. Един редък археологически паметник на гладиатор от с. Татарево (Борисовградско). ИБАИ, 1940/42, стр. 215.

⁷ R. Vulpe. La Dobroudja, стр. 213, прим. 3, 4, 5.

ские имена почти не встречаются¹. В этом явлении естественно видеть нежелание рабовладельцев держать рабов из числа фракийцев в стране, населенной их соплеменниками.

Ряд вопросов, связанных с рабовладением, остается неосвещенным: не ясны причины отпуска рабов на волю, нельзя ничего сказать об общем числе рабов, которыми владели эти и другие хозяева, и т. д. Поэтому остальные выводы можно сделать лишь предположительно. При сравнительно небольшом числе надписей из Мёзии вообще все же можно считать, что упомянутые несколько надписей об отпуске рабов на волю — не случайное явление. Возможно, что уже во II в. рабский труд в Мёзии считался нерентабельным. На эту мысль наводит также и то, что у хозяев, отпускающих на волю рабов, в некоторых случаях были наследники. Нельзя забывать и того обстоятельства, что рабовладение в Мёзии развивалось тогда, когда страна уже вошла в состав Римского рабовладельческого государства, которое во II в. минуло пору своего расцвета, и «отпуск рабов на волю составлял одну

Рис. 11. Памятник гладиатору из с. Татарево близ Борисовграда. ИБАИ, 1940/42, стр. 217, рис. 310.

¹ Возможно, имя раба Tzitzis, упомянутое в списке рабов ветерана Г. Юлия Виндика (CIL, III, 1682), фракийское.

из особенностей социальной жизни империи»¹. С оговорками на недостаточность сведений можно сделать вывод и о том, что крупное рабовладельческое хозяйство не характерно для Мёзии. Если здесь использовать *argumentum ex silentio*, то следует отметить, что нет надписей из Мёзии, которые говорили бы о крупных рабовладельческих хозяйствах; лишь одна из надписей говорит о хозяине 10 рабов, остальные свидетельствуют о 2—3—5 рабах. Возможно, что сохранение общинной собственности на землю тормозило развитие крупного землевладения в Мёзии.

Помимо ветеранов и их потомков, в Малой Скифии мы находим еще множество невоенных римских граждан, пришедших сюда в качестве колонистов, в основном — земледельцев. В этом отношении интересна стела, найденная в Ульметуме и принадлежащая Гаю Юлию Квадрату, который изображен в виде пастуха и землепашца, с плугом и быками; внизу стелы — изображение бога земледелия — Сильвана. Стела датируется 110—120 гг. н. э.² Имена Юлия Квадрата и его жены Юлии Теренции чисто римские. В этой же деревне встречается множество римлян, родовые имена которых (*Aemilius, Julius, Valerius*) заставляют считать их римлянами по происхождению³.

Группа надписей из деревни Квинтиона (неподалеку от Истрии) кроме ветеранов упоминает и других римских граждан, как бы подчеркивая их невоенный характер (*«Veterani et cives Romani consistentes vico Quintionis»*)⁴. Некоторые из этих пришельцев появились из Италии (из Пиценума, Аквилеи⁵), большинство же — из Далмации, Норика, Паннонии и Верхней Мёзии. Так, в деревне Ульметум мы встречаем выходца из Норика по имени Кальвентий, в Томи — колониста, пришедшего из Ратиарии, в Трезмисе — римлянина из Эска⁶. Эти невоенные римские колонисты подобно ветеранам владели землей на правах частной собственности. Один межевой камень, найденный около Томи, сообщает о «границах, простирающихся до [земель] Тиберия Клавдия Фирма»⁷.

Обращает на себя внимание то, что надписи, говорящие о невоенных римлянах, происходят главным образом из Малой

¹ Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., 1949, стр. 525.

² H. Grégoire. La romanisation aux bouches du Danube. «Rev. belge», IV, 1925, стр. 601—602 (по Пырвану).

³ Pârvan. Ulmetum I, стр. 603.

⁴ Pârvan. Histria VII, стр. 56—74; 118—126.

⁵ CIL, III, 6202, 6203, 7574.

⁶ CIL, III, 6156, 6190, 6201; H. Grégoire, Ук. соч., стр. 606—608.

⁷ R. Vulpe. La Dobroudja, стр. 194.

Скифии, в то время как на западе Нижней Мёзии (как и в Верхней Мёзии) они поставлены главным образом ветеранами и солдатами. Создается впечатление, что невоенные колонисты-земледельцы селились в основном на территории Малой Скифии. Это явление, как нам кажется, следует объяснять плодородием почв Добруджи и наличием там свободных земель. Колонизация стала возможна благодаря относительно спокойствию, которое обеспечивалось покорением Дакии и пребыванием в Малой Скифии двух легионов (V Македонского в Трезмисе и XI Клавдиева в Дуросторе), а также близостью к греческим городам западного Понта.

Нам приходилось отмечать ограниченность сведений о производительной деятельности жителей Мёзии накануне римского завоевания. К сожалению, это же надо сказать и о периоде I—II вв. н. э. Лишь отрывочные упоминания в надписях и редкие изображения на надгробиях свидетельствуют о том, что и во II в. (как это засвидетельствовано для I в. надписью Плавтия Сильвана) жители Мёзии занимались сельскохозяйственным трудом. Так, на надгробной стеле некоего фракийца ΜΙΚΕ ΜΙΚΟΥ, хранящейся в Софийском музее и дважды опубликованной в болгарских археологических журналах¹, изображена сцена пахоты: два вола, впряженные в плуг, справа от волов изображен серп. Плуг представляет собой заостренное и, возможно, обитое железом большое бревно. Рукоять плуга поставлена перпендикулярно к бревну (рис. 12). Такого рода изображение на надгробии свидетельствует о том, что основным занятием умершего было земледелие. Вероятно, подобная же сцена изображена на упоминавшейся стеле из Ульметума, принадлежащей Гаю Юлию Квадрату, где он, судя по описанию этого надгробия, изображен в виде пастуха и земледельца, с плугом и быками². Подобно тому как это было раньше, земледелие сочеталось со скотоводством. Изображение пастушеско-земледельческого божества часто встречается на надгробиях Мёзии. Это божество изображается в виде бородатого мужчины, в левой руке держащего пастушеский посох, в правой — серп³ (рис. 13). Некоторые сведения дошли до нас и о развитии виноградарства. Множество надгробий из Мёзии обрамлены рамкой из виноградной лозы⁴. (рис. 14). Правда, этот орнамент надгробий наряду с орнаментом из плюща вообще очень распространен в античном мире; однако нам представляется, что на надгробиях

¹ ИБАД, 1919/20, стр. 154; ИБАИ, 1938, стр. 405.

² Самое изображение, к сожалению, осталось нам недоступным. Описание стелы дано в книге Н. Grégoire. *La romanisation aux bouches du Danube*, стр. 601—602.

³ ИБАД, 1911, стр. 175—178.

⁴ Например, ИБАИ, 1938, стр. 290, рис. 95, 97 и др.

Мёзии он фигурирует не случайно: на некоторых стелах, увитых лозой, изображены сцены перевозки вина в бочках на телегах (рис. 14). Хорошо известно сообщение Страбона о том, что Биребиста приказал уничтожить все виноградники и жить без-

Рис. 12. Изображение сцены пахоты и серпа в нижней части фракийского надгробия. Народный музей в Софии. ИБАИ, 1938, стр. 405, рис. 155.

вина¹. Плиний считает фракийское вино наиболее прославленным². Возможно, город Дионисополь получил свое название в связи с изготовлением там вина.

Значительно больше сведений, чем о сельском хозяйстве,

¹ Strabo., VII, 3, 11.

² N. H., XIV, 6.

мы имеем о металлургии и металлообрабатывающем ремесле в Мёзии. Широкое развитие этих отраслей хозяйства в Мёзии в римское время было подготовлено многовековым опытом фракийцев, умевших выплавлять металл и изготовлять пре-

Рис. 13. Рельеф из с. Кейнаре (Бялослатинский округ), изображающий пастушеско-земледельческое божество. ИБАД, II, 1911, стр. 177, рис. 2.

красные изделия из железа и бронзы уже в глубокой древности: памятники гальштатской и латенской эпох в огромном количестве встречаются на территории Мёзии¹. Железо в таком количестве добывалось в императорское время, что из него начинают

¹ ИБАИ, 1928/29, стр. 273; ИБАД, 1913, стр. 391 и множество других находок.

Рис. 14. Надгробие из с. Кунино, Сев. България.
Д. П. Димитров. Надгробните плочи от римско време
в Северна България, табл. XXV, рис. 86.

делать мебель. Особенно характерны складные железные столы с перекрещивающимися ножками, найденные в различных местах в Болгарии¹. Из железа делались основные части для колесниц, обручи для колес и бочек (рис. 15). Упомянутые выше изображения сельскохозяйственных орудий на надгробных

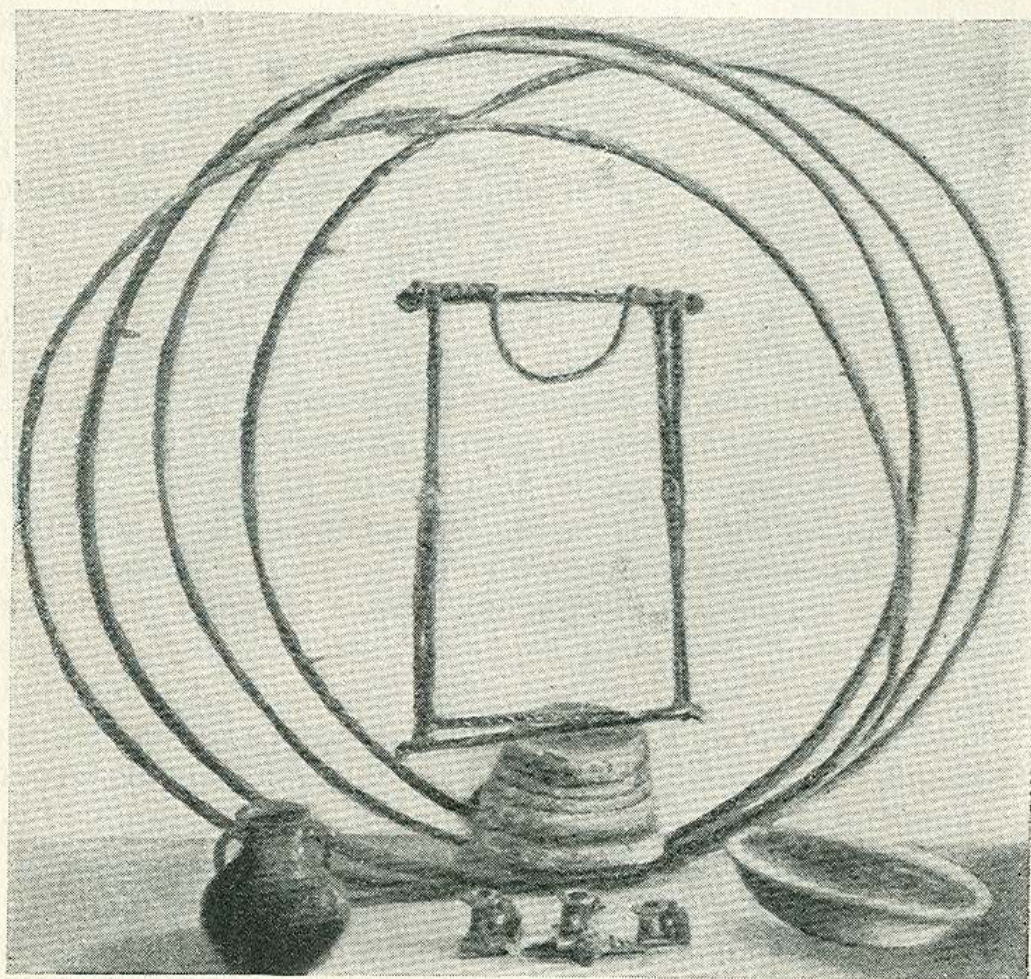

Рис. 15. Железные обручи для бочек, складной стол, бронзовый сосуд и др. предметы I—II в. н. э., найденные при Кадин Мост. ИБАИ, 1932/33, стр. 421, рис. 182.

стелах свидетельствуют об умении мёзийских мастеров изготавливать и эти изделия. Несомненно, ассортимент изготавливавшихся сельскохозяйственных орудий был гораздо шире, чем мы можем судить на основании имеющихся у нас археологических данных из погребений и городищ римского времени. Найденные при раскопках раннесредневекового поселения (VI—VII вв.) у села Жеглица (Видинский округ) разнообразные

¹ ИБАИ, 1932/33, стр. 393, рис. 146; там же, стр. 418, рис. 177, стр. 421, рис. 182.

орудия сельскохозяйственного труда (различных сортов мотыги, косы и т. д.)¹ дополняют наши представления о металлургии Мёзии римского времени. Чрезвычайно разнообразны изделия из бронзы: сосуды, украшения колесниц, фибулы.

Для характеристики местной фракийской торевтики первых веков н. э. следует привлечь вещи из клада, найденного в 1909 г. около города Плевны, в деревне Николаево² (рис. 16). Клад состоял из девяти золотых ожерелий, двух пар серег, нескольких браслетов, колец, множества других украшений и серебряной посуды. Изделия из Николаево носят характер местного производства, для которого характерны: использование в золотых украшениях полудрагоценных камней, вправление золотых монет в ожерелья, наличие пирамидальных подвесок и т. д. Вещи, подобные вещам из Николаево, найдены в селе Лесичево (близ г. Пазарджик), в Арчаре и других местах.

К. Иричек сделал, на наш взгляд, очень удачную попытку установить топографию римских рудников в дунайских провинциях³. Он установил пять основных мест, где были сосредоточены железные, медные и свинцовые рудники. В Нижней Мёзии он фиксирует остатки римских серебряных, свинцовых, железных и золотых рудников на крайнем западе, около города Заечара, на реке Тимок (Timacus). Затем Иричек констатирует наличие рудников в округе города Аквы (около современного г. Радужевац на Дунае). Далее на восток были серебряные, свинцовые и железные рудники у современного города Чипровцы на северной стороне Балканских гор, у истоков реки Огост. На северо-востоке эта рудная область достигает истоков реки Лом, где обнаружена штольня римского времени. Железные рудники были в Балканских горах у города Трояна, в верхнем течении реки Осым. Для изготовления изделий из золота фракийские мастера, очевидно, использовали золотые рудники в Дакии (Семиградье).

Чрезвычайно сложен вопрос о том, какой труд применялся на рудниках Мёзии. Уже упоминавшийся папирус *Pridianum* когорты I Hispanorum veterana, относящийся ко времени Траяна — Адриана, где говорится о расформировании когорты, сообщает (строка 58), что два солдата были посланы *in Dardanis ad metalla*⁴. Возможно в рудниках использовался подневольный труд и солдаты должны были наблюдать за ходом

¹ ИБАИ, 1946, стр. 203—205.

² ИБАД, III, 1913. Римското съкровище от Николаево.

³ С. I r i č e k. Archäologische Fragmente aus Bulgarien, AEM, X, 1886, стр. 75—85.

⁴ G. C a n t a c u z e n e. Un papyrus latin relatif à la défense de Bas Danube, «Rev. hist. du Sud-Est europ.», 1928, № 1—3, стр. 53. Термин *metallum* и у других авторов употребляется в смысле «рудник».

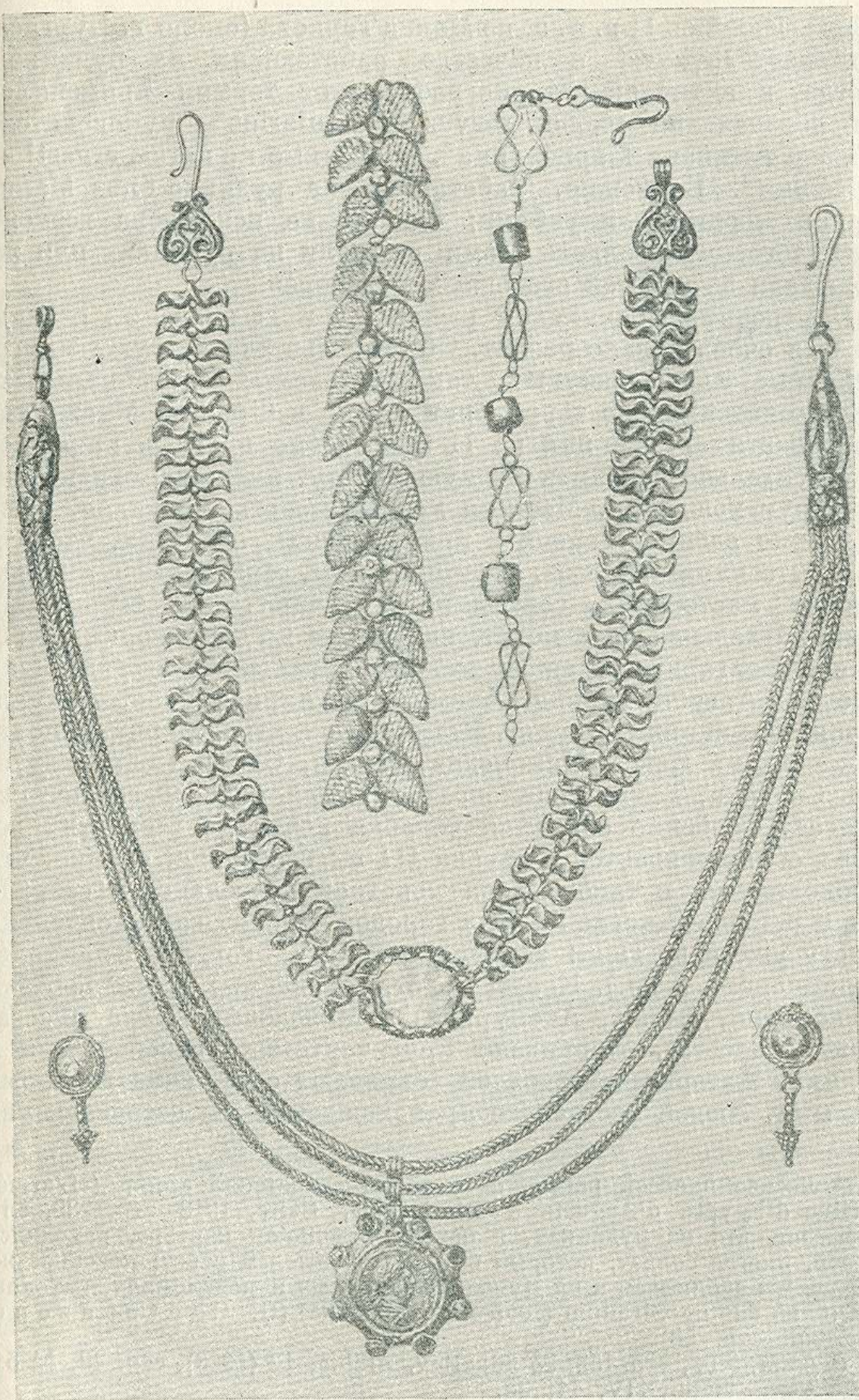

Рис. 16. Клад из Николаево. ИБАД, 1914, табл. II.

работ¹. Надпись II в. н. э. из Малка Тернова (около г. Бургаса) упоминает ἐργασταί в качестве работающих на руднике³. Иногда в античной историографии этот термин применялся для обозначения рабов: *servus ergastularius* — руководитель рабов у Аммиана Марцеллина³, скованные по ногам *ergasti* — у Плиния⁴. Возможно, работавшие на руднике близ Малка Тернова люди были рабами; однако не исключена возможность того, что солдаты сами работали на рудниках или же наблюдали за работой свободных рудокопов.

Внутренний фракийский рынок в I и II вв. н. э., очевидно, был очень сильно развит. Об этом свидетельствуют многочисленные клады местных, так называемых «колоннальных» монет, найденные на территории Мёзии и Фракии. Множество городов этих провинций во II и особенно в III в. начинают самостоятельно чеканить медную монету, имевшую ограниченный круг хождения. Местная медная монета, очевидно, была настолько распространена в придунайских областях, что совсем вытеснила римскую: медные монеты, чеканенные в императорских мастерских, совсем не встречаются на территории Мёзии. Клады медных монет, найденные на территории современной Болгарии, содержат монеты, чеканенные в следующих городах: Августа Траяна, Анемурион, Адрианополь, Анхиал, Бизия, Виминаций, Деульт, Истрия, Каллатис, Марцианополь, Никополь на Истре, Никомедия, Никея, Одесс, Пела, Пауталия, Сердика, Томи, Траянополь, Филиппополь, Фессалоники, Эдесса⁵. Особенно обильная чеканка почти во всех этих городах обнаруживается с начала III в.; бесспорно, однако, что необходимость в такого рода монетной деятельности созрела уже и раньше (многие из этих городов чеканят самостоятельно монету уже и во II в.: западнопонтские города, Никополь, Филиппополь и др.). Клады монет, чеканенных в Малой Азии (Никомедия, Никея, Анемурион) и Македонии (Пела, Фессалоники, Эдесса), очерчивают круг торговых связей Мёзии и Фракии. Материалы надписей совпадают с нумизматическими данными. Людей восточного происхождения мы встречаем как

¹ Лескье в своей работе по истории египетской армии («L'armée romaine d'Egypte d'Auguste à Diocletian», Caire, 1918, стр. 239, сл.) указывает, что на рудниках, в каждом отдельном карьере, находился офицер, иногда солдат, который был руководителем работ; подобное же явление мы наблюдаем и на Дунае в мраморных каменоломнях, находившихся на юг от Sirmium (соврем. Митровица) (G. Cantasizene. Ук. соч., стр. 58).

² АЕМ, XIV, стр. 153, № 36; «Rev. Arch.», 12 (1908), стр. 48, № 51.

³ Amm. Marc., XIV, 11, 33.

⁴ N. H., XVIII, 4.

⁵ См. публикации кладов в ИБАИ с 1922 по 1950 г. и ИБАД с 1910 по 1920 г.

на западе, так и на востоке Мёзии. Некий Сп. Oppius Seterichus и его сын построили во времена Антонина Пия храм Юпитеру Лучшему Величайшему¹, ему же посвящает латинскую надпись Xenius Nicerphorus из Карсиума² и др.

На территории Мёзии найдено множество серебряных римских императорских монет. Большинство кладов относится ко времени Гордиана III и Филиппа Араба. Очевидно, бурные события середины III в. н. э. заставили многих жителей Мёзии спасти свое добро, зарывая его в землю. Клады римских монет, найденные на территории Мёзии, обладают некоторыми особенностями. Во-первых, обращает на себя внимание наличие во многих кладах монет, чеканенных в течение двух, а иногда и трех веков. Это необычное для Рима явление, где императоры одной династии сплошь и рядом прекращали хождение монет, чеканенных их предшественниками, нам кажется, можно объяснить тем, что римские монеты в Мёзии превращались в сокровища, или тем, что оборот их был чрезвычайно замедлен, ввиду чего монеты не выходили из обращения на протяжении ряда веков. Нельзя не обратить внимания, во-вторых, и на то, что в кладах совершенно не обнаруживается золотых римских монет. Очевидно, они были чрезвычайно редки в Мёзии. Наше предположение подтверждается тем, что в одном из богатейших ожерелий, найденных в числе множества других драгоценностей в селе Николаево, в качестве центрального украшения фигурирует ауреус с изображением Каракаллы. Нельзя забывать также, что на Балканском полуострове находилась третья часть всех монетных дворов Римской империи (из 44 монетных дворов — 14)³, и наличие монет римской чеканки еще не означает интенсивных торговых связей с различными областями империи. Сказанное наводит на мысль, что экономические связи Мёзии с Римом были весьма ограниченными.

3. Города и дороги Мёзии

На территории Нижней Мёзии Траян создал ряд городов — Marcianopolis, Nicopolis ad Istrum⁴, Tropaeum Trajani. Наиболее

¹ CIL, III, 7474.

² Там же, 7488.

³ E. Gren. Kleinasien und Ostbalkan. Uppsala, 1942, стр. 153—154.

⁴ Во времена Антонинов Nicopolis ad Istrum принадлежал не Мёзии, а провинции Фракии, как о том свидетельствует Птолемей (Ptol., III, 1, 7). Это же подтверждают и монеты: до времени Септимия Севера Nicopolis на своих монетах регулярно чеканит имена фракийских правителей провинции (B. Pick — K. Regling, стр. 79). Вопрос этот, неоднократно подымавшийся в литературе (G. Seure. Nicopolis

исследован из этих городов Никополь, где неоднократно производились археологические раскопки (в 1900, 1905 и 1906 гг.). Несмотря на то, что город находился в центре боев с готами и был разрушен ими в 251 г.¹, развалины его все же дают представление об его облике². Город имел форму прямоугольника с двумя пересекающимися улицами. В восточной части форума найдено 19 надписей с посвящениями различным императорам; возможно, это было место, где собирался совет города. На юге форума — остатки театра, закрытой галлерей (θερμωπερίπατος), о которой говорит одна надпись. В другой части города обнаружен портик. Об архитектурном богатстве Никополя свидетельствуют и монеты. На одной из них — изображение очень большого здания с колоннами, расположенными полукругом; на другой — несколько меньшее здание, но также дающее представление об обширности построек³ (рис. 17). Несколько монет изображают трофей. К. Реглинг считает, что это — изображение памятника, поставленного в Никополе в честь победы Траяна над даками. Город был украшен многочисленными статуями Гермеса и Афродиты⁴. Храмы на монетах Никополя представлены схематично: фронтон, покоящийся на двух, четырех или пяти колоннах, между колоннами — культовая статуя того божества, которому посвящен храм: Зевса, Сераписа, Артемиды, Асклепия, Конкордии⁵. При раскопках города обнаружен водопровод; акведук начинался около села Мусина, в четырех часах ходьбы от руин Никополя. Город был обнесен валом и городской стеной, которая имела четверо ворот (трое из них найдены при археологических раскопках, четвертые изображаются на монетах)⁶.

ad Istrum. «Rev. arch.», IX, 1907; Г. К а ц а р о в. Nicopolis в Р. Е.; А. Р e m e r s t e i n. Die Anfänge der Provinz Moesien), следует считать решенным: до С. Севера Nicopolis ad Istrum не принадлежал Мёзии, южная граница которой шла севернее хребта Балканских гор. Мы, однако, считаем нужным говорить об этом городе, так как та часть страны, на которой был основан Nicopolis, органически связана с Мёзией, имеет прямое отношение к истории Дуная, да, кроме того, позже и формально входила в состав Нижней Мёзии.

¹ A m m. M a r c., XXXI, 5, 16.

² Архитектор С. Бобчев в статье «Nicopolis ad Istrum» (ИБАИ, 1928/29) производит реконструкцию основных зданий города, чертежи которых выглядят чрезвычайно импозантно.

³ В. P i c k — К. R e g l i n g, табл. III, № 23 и 20.

⁴ В. P i c k — К. R e g l i n g, № № 1712, 1713, табл. XIX, № 26, стр. 345.

⁵ В. P i c k — К. R e g l i n g, табл. XX, № № 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26.

⁶ В. P i c k — К. R e g l i n g, № 2005. Об архитектуре Никополя, помимо указанной работы С. Бобчева, см. G. S e u r e. Nicopolis ad Istrum. «Rev. arch.», 1907; М. Б р ъ ч к о в а, Nicopolis ad Istrum (Никюпъ). «Годшеник на Народния музей», София, 1920.

Рис. 17. Медные монеты из Никополя на Истре и Марциополя с изображением храмов и зданий.

Надписи из Никополя на Истре пестрят именами восточного происхождения. Особенно много выходцев из Никеи; некоторые жители имеют двойной этникон: *Νεικαῖος καὶ Νεικοπολίτης*. Обилие азиатских культов и имена в никопольских надписях свидетельствует о том, что Траян поселил в Никополе (как, возможно, и в других основанных им городах) азиатских эмигрантов. Кроме них население Никополя составляли ветераны мёзийских легионов — I Италийского и V Македонского. Несомненно, в Никополе были и местные жители. Об этом свидетельствует фракийское кладбище около города. Фракийцев хоронили отдельно от римлян. В то время как римский некрополь расположен неподалеку от города (на северо-востоке его) и наряду с простыми стелами изобилует богатыми гробницами, фракийское кладбище отстоит значительно дальше от города и состоит в основном из очень бедных могил, содержащих чаще всего трупосожжение¹.

Город был организован по типу греческих городов: булэ, коллегия архонтов. Надписи свидетельствуют о римлянах-buleutae, судя по их именам — из числа римлян по происхождению, а не из романизованных фракийцев или греков². Однажды упоминается в качестве *buleuta* некий *Iustus Rescuporis*³; это доказывает, что члены местной знати во II в. н. э. играли активную роль в городском управлении.

Меньше сведений сохранилось у нас о Марцианополе — втором из основанных Траяном городов. Он лежал недалеко от Одесса, на том месте, где дорога, идущая от Анхиала (Поморие) через Балканские горы в Мёзию, расходилась в двух направлениях: в Дуростор и Одесс. Как и в Никополе, здесь население состояло из римлян, греков и фракийцев; надписи города сделаны на греческом, реже на латинском языке. Присутствие фракийцев засвидетельствовано надписью на рельефе в честь фракийского всадника из Марцианополя, поставленном человеком с фракийским именем (*[Α]ῦχατράλις Ῥουλίου*)⁴. Об административной организации этого города достоверных данных у нас нет. Однако история основания города и сходство его монет с монетами Никополя (оба города имеют на монетах имя правителя провинции) дают повод считать, что Марцианополь имел ту же административную структуру, что и Никополь. Только монеты дают нам возможность судить о множестве зданий и храмов, которые были выстроены в Марцианополе⁵ (рис. 17).

¹ G. Seure. Ук. соч., стр. 274.

² CIL, III, 12340; ИБАИ, 1930/31, стр. 247.

³ CIL, III, 14426.

⁴ B. Pick — K. Regling. стр. 184, примеч. 2.

⁵ Там же, табл. III, № № 13, 14, 16, 17; табл. XX, № № 15, 16, 21, 25; № № 687, 688, 689, 692, 693, 783, 784, 1165, 1191, 1192.

Как упоминалось, монеты двух основанных Траяном городов имеют одну особенность: они регулярно называют имена правителей провинции, никогда не встречающиеся на монетах остальных городов. Очевидно, разрешение чеканить монету вновь основанные города получали непосредственно от правителя провинции, а не от императора.

Это обстоятельство дает основание предполагать, что положение упомянутых городов было отлично от того, в котором находились греческие города Мёзии, что они, очевидно, принадлежали к другой правовой категории провинциальных римских городов.

Приведенные данные об истории Никополя и Марцианополя свидетельствуют якобы о расцвете городов Мёзии во II в. н. э. Однако вопрос о том, насколько материальное благополучие коснулось широких слоев мёзийского населения, отнюдь не должен решаться внешней помпезностью городов Мёзии. Расцвет такой страны, как Мёзия, не может быть определен лишь на основании подъема благосостояния богатых слоев единичных крупных городских центров провинций. Основное население страны, жившее в деревнях, селах и мелких поселках торгово-ремесленного типа, не было затронуто этой волной обогащения.

Канабы (*canabae*) — гражданские поселения, возникшие вокруг постоянных лагерей римских легионов, нередко служили поводом для дискуссий в исторической литературе¹. Исследователи, изучавшие вопрос о канабах, касались в основном их административной организации и правового положения.

Для истории Мёзии, как нам кажется, весьма существен вопрос о том, в каком отношении находились канабы к местным гетским и мёзийским поселениям. Исследователи этого вопроса ошибочно, на наш взгляд, исходят из того, что канабы возникают на пустом месте, с приходом легиона, основывающего постоянный лагерь; вокруг лагеря возникают *canabae*, которые затем разрастаются и получают права муниципия или колонии, являясь таким образом, по мнению этих исследо-

---

¹ В то время как Т. Моммзен (*Th. Mommsen. Die römischen Lagerstädte. «Gesam. Schriften», VI*) говорил об особой корпоративной организации канаб, О. Бон (*O. Bohn. Reimische Lagerstädte. «Germania», X, 1926*) подчеркивал гражданский характер канаб, считая их административную организацию сходной с той, которую мы застаем в селах. Несмотря на ряд работ, посвященных этому вопросу (кроме указанных выше — *Kornemann. De civibus Romanis in provinciis imperii consistentes. Berolini, 1891*; его же, статьи *Canabae* и *Consistere* в *R. E.*), исследователям не удалось окончательно решить этот вопрос, хотя в последнее время мнение Бона стало более популярным.

вателей, теми элементами, которые определяют местоположение и конституцию дунайских и других провинциальных городов.

Нам представляется, что не военные лагеря определяли место возникновения будущих городов Мёзии, а гетские и другие фракийские поселения, возникшие еще задолго до прихода римлян, в местах важных по стратегическому или торговому значению. В самом деле, канабы возникли в Мёзии около Дуростора и Трезмиса¹. Но, как известно, еще в начале I в. Овидий называет Трезмис гетским поселением²; что же касается Дуростора, то наиболее крупный знаток фракийской ономастики — В. Томашек считает название это фракийским³. Задолго до римлян возникло и поселение Эск: среди развалин этого города есть остатки доисторического поселения начала железной эпохи (X—VIII вв. до н. э.)⁴. Лагерные стоянки ускоряли рост тех местных поселений, около которых они располагались, притягивая к себе множество торговцев, ремесленников, конкубин. Местное поселение становилось центром, вокруг которого селились все эти люди, связанные так или иначе с лагерем. Население пополняли ветераны, остававшиеся после отставки в тех местах, где они служили. Таким образом, из канабы Дуростор ко времени правления Марка Аврелия возник муниципий Аврелия (*municipium Aurelium*)⁵. Муниципием же становится и Трезмис⁶. Третье фракийское поселение — Эск, долгое время служившее стоянкой римских легионов, после присоединения Дакии к Римской империи потеряло свое стратегическое значение и с уходом легиона в Дуростор получило право колонии⁷.

Следует особо подчеркнуть, что не только поселения, возникшие вокруг военных центров, разрастались и получали от римских властей признание городских общин⁸. Так, поселение, возникшее в Добрудже после победы Траяна над даками, —

---

¹ CIL, III, 7474: C. R. et consistentibus in canabis Aelis leg. XI Cl., CIL, III, 6166: «...veterani et cives R(omani) cons(istentes) ad canab(as) leg(ionis) V M(acedonicae)»; CIL, III, 6167, 6162.

² Ex Ponto, IV, 9, 79.

³ T o m a s c h e k. Die alten Thraker, II, 2, 73.

⁴ ИБАИ, 1938, стр. 391.

⁵ P â r v a n. Municipium Aurelium Durostorum. «Riv. di filol.», II, 1924, стр. 318.

⁶ CIL, III, 6170, 7504, 7508, 7560, 7599.

⁷ CIL, III, 753, 7429; ИБАИ, 1928/29, стр. 370.

⁸ Особенно подчеркивается значение военных элементов для развития Мёзии в книге E. G r e n, Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit (Uppsala, 1942), что отмечалось нами раньше, — см. ВДИ. 1947, № 2, стр. 129—132.

Трофей Траяна получает муниципальное право¹, хотя у нас нет никаких данных о том, что это поселение когда-либо было военным центром. То же можно сказать и о Romula (Добруджа), которая была во времена Марка Аврелия и Л. Вера муниципием², а в середине III в. колонией³.

С другой стороны, не все крупные стоянки легионов получали городское право: нет никаких известий о том, чтобы такой крупный военный центр, как Новы, имел право колонии или муниципия, хотя имеется множество надписей из этого места, относящихся к интересующей нас эпохе. Характерно, что и на верхнем Дунае два лагеря — *Gastra Regina* и *Lauriacum*, судя по их чисто римским названиям основанные римлянами вне связи с местными поселениями, тоже не получили городского права или, по меньшей мере, свидетельства об этом отсутствуют, так же как и о *Castra* в Британии⁴.

Таким образом, не военные лагеря определяли место возникновения нижнедунайских городов, а главным образом те фракийские поселения, которые возникли еще задолго до прихода римлян в местах, важных в стратегическом и торговом отношениях.

Во времена Антонинов, особенно при Траяне, римляне усиленно строили в Мёзии новые дороги и чинили старые. Эта работа в основном проводилась воинскими соединениями, однако привлекалось и местное население⁵. Дорога вдоль берега Дуная, которую приводили в порядок солдаты уже во времена Тиберия⁶, при Траяне была продолжена до моря (она кончалась у Томи) и расширена (Траян сломал скалы, сужавшие проход)⁷. Этот путь связывал Мёзию с западными провинциями и Римом. Важнейшей из пересекающих ее дорог была та, которая шла от Эска через Балканские горы и, следуя далее на юг, достигала Филиппополя⁸. Этот путь был главным сообщением между Мёзией и Фракией через Балканский хребет.

Благодаря находке фрагмента карты из Дура-Европос, представляющей собой итинерарий, составленный для когорты XX *Palmyrenorum*, можно получить представление о пути, идущем от реки Панис, около Одесса, через Каллатис, Томи,

¹ АЕМ, XIX, стр. 86—87, № 23: *Aelio Antonio Firmo duumvirali municipii Tropaeensium*.

² CIL, III, 753; АЕМ, XIV, стр. 10, № 1.

³ АЕМ, XI, стр. 20, № 1.

⁴ Th. Mommsen. Die römischen Lagerstädte. «Gesam. Schriften», VI, стр. 201—202.

⁵ Pârvan. Ulmetum II, 2, стр. 395.

⁶ CIL, III, 1698.

⁷ CIL, III, 1699; K. Miller, *Itineraria Romana*. Stuttgart, 1916, карты 154, 155, 156.

⁸ K. Miller. Ук. соч., карта 188.

Истрию, пересекающем Дунай и следующем через Тиру, Херсонес Таврический и Трапезунд в Артаксату¹.

Малую Скифию пересекали три дороги, идущие с юга на север. Первая из них соединяла все пункты этой части провинции, расположенные на Дунае (Durostorum, Axiopolis, Troesmis, Arubium, Noviodunum, Aegysus)². Вторая дорога шла через западнопонтийские города Мёзии (Odessos, Callatis, Tomi, Istros), а также на юг — в Мессембрию, Аполлонию и Византий³. Третья дорога пересекала Малую Скифию с севера на юг, в середине ее (через Odessos, Abrittus, Tropaeum Trajani в Aegysos)⁴.

Порядку на дорогах придавалось большое значение. Надписи бенефициариев встречаются по всей Мёзии⁵. На развилинах и перекрестках дорог (trivium и quadrivium) были построены станции для отдыха путников (mutationes и mansiones)⁶.

Отстраивая и расширяя дороги, римляне использовали и соединяли воедино те пути, которые были проложены в Мёзии и Фракии задолго до их прихода аборигенами этих стран. Так, путь по западному побережью Черного моря был широко известен в классическое и эллинистическое время, когда по нему шла торговля между гетскими племенами и греческими полисами; этот путь, возможно, использовали скифы во время своих вторжений в VII—IV вв. до н. э., Филипп и Александр Македонский, а позже — Биребиста. Путь по Дунаю был древним межплеменным путем, соединяющим территории гетов, мезийцев, требаллов и других фракийских племен, который использовался для обмена между ними, а в доримское время — римскими купцами, привозившими товары из Рима.

История возникновения и развития городов и путей в Мёзии свидетельствует о порочности распространенного взгляда на римскую военную оккупацию придунайских областей как на основную причину экономического прогресса этих стран. Стоянки римских легионов и передвижения римских войск в отдельных случаях могли способствовать развитию того или иного центра, того или иного торгового пути, но не они были определяющим фактором экономического развития Мёзии.

¹ F. Cumont. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes. «Syria», VI, 1925.

² K. Miller. Ук. соч., карта 157.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ CIL, III, 14529: beneficiarius consularis; 14214: praefectus vehiculorum; G. Florescu, «Dacia», III—IV, стр. 505; CIL, III, 6178, 7505, 7506, 7550. Pârvan. Histria IV, стр. 668.

⁶ Об организациях дорог см. R. E., Via. Дороги Мёзии исключения, видимо, не составляли.

Развитие это было подготовлено всей предыдущей историей племен Мёзии и шло по своим внутренним законам. Сами завоеватели-римляне должны были при создании своих лагерных стоянок или военных дорог считаться со сложившимися уже особенностями экономики того или другого района.

4. Административная система Мёзии. Сбор налогов

Ко времени Антонинов римляне изменили административную систему в Мёзии: племенная организация, которую они сохранили в I в., была заменена системой римского провинциального управления.

Столицей провинции Нижней Мёзии был Трезмис; здесь собирался провинциальный совет (*consilium* или *conventus*) и жил *sacerdos provinciae*¹; здесь же, вероятно, находилась резиденция правителя провинции.

Муниципии Мёзии управлялись двумя магистратами, избранными на пять лет², эдилами и квесторами³.

Основное население провинции жило в сельских местностях, деревнях и селах (*vici*, *pagi*). Организация сельского управления известна нам из надписей, найденных в селах Малой Скифии: *Celeris*, *Ulmetum*, *Secundini*, *Quintionis* и *Cassianus*⁴. Здесь с середины II в. мы застаем ветеранов, невоенных римских граждан и фракийцев (бессов и лаев), живущих совместно. Постоянство, с которым надписи упоминают об этнической принадлежности лиц, поставивших памятник («ветераны, римские граждане и бессы» или: «...и лаи»), характеризует строгое разделение жителей по этническому принципу. Несмотря на то, что многие местные жители приняли римские имена (особенно силен этот процесс был при Траяне и Адриане), никогда процесс романизации в Мёзии не заходил настолько глубоко, чтобы стерлась грань между римлянами по происхождению, с одной стороны, и гетами, даками, бессами и другими фракийцами — с другой. Как свидетельствуют нижеприводимые, надписи из Малой Скифии, римская административная система вынуждена была считаться с исторически сложившейся обстановкой.

Административной единицей провинции было село (*vicus*), которое управлялось двумя магистратами (*magistrus*, *magi-*

¹ CIL, III, 6170, 7506.

² АЕМ, XIX, стр. 86—87, № 23: *duumvir*; CIL, III, 6170: *bis duumviralis*; CIL, III, 14214, 2; 14214,6; 12405; 12473.

³ CIL, III, 6163, 6199, 7504, 7508, 7599, 14214, 2.

⁴ P â r v a n. Histria VII; е г о ж е. Ulmetum I, II, III; R. V u l p e. La Dobroudja, стр. 196—203.

stratus или *magistra*). Они выбирались из числа жителей, и на их обязанности лежало проведение в жизнь решений совета села (*ordo decurionum*). Магистраты имели в своем подчинении квестора (*quaestor*). Территория села была точно определена¹.

Любопытно, однако, отметить следующее. Каждая из шести надписей из *vicus Quintionis* (от 144, 149, 169, 175, 176 и 177 гг. н. э.) называет имена двух магистратов и одного квестора данного села², причем магистраты, управляющие селом в один и тот же год, обязательно были: один из числа фракийцев, другой — из числа римлян. Что же касается квесторов, то с 175 г. на этом посту ежегодно чередуются то римлянин, то фракиец. До 175 г., судя по именам, квесторами были только римляне.

Имена магистратов и квесторов по данным надписей из *vicus Quintionis*

Год (н. э.)	Имя магистрата	Имя квестора
144	{ Saturninus Bizienem	Terentius Maternus
149	{ Claudius Gaius Durisse Bithi	Servilius Primigenius
169	{ Julius Geminus Genicius Brini	Cocceius Firmus
175	{ Aelius Bellicus Mucatralus Doli	Dotu Zinebti
176	{ Tiberius Firmus Valerius Cutiunis	Flavius Secundus
177	{ Julius Florus Derzenus Biti	Frontonus Bu[r?t]sitsinis

Установить разницу в системе управления *vici* и *pagi* на основании имеющихся в нашем распоряжении памятников нам не удалось. Деревни и села образовывали нечто вроде округа, *territorium*, во главе которого стоял *quinquennalis*, выбранный или назначенный римскими властями на пять лет. Иногда,

¹ CIL, III, 12488, 12508: *fines terrae vici C[...] cass [...]*.

² P â r v a n. *Histria* VII, № 48—52; е г о ж е. «Dacia», II, 1925, № 18.

как это было в случае с Юлием Квадратом из Ульметума¹, *magister* одного из наиболее крупных сел одновременно был и *quinquennalis territorii*.

Следует отметить, что все эти надписи относятся к восточной части Нижней Мёзии. Данными об организации сельских местностей западных частей Нижней Мёзии мы не располагаем.

Таким образом, надписи из сел Малой Скифии свидетельствуют о том, что, установив новую, провинциальную форму административного управления, сменившую племенную организацию, римские власти должны были привлечь к участию в управлении наряду с римлянами, в определенной пропорции, и местное фракийское население.

Эти же надписи дают возможность проследить в Мёзии II в. н. э. различные категории свободного населения: с одной стороны — ветераны мёзийских легионов, фракийцы по происхождению, получившие римское гражданство; с другой — римляне по происхождению; наконец, с третьей — местное фракийское население, очевидно не римские граждане². Постоянно на протяжении нескольких десятков лет повторяющаяся в надписях формула «ветераны, римские граждане и бессы» (или: «... и лаи») позволяет утверждать, что за два века римского хозяйничания на нижнем Дунае не произошло слияния фракийцев и римлян: фракийцы продолжали составлять отдельную и самостоятельно державшуюся часть населения провинции. Далее, разделение в надписях римских граждан на «ветеранов» и остальных «римских граждан» указывает на то, что наделение правами римского гражданства, которое широко проводилось на Дунае с целью создать надежный для римской власти слой населения³, не стерло грани между римлянами по происхождению и местными жителями, получившими римское гражданство в результате прохождения военной службы. Вероятно, акт наделения правами римского гражданства не отражал существенных изменений в формах жизни населения и в большой степени носил формальный характер.

* * *

Введение провинциальной системы было непосредственным образом связано с усилением налогового гнета в Мёзии. Таможенные станции еще плотнее, чем в I в., были расставлены по всей территории Мёзии. Их можно найти около Дуро-

¹ H. Grégoire. La romanisation aux bouches du Danube. «Rev. belge», IV, 1925, стр. 601—602 (по Първану).

² Ср. Е. М. Штаерман. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы. ВДИ, 1946, № 2, стр. 85.

³ Н. А. Машкин. Из истории римского гражданства. «Изв. АН СССР. Серия истор. и филос.», 1945, № 5, т. I, стр. 371—372.

сторы¹, около Эска², в самом Эске³, в Никополе на Истре⁴, Альме⁵, Ратиарии⁶, в Орзове⁷, Томи⁸, Тире⁹, Капидаве¹⁰.

Римское правительство, как видно из приведенного выше перечня, устанавливало таможенные станции не только на границе, но и внутри самой страны. Большинство же таможен лежит в тех местах, где притоки рек впадают в Дунай: реки, очевидно, были излюбленной дорогой для торговцев.

До 182 г. в Мёзии таможенными сборами ведали откупщики¹¹. Надписи до этого года свидетельствуют о том, что рабы — служащие таможен (*vilici*) принадлежали руководителю таможенного округа (*conductor*)¹². Более же поздние надписи сообщают уже о рабах-виликах, принадлежащих императору¹³; очевидно, таможенными сборами теперь ведают императорские чиновники. С этого времени изменилось и наименование руководителя таможенного округа: вместо *conductor publici portorii Illyrici et ripae Thraciae* он называется теперь *procurator publici portorii Illyrici*. Очевидно, в конце правления Антонинов в территорию иллирийского таможенного округа была включена и *ripa Thraciae*.

Таможенный округ, в который входила Мёзия, охватывал ряд дунайских провинций. Так, Юлий Сатурнин, *conductor publici portorii Illyrici*, упоминается в надписях из Норика и Дакии¹⁴. Другой *conductor portorii publici Illyrici et ripae Thraciae* — Юлий Капитон — назван в надписях ряда дунайских провинций.

Трудно судить, в какой мере *conductor portorii Illyrici* или *procurator* были зависимы от правителя провинции. Можно сказать лишь, что таможенный округ возглавляли лица весьма влиятельные: надпись Юлия Капитона свидетельствует о том,

¹ AEM, XI, стр. 24, № 12: ...*vectig(alis) Illyrici vil(icus) stat(ionis) Duros[torii]*.

² AEM, III, стр. 41, № 2: M. Aurelio Commodo Antonino Aug(usto)... Aug(usti) Zoticus et Sal(vi)anus servi vi[l(ici)] posuerunt.

³ CIL, III, 753.

⁴ CIL, III, 751, 752.

⁵ CIL, III, 753.

⁶ CIL, III, 753.

⁷ CIL, III, 1568.

⁸ CIL, III, 753.

⁹ CIL, III, 781.

¹⁰ G. Florescu. «Dacia», III—IV, 1933, стр. 505.

¹¹ A. Domaszewski. Die Grenzen von Moesia Superior und der illyrische Grenzzoll. AEM, XIII, стр. 134; М. Ростовцев. История государственного откупа в Римской империи. СПб, 1899, стр. 82.

¹² CIL, III, 751, 752, 7434.

¹³ CIL, III, 7435.

¹⁴ CIL, III, 4237, 6199, 6409.

что ему были возданы всевозможные почести в Сирмии; что в Эске, где ему поставили памятник из меди, он был избран жрецом и дуумвиром; что в Петовии (Верхняя Паннония), Ратиарии и Сармицегетузе он был избран декурионом, а в Ромуле — дуумвиром¹. Надпись эта в равной мере свидетельствует как о большом влиянии главы провинциального таможенного управления, так и о зависимости, в которой находились все подвластные ему (в смысле таможенного обложения) территории.

Развитая сеть таможенных станций требовала немалого числа лиц, занятых взиманием пошлин и всякого рода регистрацией (*vilicus, librarius, conscriptor*). Служащие таможен приезжали с семьями, как, например, один *vilicus stationis Durostori*, который ставит надгробную надпись своей жене *Valeriae Irenae*². В надписях многочисленны упоминания о руководителях таможен — римлянах, носивших чисто римские или романизованные греческие имена³.

О сборе анноны (*annona*) — натуральных поставок — мы имеем свидетельства, начиная с похода Плавтия Сильвана. В начале правления Антонинов, как указывает папирус когорты I *Hispana veterum*⁴, сбор анноны проводился солдатами. Так называемая «пизосская» надпись тоже свидетельствует о сборе анноны (взноса на продовольствование города)⁵. Возможно, что в Мёзии земля была разделена по принципу плодородия на разряды, подобно тому как это было сделано в Паннонии, где в зависимости от плодородия земли взимался больший или меньший налог⁷.

Кое-что известно нам и о повинностях населения. В Ульметуме найдена надпись: [...*sec*]undum petr[am] et viam publicam], в которой, как справедливо указывает В. Пырван, речь идет об определении участка дороги, исправление которого являлось обязанностью жителей⁷.

В упомянутой пизосской надписи говорится об обязанностях населения по перевозкам (*ῥαγγῶρετον*). Эта же надпись указывает на то, что население несло службу в крепостях и башнях.

¹ CIL, III, 751.

² АЕМ, XIV, стр. 16—17, № 36.

³ CIL, III, 751, 752, 1647, 7434, 7435, 12363.

⁴ G. Cantacuzene. Un papyrus latin relatif à la défense du Bas Danube, стр. 68.

⁵ Dittenberger. Syll.³, 880=H. Dessau, Inscr. lat. sel., I, 766: πολιτικῆς σείτου.

⁶ J. Jung. Römer und Romanen in den Donauländern, Innsbruck, 1877, стр. 31.

⁷ Pârvan. Ulmetum II, 2, стр. 395.

Вероятно, в Мёзии выплачивался и *tributum capitis*.

Без того высокие нормы налогового обложения увеличивались вследствие лихоимства и произвола сборщиков государственных податей и магистратов. Об этом сообщает нам Капитолин в жизнеописании Антонина Пия¹.

Выше упоминалось о том, что наиболее богатая часть фракийского населения, владеющая землей и рабами, занимала административные посты в деревнях, селах и городах Мёзии. Очевидно, появляются даже целые семейства, из поколения в поколение занимающие административные посты. Они носят римские имена, ставят посвятельные надписи римским богам², пользуются дорогим привозным римским вооружением, бронзовой посудой, украшениями³. Это — наиболее романизованная и самая богатая прослойка фракийского населения. Она наряду с римскими администраторами была причастна к ограблению рядового населения страны и к тем злоупотреблениям, о которых говорит пизосская надпись; не случайно эта надпись вменяет в обязанность городским магистратам «вершить правосудие не с надменностью и насилием, а со справедливостью и кротостью». В стремлении городских общин иметь кондуктора или прокуратора таможенного округа в составе муниципального совета нельзя не усмотреть некоторого заискивания и лести: очевидно, от этого лица во многом зависело состояние финансов городов. «Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат» — так характеризует Энгельс римское господство в провинциях империи⁴.

5. Экономическое развитие и состав населения западнопонтийских городов во II в. н. э.

Покровительство римских властей греческим городам способствовало их обогащению и расцвету.

Проведенные в 1915 г. В. Пырваном археологические раскопки в Истрии свидетельствуют о существовании в городе

---

¹ SHA, Vita Ant. Pii, 6.

² Я. Т о д о р о в. Паганизъмът в Долна Мизия. София, 1928, стр. 281.

³ И. В е л к о в. Нови могиљни находки. ИБАИ, 1928/29, стр. 15—26 и 31—36.

⁴ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 153.

во времена Антонинов замечательных терм, палестры, базилики¹. Надписи из Томи указывают на то, что в городе были стадион, театр, цирк. Некоторые надписи говорят о строительстве во времена Антонина Пия различных публичных зданий², водопровода, канализации³. Основой хозяйственного уклада греческих полисов Мёзии остается рабовладение. Надписи сообщают нам о рабских содружествах и о рабских коллегиях в Томи и других городах⁴, о гладиаторах и гладиаторских играх⁵. Греческие города имели обширные экономические связи. В Томи мы находим οἶκος τῶν Ἀλεξανδρέων⁶ — очевидно, нечто вроде клуба александрийских купцов. Жители Гераклеи Понтийской ставят в Томи надпись в честь Марция Турбона, правителя Нижней Мёзии при Антонине Пие⁷. Здесь встречается купец из Византия, некто Aurelius Sozomenus Zotichus, и уроженец Неаполя Сирийского, который дважды удостоен звания понтарха, и некий Hermogenes из Кизика, и ольвиополит Ponticos⁸. В Истрии купец из Никомедии ставит алтарь в честь брата и отца⁹. Судовладельцы в Томи имели свою колледию: οἶκος τῶν ἐν Τόμει ναυκληρῶν¹⁰. Об объединении импортеров (εἰσαγωγεῖς) в Каллатисе говорит надпись, опубликованная Th. Sauciuc-Saveanu¹¹.

В римскую эпоху особенно окрепли связи западнопонтийских городов с городами северного берега Понта, в частности с Ольвией, о чем свидетельствует ряд надписей. Так, нам известна надгробная надпись ольвиополита Сатира, найденная в Томи¹². В другой надписи Томи, Истрия, Аполлония и прочие левопонтийские города чествуют своего «благодетеля» из Ольвии. Третья надпись из Ольвии в честь Теокла, сына Сатира¹³, еще более определенно очерчивает круг торговых связей Ольвии, причем купцы из западнопонтийских городов (Томи,

¹ R. Vulpe. La Dobroudja, стр. 213.

² IGRR, I, 608; V. Pârvan. Histria IV, стр. 612—617; Histria VII, стр. 60; е го же. «Dacia», II, 1925, стр. 212.

³ CIL, III, 762; R. Vulpe. La Dobroudja, стр. 213.

⁴ Хр. Данов. Към историята на рабството в древна Тракия, «Истор. преглед», 1949, кн. 3—4, стр. 417.

⁵ R. Vulpe. La Dobroudja, Bucarest, 1938, стр. 213, прим. 3, 4, 5.

⁶ IGRR, I, 604.

⁷ IGRR, I, 622.

⁸ AEM, XIII, стр. 18, № 50.

⁹ AEM, VIII, стр. 23, № 62.

¹⁰ AEM, VIII, стр. 223.

¹¹ «Dacia», III—IV, стр. 423. Перечисленные надписи собраны в книге R. Vulpe. La Dobroudja, стр. 208—211.

¹² AEM, VIII, стр. 18, № 50.

¹³ IPE, I², 40.

Истрии, Одесса и Каллатиса) играют в надписи роль постоянных клиентов. В отношении датировки последней надписи были различные мнения, однако В. В. Латышев настаивает на II в. н. э.

Ко времени Антонинов относится большинство надписей, свидетельствующих о существовании союза пяти (πεντάπολις) или шести (ἑξάπολις) западнопонтийских городов. По вопросу о том, какие из городов входили в состав этого союза, написано много работ, авторы которых пытаются определить состав городов союза на основании надписей, где несколько городов совместно чествуют какого-либо заслуженного человека. Однако, как верно указал Б. Пик¹, такие коллективные посвящения городов не могут служить доказательством их участия в союзе, так как для чествования тех или иных лиц города объединяются более или менее произвольно, случайно, часто лишь для данного случая².

Поэтому, как нам кажется, имеющиеся в нашем распоряжении надписи не дают возможности окончательно определить состав Западнопонтийского союза городов.

Возможно, для определения городов, входивших в состав союза, следует обратиться к упоминавшемуся уже обычаю некоторых городов западного Понта ставить на своих монетах знаки, обозначающие ценность монет. Эта особенность в чеканке встречается в следующих городах западного Понта: в Томи³, Каллатисе⁴, Одессе⁵, Истрии⁶, Дионисополе и Тире⁷. Не является ли она признаком объединения в единый союз городов?

Со времени Антонина Пия на монетах Томи появляется надпись Μητροπόλεως Πόντου; при Марке Аврелии и Филиппе монеты этого города, за небольшим исключением, имеют надпись Μητροπόλεως Πόντου Τόμης⁸. Здесь же, в Томи, находят большинство надписей, относящихся к Западнопонтийскому союзу городов. Таким образом, столицей союза во II—III вв. н. э. был город Томи, в то время как до Антонина Пия об этом можно говорить лишь предположительно⁹. Глава союза

¹ В. Pick — К. Regling, стр. 70.

² Например, IPE, I², 40. Жители Одесса, Томи, Истрии, Каллатиса вместе с 15 другими городами чествуют Теокла, сына Сатира, и награждают его золотым венком.

³ В. Pick — К. Regling, стр. 615.

⁴ Там же, стр. 95.

⁵ Там же, стр. 526.

⁶ Там же, стр. 155.

⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 117.

⁸ В. Pick — К. Regling, стр. 70.

⁹ Пик считает, что до Антонина Пия столицей союза был Одесс (стр. 70). Однако это предположение очень слабо аргументировано.

назывался ἄρχων в I и начале II в.; во II и III вв. он назывался παντάρχης или ποντάρχης τῆς Ἐξάπολεως. Очевидно, понтарх выбирался среди первых магистратов, входящих в κοινόν городов; нам известны понтархи, происходящие из Томи¹, Каллатиса², Одесса³. Должность понтарха, возможно, была пожизненной, так как в конце надгробных надписей для обозначения окончивших службу иногда прибавляли: ἄρξας τῆς Ἐξάπολεως или ἄρξας τοῦ κοινοῦ τῶν Ἑλλήνων. Часто сыновья понтархов наследовали должность отцов. Так, из семи известных нам руководителей Западнопонтийского союза, двое были сыновьями понтархов⁴. В этом нельзя не усмотреть того процесса выделения знатных семей и сосредоточения в их руках руководства греческими городами, о котором здесь говорилось уже раньше.

Таким образом, ко II в. оформилась организация союза. Укрепление пентаполя (позже гексаполя) следует поставить в связь с экономическим подъемом и расширением торговых связей, которые наблюдаются в городах западного Понта во II в.

Внутреннее устройство греческих городов остается тем же, что и в предыдущее время: они имеют греческую систему управления, называются πόλις (в переводе на официальный латинский язык — civitas, res publica⁵), имеют свою территорию, собственный совет — βουλή (ordo)⁶.

Эта греческая система организации западнопонтийских городов составляет резкий контраст с римской организацией непосредственно вблизи их находящихся *vici* и *pagi*. Должности *magistri* и *quaestores* сельских местностей производят впечатление магистратур, не зависящих от городской администрации: они избираются своими согражданами, и нам неизвестно ни одной надписи, которая бы свидетельствовала о зависимости между магистратами деревень и административными лицами греческих городов. Различие между греческой и римской системами управления соответствовало языковому различию между прибрежными городами и селами Малой Скифии: в то время как надписи из греческих городов, за исключением официаль-

¹ IGRR, I, 630—635.

² IGRR, I, 651.

³ IGRR, I, 658, 660.

⁴ Один — Т. Φλάριος Ποσειδώνιος ποντάρχης, сын Φαίδρος ποντάρχης при Траяне или Адриане (J. Marquardt. Staatsverwaltung, I², стр. 305, примеч. 7); другой — Αἰρ. Πρέισκιος Ἀννιανός ποντάρχης, сын Αἰρ. Πρέισκιος Ἰσίδωρος ποντάρχης (B. Pick — K. Regling, стр. 73).

⁵ V. Pârvan. Histria IV, стр. 612: Histranorum civitas; CIL, III, 14450: civitas Tomitanorum; CIL, III, 7537, 7539, 12493: res publica Tomitanorum; CIL, III, 769: civitas Callatianorum.

⁶ CIL, III, 765: ordo populusque Tomitanorum.

ных декретов, преимущественно написаны на греческом языке, надписи сел и деревень — почти всегда на латинском.

О составе населения греческих городов во II в. дает нам представление надпись, содержащая постановление совета и народа Тиры (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος) в честь Коккея¹. В ней названы четыре архонта и еще 17 человек, очевидно свидетелей из числа наиболее влиятельных граждан. Большинство из них — люди с чисто греческими именами (15 из 21). Число имен романизированных греков составляет четвертую часть имен, перечисленных в этом списке. Очевидно, список составлен по нисходящей линии — от наиболее влиятельных граждан Тиры (ἄρχων, ἐισηγητής) к менее влиятельным. Если это так, то следует отметить, что первыми идут имена греков — римских граждан (Τιβέριος Κλαύδιος Ἀντ[ισθένης], Σεπτύμιος Ἰεροσῶντος и др.). Два из четырех архонтов тоже имеют греко-римские имена. Далее перечисляются лица с чисто греческими именами. Возможно, что романофильская и романизованная часть греческого населения играла ведущую роль в западнопонтийских городах.

О том, что римляне во II в. имели большой вес в руководящих учреждениях греческих городов Мёзии, свидетельствует ряд надписей: надпись Ульпия Лонгина показывает, что он был ex dec(ur)ione vet(erano), bul(eutae) Tomitan(or)um²; в упомянутой надписи в честь Коккея секретарем булэ является римлянин Валерий Руф; надписи из Малой Скифии, как указывалось выше, сообщают о булевтах — ветеранах легионов; архонтом-эпонимом в Тире в 201 г. был римлянин П. Элий Кальпурний и т. п.

Каждый из греческих городов имел назначенного римлянами чиновника (λογιστής, *curator rei publicae*), который контролировал финансы города. Однако и здесь римляне стремились проявить максимальную уступчивость: λογιστής назначался из числа знатных и уважаемых жителей города — греков. Так, в Истрии эту должность занимает некий понтарх, имевший большие заслуги перед городом, выразившиеся в очистке порта и в урегулировании финансов³. Подобный же чиновник известен нам и в Каллатисе⁴. К сожалению, надписи не дают возможности судить о том, сохранялась ли и во II в. должность *praefectus orae maritimae*. Из 21 имени, упомянутых в надписи в честь Коккея, нам не удалось отметить ни одного фракийского. Другие официальные декреты западнопонтийских

¹ IPE, I², 2.

² CIL, III, 770.

³ P â t r a n. Histria IV, № 28, стр. 626.

⁴ IGRR, III, 581.

городов тоже не упоминают фракийцев в числе влиятельных граждан. Очевидно, они не играли сколько-нибудь значительной роли в политической жизни греческих городов Мёзии, хотя некоторые из них обладали большим состоянием¹.

Ряд надписей указывает на то, что легаты Нижней Мёзии контролировали общественные учреждения в Томи, Одессе и других греческих городах². Поэтому в городах западного Понта правителям Нижней Мёзии посвящают алтари и памятники³, их чествуют официальные лица⁴. В Томи стояла часть нижнемёзийского войска⁵.

Таким образом, римляне сочли нужным оставить в греческих городах старую систему их организации, но включили их в состав провинции и поставили под контроль римских чиновников. Считаясь со старыми традициями греческих городов, римляне проводили здесь провинциальный режим с наибольшей мягкостью.

Как и раньше, во времена Юлиев — Клавдиев, римляне предоставляли льготы по таможенному обложению прибрежным греческим городам, в которых они продолжали видеть опору и поддержку. В этом отношении весьма показательна надпись из села Коротного (около Тиры)⁶. Она состоит из трех писем, фиксация которых на камне казалась тиритам надежной охраной их привилегий. В двух первых письмах император Септимий Север подтверждает свободу тиритов от пошлин. Одно из этих писем послано Тертулли (L. Ovinus Tertullus) — легату Нижней Мёзии во времена Септимия Севера и Каракаллы⁷, другое — некоему Гераклиту, очевидно служащему *protectori publici Illyricae*. Документ датирован 145 г. эры города Тиры, что соответствует 201 г. н. э., и не мог бы быть использован в настоящей работе, если бы в письме к Гераклиту не сообщалось, что льгота тиритам дается на основании «грамоты родителя нашего, божественного Антонина *divi Antonini parentis nostri litteras*» (речь идет здесь об Антонине Пие).

Еще в римскую эпоху в западнопонтийских городах существовали филы. В Томи известны филы *Οἰωνοτεῖς*, *Αἰγυχορεῖς*, *Ἀρχαδεῖς*

¹ Например, фракиец Муса... из Томи, о котором говорилось в другой связи, или *Μήτοχος Ταρρούλου* из Аполлонии.

² Например, CIL, III, 762 (Odessos): *Imp. Caesare T. Aelio Hadriano Antonino Aug. Pio, p. p. civitas Odessitanorum aquam novo ductu adduxit curante T. Vitrasio Pollione leg. Aug. pr. pr.*; CIL, III, 7537 (To-mi): *Imp. Caesari... Traiano... respublica Tomit. P. Roscio Murena Coelio Po[mp] Falcone leg. Aug. pr. pr.* или CIL, III, 7539, 7540 из Томи.

³ CIL, III, 7529 (To-mi), 7586 (Callatis).

⁴ CIL, III, 767, 6154; AEM, XVII, стр. 89, № 15.

⁵ CIL, III, 7548.

⁶ CIL, 781 = IPE, I², № 4.

⁷ V. V. Latischev. IPE, I², стр. 12.

и "Ὀπλαίτας¹, а в Истрии — Ἀρχαδεῖς и Αἰγικореῖς². Во главе филы стояли ἐπίσκοποι, подготовлявшие дела и устраивавшие священнодействия. Ἐπίσκοποι избирались на один год и выполняли религиозные функции³. Каждая из фил имела свой οἶκος⁴.

Большую роль в организации всевозможных ритуальных игр, жертвоприношений и празднеств в греческих городах играла герусия⁵. Две надписи, одна из которых относится к концу I — началу II в.⁶, а другая — к 138 г. н. э.⁷, дают представление о составе герусии Истрии.

Состав герусии Истрии

Конец I—начало II в. н. э.			Середина II в. н. э.		
Этнический состав	Число лиц	% к общему числу членов	Этнический состав	Число лиц	% к общему числу членов
Греки	19	59,4	Греки	128	81,6
Римляне	4	12,5	Римляне	12	7,6
Романизованные греки	8	25	Романизованные греки	17	10,8
Фракийцы	1	3,1	Фракийцы	—	0

Основное ядро герусии составляли люди с чисто греческими именами как в I, так и во II в. Римское завоевание мало изменило состав истрийской герусии. Следует отметить почти полное отсутствие фракийских имен в списке геронтов. Хотя это явление не может служить бесспорным доказательством отсутствия фракийцев в герусии (они могли иметь римские или греческие имена), мы все же берем на себя смелость утверждать,

¹ P â r v a n. Une nouvelle inscription de Tomi. «Dacia», I, 1924, стр. 274—275.

² АЕМ, XVII, стр. 88, № 12.

³ Хр. Д а н о в. Западнят бряг на Черно море в древността. София, 1947, стр. 63.

⁴ P â r v a n. Une nouvelle inscription de Tomi. «Dacia», I, 1924, стр. 274.

⁵ Об основных функциях герусии дает возможность судить надпись из Каллатиса, поставленная в честь Аполлония (V. P â r v a n. Gerusia din Callatis. «Anal. Acad. Române, Memor. sect. istorice», т. XXXIX, стр. 87).

⁶ P â r v a n. Histria VII, № 38.

⁷ P â r v a n. Histria IV, № 20.

что люди фракийского происхождения в герусии Истрии (и, возможно, в других греческих западнопонтйских городах) не играли какой-либо роли, а если и допускались туда, то лишь в тех случаях, когда они были уже давно эллинизованы и выступали отнюдь не как представители местного фракийского населения.

6. Состав армии Мёзии и ее роль в экономическом развитии провинции

Мёзийская армия, состоявшая обычно из трех (реже из двух) легионов, множества вспомогательных войск и флота Мёзии, составляла большую часть населения провинции и играла значительную роль в ее экономике и истории.

По подсчету А. Домашевского¹, римский легион во II в. состоял из 5600 человек; таким образом, три мёзийских легиона составляли 16—17 тыс. человек. Установить число солдат вспомогательных войск в Нижней Мёзии чрезвычайно трудно; однако если доверять подсчету Г. Шисмэна², то вспомогательные войска Нижней Мёзии во времена Антонина Пия составляли 7000 человек (2500 всадников ал, 250 человек из «конной пехоты» из *cohortes equitatae*, 4250 человек пеших когорт). Итого военные в Нижней Мёзии составляли 23—24 тыс. человек. Сюда надо прибавить еще матросов, число которых нам не известно. Помимо этого, нельзя не учесть, что Мёзия время от времени становилась местом действия воинских подразделений других провинций и преторианцев. Так, когда в конце 123 — начале 124 г., во время своего путешествия, Адриан был в Мёзии (в дунайских странах он пробыл год), его сопровождали преторианцы. В 117 г., когда на Мёзию напали роксоланы, мёзийская армия получила подкрепление из других провинций. Дополнительные силы появились в Мёзии и во время маркоманских войн Марка Аврелия.

Вопрос о расходах на содержание армии имеет немалое значение для истории экономического развития Мёзии. Жалование легионеров в Римской империи возрастало из года в год: 225 денариев при Августе, 300 — при Домициане, 375 — при Коммодe. Из каких источников оплачивалась служба мёзийских солдат? Как указал Р. Канья для Африки, доходы с императорских провинций не поступали в Рим, а распреде-

¹ Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn, 1908, стр. 28; J. K r o m a j e r und G. V e i t h. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. Münch., 1928, стр. 492.

² G. C h e e s m a n. The auxilia of the Roman imperial army. Oxford, 1914, стр. 156.

лялись тут же¹. Естественно, и в Мёзии одним из источников выплаты жалования солдатам служили налоги, собираемые в этой провинции. Весьма вероятно, что при всей строгости и беспощадности сбора налогов в Мёзии их все же нехватало для содержания огромной мёзийской армии и соседние провинции восполняли недостачу.

Не менее обременительной, чем выплата денежного вознаграждения солдатам, была аннона — натуральные поставки населения. Только со времени Септимия Севера снабжение армии было вменено в обязанность фиску и более или менее урегулировано.

В исследуемый период армия покрывала потребность в хлебе, мясе, фураже за счет самовольных реквизиций в той провинции, где она стояла. Об этом достаточно убедительно говорит папирус когорты I Hispanorum Veterana, опубликованный Г. Кантакузэном в 1928 г.² Строка 67 сообщает: «Item trans ad annonam r.... endam». Лакуна из четырех букв может быть восстановлена, по мнению издателя: r[epet]endam или r[eposc]endam. Эта строка сообщает о том, что определенное число солдат было отправлено за Дунай, чтобы потребовать и собрать у местных племен аннону, предназначенную для содержания воинских частей.

Надписи, говорящие об аренде солдатами дунайской армии участков земли, относятся к более позднему времени³. Таким образом, содержание армии, ее оплата лежали тяжелым бременем на населении Мёзии.

В западноевропейской и буржуазной румынской литературе установилось мнение о том, что та часть фракийского населения Мёзии и особенно Дакии, которая не была истреблена, подверглась глубокой романизации. (При этом смешивается воедино вопрос о романизации фракийского населения с вопросом о романизации фракийской территории, что, на наш взгляд, является ошибочным, ибо заселение Мёзии римскими колонистами еще не означает романизации фракийцев.) В основе этого утверждения лежит то обстоятельство, что фракийцы, как и члены других племен Римской империи, служили в римском войске и через римских солдат-однополчан воспринимали римскую культуру.

Нам представляется, что это утверждение неверно по двум причинам. Во-первых, этнический состав мёзийской армии во II в. коренным образом изменился: мёзийская армия

¹ R. Cagnat. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs, Paris, 1892, стр. 339.

² G. Cantacuzene. Un papyrus latin relatif à la défense du Bas Danube.

³ Наиболее характерная в этом отношении надпись («Ann. ép.» 1900, № 196) относится к середине III в.

набиралась главным образом из местных жителей, а не из римлян. Во-вторых, набор в мёзийские легионы проводился в основном среди жителей городов Мёзии; сельские территории были им затронуты значительно меньше.

Этнический состав мёзийской армии со времени Адриана начал постепенно меняться. Это явление связано с военной реформой Адриана, заключавшейся в том, что легионы, некогда состоявшие из граждан Рима и Италии, теперь пополнялись из числа жителей той провинции, которая являлась постоянным местом их стоянки.

Результаты реформы Адриана стали заметны в Мёзии после смерти этого императора, лишь в конце правления Антонинов. Действительно, нам известны три списка солдат и ветеранов, служивших или отслуживших свой срок в легионах Мёзии. Разбирая списки в хронологическом порядке, следует назвать сначала список ветеранов V Македонского легиона от 134 г.¹, содержащий 125 имен. Как уже было отмечено Е. М. Штаерман², все имена в этом списке чисто римские. Очевидно, военная реформа Адриана в 30-х годах II в. еще мало изменила состав войска.

Второй документ, дающий возможность судить о составе мёзийского войска, — список солдат вексиларий XI Клавдиева легиона от 155 г.³, содержащий 72 имени. 33 солдата имеют недавнее римское гражданство⁴, многие из них являются сыновьями ветеранов когорт, получивших римское гражданство после отставки при Траяне и Адриане. Немалую часть солдат этого легиона составляют Aurelii, получившие гражданство во время Антонина Пия. Остальные 38 имен — все еще чисто римские.

Третий список перечисляет солдат VII Клавдиева легиона из Верхней Мёзии, принятых в 169 г. и отпущенных из легиона в 195 г.⁵. Почти все солдаты, перечисленные в этом списке, имеют недавнее гражданство (Ulprii, Cosceii, Aelii, Aurelii). Характерно появление фракийских *cognomen* (Musso, Suria).

Фракийский характер мёзийской армии сказался и в том, что на Ай-Тодоре, в Крыму, где стояли отряды I Италийского легиона, а затем XI Клавдиева, во II в. было построено святилище фракийских богов⁶. Несколько надписей II в.

¹ CIL, III, 6178.

² Е. М. Штаерман. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. ВДИ, 1946, № 3, стр. 257.

³ CIL, III, 7449.

⁴ Flavii — 8 человек, Cosceius — 1, Ulpus — 1, Aelii — 8, Aurelii — 15 человек.

⁵ «Ann. ép.», 1901, № 13.

⁶ М. И. Ростовцев. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 35—36.

говорит о солдатах легионов, носящих только фракийские имена¹.

Во второй половине II в. армия Мёзии набирается в основном из местных элементов. Следует обратить внимание на то, что набор шел главным образом в городских центрах Мёзии. Список солдат VII Клавдиева легиона называет 130 человек и указывает место их происхождения: 100 человек происходят из городов Мёзии (Romula, Scupi, Ratiaria и др.), шесть — из Дакии, восемь — из Далмации. Необходимо отметить также еще одно, на наш взгляд важное, обстоятельство. Как известно, император Септимий Север в 193 г. распустил италийскую преторианскую гвардию и начал набирать преторианцев большей частью из жителей придунайских областей. Надписи преторианцев, найденные во множестве в Риме, подтверждают эти известия античных авторов: со времени Септимия Севера преторианцы вербуются преимущественно из Паннонии, Норика, Дакии. Жители Мёзии в этом роде римских войск, где естественнее всего искать людей в известной мере романизованных, представлены чрезвычайно слабо. Кроме того, преторианцы — уроженцы Мёзии — происходят, как правило, не из сельских местностей, а из крупных лагерных центров: из Виминация — один человек², из Дуростора — три³, из Эска — шесть⁴, из Ратиарии — шесть⁵. Исключение из общего правила составляет надпись, сообщающая о солдате 10-й преторианской когорты: «*Natione mesacus civis Meletinus vico Perepro*»⁶. Однако надпись эта была поставлена, вероятно, уже после Диоклетиана, так как она найдена рядом с другой, говорящей о 10-й же преторианской когорте⁷ и упоминающей ланциариев — род войск, созданный Диоклетианом.

Повидимому, указанное выше обстоятельство свидетельствует о том, что римская культура и влияние не проникали дальше крупных городов, сельские же местности были затронуты ими значительно меньше.

7. Расширение границ провинции Нижней Мёзии

В конце правления Антонинов к Мёзии был окончательно присоединен город Тира. В предыдущей главе нам уже

¹ CIL, III, 6189; АЕМ, XVII, стр. 185, № 36; ИБАИ, 1930/31, стр. 303; ИБАД, 1911, стр. 182.

² CIL, VI, 2525.

³ CIL, VI, 2385.

⁴ CIL, VI, 2385 и 2760.

⁵ CIL, VI, 2385.

⁶ CIL, VI, 2736.

⁷ CIL, VI, 2759.

приходилось отмечать, что, находясь со времени правления Нерона в сфере римского влияния, Тира все же не входила в состав провинции Мёзии. Такое положение продолжалось еще и после Траяна: папирус, говорящий о деятельности когорты I *Hispanorum Veterana*, обозначает Тиру как город, лежащий вне провинции (*extra provinciam*)¹. Однако, как показывает тот же документ, в Тире были расположены гарнизоны, откомандированные от мёзийской армии. Не позже правления Антонина Пия Тира вошла в состав провинции Нижней Мёзии: об этом свидетельствует надпись, поставленная тиритами в 201 г. по случаю освобождения их императорами Септимием Севером и Каракаллой от таможенных сборов и упоминающая, что эта привилегия дается на основании *divi Antonini parentis nostri litteras*². Совершенно очевидно, что уже во времена Антонина Пия здесь находилась таможенная станция. Таким образом, указанная надпись — первое эпиграфическое упоминание о Тире в составе провинции Мёзии. Кроме того, монеты Тиры времени Антонина Пия резко отличаются от монет этого города при Адриане: изображенный на них Геракл носит черты портретного сходства с Антонином Пием; сам же Геракл, который на более ранних монетах изображался лишь с палицей, теперь представлен с яблоками Гесперид, «залогом счастья во всем мире, мотивом, излюбленным в официальном искусстве императорского времени... Мы имеем здесь дело не с игравшим третьестепенную роль Гераклом местного культа, а с тем, который именовался *Hercules Augustus* (или *Romanus*), т. е. героизированным и обожествленным в образе Геракла римским императором»³.

Тира лежала на древнем пути, связывающем Мёзию с Крымом (как об этом свидетельствует карта этапов когорты XX *Palmyrenorum Equitata Sagittariorum*, найденная в городе Дура-Европос⁴), и окончательная ее аннексия имела самую непосредственную связь с теми взаимоотношениями, которые существовали между Херсонесом, Ольвией и Римом. С 134 г. н. э. в Херсонесе прекращается чеканка монет с указанием года херсонесской эры⁵. Приблизительно к этому же времени относится надпись о заслугах Аристона, сына Аттины⁶, в числе

¹ G. Cantacuzene, Ук. соч., стр. 69.

² IRE, I², № 4=CIL, III, 781.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 116.

⁴ F. Cumont. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes. «Syria», VI, 1925.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса. ЗООИД, XVI, стр. 66; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 155.

⁶ В. Юргевич. Древнегреческая надпись, найденная в Херсонесе в 1881 г. ЗООИД, XIII, стр. 1—7.

которых указывается прежде всего ходатайство об элевтерии для города перед императором Антонином Пием (надпись относится ко времени Рёметалка Боспорского, т. е. 131—153 гг.). Таким образом, хорошо согласуются данные нумизматики и эпиграфики: потеря Херсонесом самостоятельности и присоединение его к Римской империи должны быть отнесены к периоду правления Антонина Пия. Повидимому, ходатайство Аристона не имело успеха, и Херсонес не получил элевтерии, под которой надо понимать свободу в римском смысле, т. е. право *civitates liberae*, как замечает А. Л. Бертье-Делагард, с которым соглашается и В. В. Латышев¹. Неудача Аристона вызвала вторичное посольство: Гераклея, «прародительский город», отправила к Антонину Пию посольство, «чтобы всячески молить за Херсонес». На этот раз удалось добиться утвердительного ответа императора; о «милостиво дарованных благодеяниях» херсонесцы были извещены через знатных гераклеотов. В соответствии с этим и монеты указывают на то, что элевтерия была у города уже в середине II в.² Весьма возможно, что получение Херсонесом от Рима «свободы» связывалось с появлением там римского гарнизона³. Во всяком случае ко II в. относятся надписи, свидетельствующие о пребывании в Херсонесе римских легионеров из I Италийского легиона и солдат I Киликийской когорты из Мёзии⁴. Ряд клейм XI Клавдиева легиона, найденных в Херсонесе, указывает на присутствие здесь и этого мёзийского легиона. Об этом же свидетельствуют и надписи⁵. Как указывает надпись в честь Коммода и Флавия Сергиана Сосиба (трибуна I Италийского легиона), командиром римских воинских подразделений, стоявших в Крыму, был трибун мёзийского войска, живший в Херсонесе, городе, который во II в. был центром военной римской оккупации Крыма⁶.

Со времени Траяна увеличивается влияние римлян в Ольвии. Как отметил В. В. Латышев⁷, с этого времени в Ольвии входят в употребление римские имена, которые даются в честь Траяна и Адриана. В этом явлении нельзя не видеть отзвука одержанных Траяном на Дунае побед, тем более что образование провинции Дакии придало римской власти в придунайских

¹ Греческие и латинские надписи, найденные на юге России в 1892—1894 гг. МАР, вып. 17, 1895, стр. 6.

² А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 73; А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 155—156.

³ М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны, стр. 12.

⁴ IPE, I², 417, 547, 554.

⁵ IPE, I², 550 и 551; Н. И. Репников. О характере римской оккупации южного берега Крыма. СА, VII, 1941, стр. 126.

⁶ М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны, стр. 7.

⁷ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, стр. 194.

странах более чем когда-либо прочный характер. При Антонине Пие эти связи еще более усилились: ольвиополиты, не будучи в состоянии справиться с аланами, нападшими на их город, обратились к императору за помощью¹. Весьма вероятно, что с этого момента в Ольвии появляется римский гарнизон, так как прекращаются всякие сообщения о набегах на Ольвию². Трудно, однако, категорически утверждать, что римский гарнизон в Ольвии состоял из отрядов мёзийского войска. Бесспорно, тем не менее, что Ольвия не входила в состав провинции; римский гарнизон был лишь шагом на пути включения Ольвии в состав Нижней Мёзии. Окончательное признание Ольвией верховной власти Рима произошло при Септимие Севере³.

8. Начало социально-экономического кризиса в Мёзии в конце II в. н. э.

В конце II в. н. э. с особенной силой сказались те противоречия, которые назревали в Мёзии с момента римского завоевания. К этому времени относятся многочисленные упоминания в надписях о разбойниках (*latrones*). Советские и болгарские историки уже неоднократно обращали внимание на социальный смысл этого термина в римской истории⁴. Эпитафии из Мёзии свидетельствуют об убийствах разбойниками жителей; иногда прямо указывается цель убийства — ограбление⁵. Однако ограбление было, очевидно, не единственным поводом убийства. Одна надпись говорит об убийстве солдата легиона⁶, другая — об убийстве солдата когорты⁷. В этих двух случаях вряд ли речь может идти об убийстве с целью грабежа; естественнее видеть в этом случае протест против насилия римских солдат. Чувство ненависти к римским властям, возможно, руководило и убийцей некоего декуриона муниципия⁸.

¹ SHA. Ant. Pius, 9; В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 190.

² М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны, стр. 7.

³ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, стр. 195.

⁴ А. Д. Дмитриев. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 101—114; Д. П. Дмитриев. «Историч. преглед», София, 1946/47, кн. I, стр. 37—38; А. Д. Дмитриев. ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85; Е. М. Штаерман. ВДИ, 1948, № 2, стр. 65—74.

⁵ «An. ép.», 1934, № 72: *Jul(iae) Restutae infelicissime interfectae annor(um) X causa ornamentor(um)*; CIL, III, 2399, 2544.

⁶ «Ann. ép.», 1934, № 203.

⁷ G. Santasuzene. Un papyrus latin relatif à la défense du Bas Danube, стр. 44.

⁸ «Ann. ép.», 1934, № 204.

Несколько надписей времени Коммода говорят об укреплении берега Дуная в местах, удобных для тайных переходов разбойников¹. О разбойниках в других дунайских провинциях во времена Маркоманнской войны сообщает Капитолин².

Картину тревожного состояния во фракийских областях дополняет надпись 202 г., найденная у села Дмитриево (Старо-загорский округ), так называемая «пизосская» надпись³. Это — эдикт провинциального правителя, изданный в связи с реорганизацией управления торгового пункта (ἐμπόριον). В эдикте, между прочим, говорится, что управлять торговыми станциями должны не топархи, а городские советники, которые «защитят богатство и добро от прочих, которые решат бесчестно внести смуту и беззаконие». Очевидно, и в этой надписи речь идет о «разбойниках».

Надписи из придунайских провинций дают некоторый, хотя и неполный, ответ на то, кем были эти *latrones* в интересующих нас областях. Надпись, найденная у села Громада во Фракии, содержит жалобу крестьян села Скаптопара⁴. Хотя жалоба адресована императору Гордиану и относится к 40-м годам III в., тем не менее она говорит о событиях, происходивших уже в течение нескольких десятков лет. Крестьяне жалуются на то, что их село пришло в упадок и жители покидают его, оставив очаги своих предков. Причина несчастья лежит в том, что в село Скаптопара, расположенное на бойком месте (близ ярмарки, между двух военных лагерей, да, кроме того, еще лежащее у горячих лечебных источников), начало заходить и заезжать множество людей — солдаты и командиры из соседних лагерей, различные начальники-администраторы, просто богатые люди, приезжавшие лечиться, — и требовать бесплатной квартиры и припасов. Крестьяне грозят уйти из своих домов, подобно тому как ушли уже многие из их села. В начале своего обращения к императору скаптопаренцы обосновывают свою жалобу тем, что, как и сам император часто говорит в своих рескриптах, жители, убежавшие со своих мест, наносят ущерб благосостоянию страны. Очевидно, надпись из Скаптопары, говорящая о бегстве крестьян из своего села, отражает

¹ H. Dessau. *Inscr. lat. sel.*, 8913=CIL, III, 3385: ...ripam omnem burgis a solo extractis item praesidis per loca opportuna ad clandestinos latrunculorum transitus oppositis munivit.

² SHA. Vita M. Aur., 21.

³ W. Dittenberger. *Syll.*³, 10—II, 880, 11: τοὺς ἐνοικοῦντας καὶ [μὴ μόνον αὐτοὺς τὰντα πράσσειν, ἀλλὰ [κ]αὶ ἀπὸ τῶν ἄλλων τῷ ἀδικεῖν ν[εωτε]ρίζειν προηρημένων ῥύεσθ[αι χρ]εῖας καὶ πολυπληθείας.

⁴ Г. Кацаров. Просбата на скаптопаренците до императора Гордиана III. «Годишник на Софийския университет», I, 1904—1905.

не частное явление, а общее положение во фракийско-дунайских областях Римской империи.

По аналогии с движением богаудов в Галлии, можно предположить, что состав разбойников пополняли также и разорившиеся горожане, бежавшие от хозяев рабы и дезертиры из армии¹.

Наряду с этим процессом обнищания фракийского крестьянства шел процесс концентрации богатств в руках фракийской знати, которая во II в. н. э. была, как правило, романизована. Чрезвычайно интересна в этом отношении находка клада около города Плевны, в деревне Николаево². Сокровище поражает своим богатством: оно состоит из 22 золотых предметов (несколько пар серег, ожерелья, браслеты, кольца), множества серебряной посуды и 374 серебряных монет, чеканенных в Риме от времени Тита до Филиппа Араба. Надпись на одном из колец — AURELIUS BITUS BOTU HERCULI³ знакомит нас с одним из хозяев этих богатств. Это некий романизованный фракиец — Аврелий Бит. Очевидно, клад собирался рядом поколений богатой фракийской семьи.

Ко времени Адриана или Антонина Пия⁴ относятся упоминания о первых *burgi* и *praesidia* во фракийских областях. Все исследователи, занимавшиеся вопросом об этих маленьких крепостях, подчеркивают, что военное значение их было невелико⁵.

Кроме того, они были расположены не только на границе империи, но и в глубине страны. *Burgi* имели главным образом полицейские функции: наблюдение за безопасностью на дорогах и внутри страны. Для выяснения целей, с которыми было связано строительство бургов, важна надпись из села Кара-Кютюк (Бургасский округ), которая говорит о строительстве *burgi* и установлении *praesidia* во Фракии: «...*burgos et praesidia ob tutelam provin(ciae) Thraciae fecit...*»⁶. Еще более характерна надпись из села Кутловица: «...*burgum constitui iussit unde latrunculos observarent*»⁷. Таким образом, строительство маленьких крепостей (*burgi*) и создание всевозможных

¹ А. Д. Дмитриев. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 101—114.

² ИБАД, 1913. Римское съкровище от Николаево.

³ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на перстне стоит *botu* вместо *votu(m)*. Однако в Мёзии звук *V* часто был заменен звуком *B*: *Bettia* вместо *Vettia* и др. См. В. Георгиев. Надпись вверху керамидата от с. Главиница, «Разкопки и проучвания», IV, 1950.

⁴ Г. К а ц а р о в. Антични паметници из България. ИБАИ, 1914, стр. 108.

⁵ Там же, стр. 109.

⁶ Там же, стр. 107, № 31.

⁷ АЕМ, XVII, стр. 214, № 112 = NHY, III, стр. 195.

praesidia следует поставить в связь с развитием «разбойничества» на Дунае.

После завоевания Дакии римлянами следовало бы ожидать резкого уменьшения числа войск в Нижней Мёзии, ставшей внутренней провинцией. Однако этого не произошло. С 101 по 168 г. в провинции попрежнему находятся три легиона: I Италийский в Новах, XI Клавдиев в Дуросторе и V Македонский в Трезмисе. Только около 170 г. последний легион был переведен в Дакию (в Потаиссу)¹. Помимо крепостей и легионных стоянок на Дунае римляне создали еще и другую военную линию вдоль Гема, используя естественные позиции в наиболее важных в стратегическом отношении пунктах, на дорогах, пересекающих Балканские горы². Эта линия, очевидно, была предназначена задерживать тех же разбойников. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что даже в столь отдаленной от границ провинции, как Фракия, римляне в II в. держат много войск: со времени Траяна до Септимия Севера во Фракии стояла когорта II Lucensium, в 113—114 гг. — когорты II Bracaraugustanorum и IV Gallorum. Надпись из Скаптопары говорит о двух военных лагерях, находящихся один около другого³. Вероятно, армия исполняла обязанности, связанные с поддержанием порядка внутри провинций, и вела борьбу с «разбойниками».

Конец 60-х и 70-е годы были периодом наиболее ожесточенных боев римлян с племенами, которые жили к северу от Дуная в его верхнем и среднем течении (германцы) и к северу от римской Дакии (сарматы).

Эта война была страшна римлянам не только потому, что Рим был ослаблен только что закончившейся Парфянской войной, но и потому, что племена, наступавшие извне на Римскую империю, встречали прямую поддержку со стороны племен, ранее завоеванных римлянами, ненавидевших их и стремившихся использовать любое ослабление своего завоевателя, чтобы скинуть ярмо порабощения. Есть основания считать, что фракийцы Мёзии приняли участие в борьбе против Рима в период Маркоманнской войны. В биографии Марка Аврелия упоминается о том, что против Рима выступили наряду с другими племенами и бессы⁴. Речь здесь, безусловно, идет о бессах, населявших Малую Скифию.

¹ «Klio», VI, 1906, стр. 73—78.

² H. Van der Weerd. Étude historique sur trois légions romaines du Bas Danube. Louvain — Paris, 1907, стр. 362.

³ Д. П. Дмитриев. Революционные брожения в Тракия и Мизия през римско време. «Истор. преглед», 1946/47, кн. I, стр. 49.

⁴ SHA. Vita Marci, 22, 1; А. Д. Дмитриев. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 81.

Может быть, надпись в честь Клавдия Фронтонa, легата Верхней Мёзии и трех Дакий, сообщающая о том, что V Македонский легион (имевший в это время постоянный лагерь в Дакии) сражался на территории Нижней Мёзии, также свидетельствует о выступлении населения Мёзии против Рима¹.

Эти события дали возможность племени костобоков, первоначальным местопребыванием которых следует считать восточные Карпаты, без особых усилий пройти летом 170 г. через весь Балканский полуостров². Павсаний говорит о том, что в его время, «когда разбойничий отряд костобоков вторгся в Элладу, он дошел до Элатей. Тогда один из жителей Элатей, Мнесибул, собрал вокруг себя отряд из своих взрослых сограждан, убил многих варваров, но и сам пал в битве»³. Естественнее всего предположить, что костобоки попали в Фокиду, пройдя через Нижнюю Мёзию, Фракию, Македонию и Ахайю. Действительно, одна надпись из Мёзии, найденная у Адамклисси (Tropaenum Traiani), сообщает⁴ о некоем *Costobocis interfectus*, а другая — об укреплении стен Филиппополя в это время⁵. Сообщение Павсания о том, что житель Фокиды Мнесибул оказывал сопротивление костобокам, возглавив ополчение, создает впечатление, что костобоки беспрепятственно прошли через весь Балканский полуостров, не встретив сопротивления римских войск.

Маркоманнские войны Марка Аврелия усилили и обострили те противоречия, которые существовали между фракийскими племенами и римлянами на всем протяжении истории римской Мёзии.

Борьба низших слоев фракийского общества против римлян и своей романизованной знати, отмечавшаяся нами еще в начальный период владычества римлян на нижнем Дунае, в конце II в. завершилась открытым выступлением. Фракийцы Мёзии борются против основного зла римской завоевательной политики — они стремятся вернуть отобранные у них и отданные римским колонистам земли. Об этом свидетельствует надпись из Адамклисси, поставленная, очевидно, в 177—179 гг. н. э. по приказу Гельвия Пертинакса, правителя Нижней и Верх-

¹ CIL, III, 1457, 7505. Однако для категорического утверждения о том, что «пламя опустошительного восстания... разлилось по всей Мёзии» (А. Д. Дмитриев. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 82), у нас нет достаточных оснований.

² О. В. Кудрявцев. Вторжение костобоков. ВДИ, 1950, № 3, стр. 56—70.

³ Paus., X, 34, 5. Надписи о пребывании костобоков в Греции см. Р. Е., Kostoboken, 1506.

⁴ CIL, III, 14214, 12.

⁵ ИБАИ, 1932/33, стр. 112, примеч. 4.

ней Мёзии, о том, что он возвращал захваченные фракийцами земли их прежним владельцам¹.

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что в административном управлении Нижней Мёзии в середине 70-х годов II в. происходят некоторые изменения. В то время как раньше квестор в *vicus Quintionis* регулярно избирался только из числа римлян, с 175 г. на этом посту ежегодно чередуются то фракиец, то римлянин. Очевидно, фракийские племена Мёзии сумели воспользоваться ослаблением Рима в борьбе с германцами и сарматами и получить еще одну уступку у римлян в системе управления. Следует отметить также, что в надписях Мёзии конца II в. появляются ошибки, которых ни в I, ни в начале II в. нам не приходилось отмечать. Например, один алтарь из Истрии датирован консульством императора Вера и некоего Квинтиллы², в то время как известно, что Люций Вер был консулом три раза и ни разу не исполнял этой должности вместе с Квинтилом³. Создается впечатление, что жители Малой Скифии были плохо осведомлены о том, что происходило в Риме. Очень странно, на деревенский манер, назван в этой надписи император Вер — *Verus Caesar*. Другой алтарь из Малой Скифии (Ульметум) датирован годами правления местного магистрата, ставящего алтарь *anno suo*; обычно же надписи из этой местности датировались годами консульств.

Для надписей Нижней Мёзии характерны имена, из которых видно, что отец носил фракийское имя, а сын — римское. Однако уже во II в. можно заметить обратное явление: отец и мать носят римские имена, дети же их — фракийские. Так, один солдат по имени *Valerius Marcus* и его жена *Aurelia* из Дуростора называют своих детей фракийскими именами — *Seisiperis*, *Mamutzis*, *Matida* и даже *Decibalus*⁴. Среди членов религиозной общины, состоящей из местных жителей (*nomina Vacchi vernaculorum*), встречаются имена *Decibalus* и *[Buro] busta*⁵. Некий *Caius Julius Attius* ставит надпись в честь своей дочери, носящей фракийское имя *Zia*⁶. Ветеран XI Клавдиева легиона *Aurelius Victor* ставит надпись дочери или сыну по имени *Drizu* [*parus* или *para*]⁷. Характерно также употребление фракийских *cognomen* в списке солдат, отпущенных из

¹ CIL, III, 14437, 2.

² Pârvan. Histria VII, № 53, стр. 79.

³ R. E., Seionius, 1836, 1837, 1851.

⁴ CIL, III, 7477.

⁵ CIL, III, 7437, I, 1 и 52; II, 1 и 19.

⁶ Д. П. Димитров. Надгробные плочи от римско време в Северна България. София, 1942, № 74.

⁷ ИБАД, 1911, стр. 181.

VII Клавдиева легиона в 195 г.¹, тогда как еще в середине века солдаты из числа местных жителей принимали чисто римские имена² и их неримское происхождение можно было определить лишь по помен императора, во время правления которого они выходили в отставку и получали римское гражданство. В этом стремлении подчеркнуть свое фракийское происхождение нельзя не видеть протеста против романизации и определенной гордости за свою народность.

В связи с вопросом о степени романизации фракийцев Мёзии следует коснуться религиозных верований различных слоев населения Мёзии. Прекрасная работа болгарского исследователя Янко Тодорова (посвященная истории религиозных культов в Нижней Мёзии)³, в которой собраны посвятельные и надгробные надписи этой области, дает нам возможность без особого труда проследить, кто были лица, делающие посвящения римским божествам. Юпитеру Лучшему Величайшему, Юноне и Минерве, официальный государственный характер культа которых очевиден благодаря формуле *pro salute imperatoris*, поклоняются римляне, военные и гражданские лица, занимающие административные посты, и среди них — правители провинции, многочисленные магистраты городов и сел, ветераны, солдаты и офицеры римских легионов. Это именно та римская и романизованная фракийская прослойка мёзийского общества, на которую опирались римляне в своей провинциальной политике и против которой выступали фракийские земледельцы на протяжении двух исследуемых в этой работе веков римского владычества в Мёзии. Но следует отметить, что подавляющим большинством надписей, в которых в качестве посвящающих лиц фигурируют люди с фракийскими именами, являются надписи в честь фракийского божества — *Heros*, «*Ηρώς, Θεός*» «*Ηρώς*»⁴. Большинство посвящающих — частные лица; в редких случаях мы встречаем упоминание о том, что дедикант — солдат или жрец.

Было бы, однако, ошибочным утверждать, что греческие, а позднее римские религиозные представления не оказали влияния на верования фракийцев. Можно встретить посвящения в честь Аполлона, Артемиды-Дианы, Асклепия и Сильвана,

¹ «Ann. ép.», 1901, № 12.

² CIL, III, 7479.

³ Я. Т о д о р о в. Паганизъмът в Долна Мизия. София, 1928.

⁴ Культ Героя, фракийского всадника, был связан у древних фракийцев с верой в загробный мир. Изображение змея, в образе которой фракийцы представляли себе душу умершего (ИБАИ, 1928/29, стр. 13), непременно фигурирует на рельефах в честь бога-всадника. В римское время отчетливо выступает и другая сторона культа Героя как бога-охотника.

сделанные фракийцами. Однако, сохранив свое римское или греческое имя, божества-пришельцы иногда становились неузнаваемыми: фракийцы придавали их культу совсем иное, фракийское содержание. Наибольшей популярностью по сравнению с другими греко-римскими культами у фракийцев пользовался культ Асклепия, который заменил культ фракийского бога-целителя Телесфора. Фракийцы, восприняв греческое имя бога, придают его культу фракийское содержание: об этом свидетельствует и то, что они изображают его в виде фракийского всадника, и то, что они придают ему в посвящениях фракийское прозвище Ἀσκληπιῷ Σαλδηνῶ, Ἀσκληπιῷ Σαλδουσηνῶ¹. Чисто фракийскую окраску приобретает и культ Аполлона, которого следует поставить на второе место по числу надписей, посвященных фракийцами: во многих случаях он также изображается в виде фракийского всадника и получает фракийское прозвище Αὐλαριόχος и Αὐλαρχηνός. Весьма вероятно, как на это указал Тодоров, имя фракийского бога, идентичного Аполлону, было Аулариох или Ауларкен². Распространение культа Дианы и Диониса среди фракийцев Мёзии в римское время следует также объяснять наличием у них подобных божеств, связанных с культом охоты и вина. Широкое распространение италийского праздника розалий, связанного с культом мертвых, может быть до некоторой степени объяснено верой фракийцев в загробный мир, связью италийских розалий с местным фракийским культом Диониса³.

Нам представляется, что изложенное выше дает основания считать, что среди фракийского населения в первые два века нашей эры наибольшей популярностью пользовались фракийские божества. Божества греко-римского пантеона на фракийской почве приобрели черты, свойственные местным фракийским культам; при этом получили наиболее широкое распространение и имели наиболее продолжительное существование те из них, для восприятия которых была подготовлена почва длительным ходом развития фракийских религиозных представлений.

Во II в. н. э. можно отметить уже некоторые результаты того процесса слияния мелких фракийских племен с крупными, этнически и территориально наиболее близкими, который стимулировался борьбой фракийских племен против Рима и который мы пытались проследить на протяжении двух веков. Дион Кассий сообщает об исчезновении требаллов как

¹ Я. Тодоров. Ук. соч., стр. 76.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 60.

самостоятельного племени и о слиянии их с мёзами¹. Между тем, как известно, еще во времена Тиберия упоминаются *civitates Moesiae et Treballiae*², и, следовательно, племя требаллов существовало самостоятельно. Очевидно, мёзы, как одно из самых крупных фракийских племен, к этому времени включили в себя и другие племена. Характерны в этом отношении надписи на пограничных камнях, поставленные римлянами во времена Антонина Пия и разделяющие территорию Мёзии и Фракии: *inter Moesos et Thraces*³. Если Страбон, писавший на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э., понимает под мёзами только отдельное племя, т. е. мёзов в узком смысле⁴, то уже Плиний, писавший в середине I в. н. э., противопоставляет мёзам в узком смысле⁵ мёзийские племена, населявшие всю провинцию⁶. У Диона Хрисостома, который жил в Нижней Мёзии с 69 до 96 г., «геты» и «мёзы» — равнозначные понятия⁷. Точно так же у Диона Кассия название «мёзы» распространяется и на гетов⁸.

Нам представляется, что эти изменения понятия «мёзы» в античной историографии на протяжении двух первых веков нашей эры нельзя считать случайными и что они соответствовали реальному положению дел на нижнем Дунае. Чрезвычайно характерно, что со II в., точнее — со времени Адриана, во фракийских надписях указывается происхождение не по мелкому племенному подразделению, а по принадлежности к фракийской народности: *natione Thrac.* Очевидно, с этого времени у фракийцев «союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа»⁹.

Два первых века нашей эры были для фракийцев Мёзии решающими во многих отношениях — и в смысле формирования у них классового рабовладельческого общества, и в смысле создания из разрозненных фракийских племен Мёзии фракийской народности. Эти явления были подготовлены всем ходом исторического развития мёзийских племен. Римское завоевание обострило социальные противоречия внутри мёзийского общества, тесным образом связанные с народно-освободительной

¹ Dio Cass., LI, 27, 2.

² CIL, V, 1838.

³ CIL, III, 743, 749, 1338, 12407, 14422.

⁴ Strabo., VII, 3, 7.

⁵ Plin., N. H., III, 149.

⁶ Там же, 143: *Moesicae gentes*.

⁷ Dio Chris., XII, 16.

⁸ Dio Cass., LI, 22, 6.

⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 169.

борьбой против Рима (наиболее богатые члены мёзийского общества были в то же время или римлянами или романизированными фракийцами). Войдя в состав Римской империи, Мёзия продолжала жить своей собственной экономической жизнью; зависимость Мёзии от Рима носила внеэкономический характер и была основана на насилии, сопровождавшемся тяжелым налоговым гнетом. Этим главным образом должно быть объяснено стремление северофракийских племен к отделению от Рима, их совместная борьба с племенами и народностями, поднимавшимися против римских завоевателей внутри Римской империи и наступавшими на нее извне.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
 Год. Пл. нар. библ. — Годишник на народната библиотека в Пловдив.
 Б. Н. Граков. Материалы — Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество.
 ИБАИ — Известия на Българския археологически институт.
 ИБИД — Известия на Българското историческо дружество.
 МАР — Материалы по археологии России.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 Нум. сб. — Нумизматический сборник. Изд. Моск. нумизм. об-ва.
 Ростовцев. Римские гарнизоны — М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость, СПб., 1900.
 СА — Советская археология.
 АЕМ — Archäologisch-Epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn.
 CIL — Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini, 1892—1916.
 Dittenberger. Syll.³ — W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum. Leipzig, 1915—1922.
 IGRR — R. Cagnat. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1911—1927.
 IPE — B. Latyschew. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, vol. I, 1916; vol. II, 1885.
 JRS — Journal of Roman Studies.
 JOAI — Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts.
 NHJ — Neue Heidelberger Jahrbücher.
 Pârvan. Dacia. — V. Pârvan. Dacia: An outline of the early civilization of the Carpato-Danubian countries. Cambridge, 1928.
 Pârvan. Histria IV. — V. Pârvan. Histria IV. «Analele Academiei Române. Memoriile sectiunii istorice». Cep. II, т. XXXVIII, 1915—1916.
 Pârvan. Histria VII. — V. Pârvan. Histria VII. «Analele Academiei Române. Memoriile sectiunii istorice». Cep. III, т. II, 1924.
 Pârvan. Ulmetum I, II, III. — V. Pârvan, Ulmetum I, II, III «Analele Academiei Române. Memoriile sectiunii istorice», cep. II, т. XXXIX, XXXVI.
 Patsch. Beiträge. — C. Patsch. Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa. «Sitzungsberichte der Akademie von Wien», т. CCXIV. Wien und Leipzig, 1932.

- B. P i c k — K. R e g l i n g. — B. P i c k — K. R e g l i n g. Die antiken
Münzen Nord Griechenlands, t. I. Die antiken Münzen von Dacien
und Moesien. Berlin, 1898.
- R. E. — A. P a u l y — G. W i s s o w a — W. K r o l l. Realencyclopädie
der klassischen Altertumswissenschaft.
- Rev. arch. — Revue archéologique.
- Rev. belge — Revue belge de philologie et d'histoire.
- Riv. di filol. — Rivista di filologia e d'istruzione classica.
- SHA — Scriptores historiae Augustae.
- T o m a s c h e k. Die alten Thraker. — W. T o m a s c h e k. Die alten
Thraker. «Sitzungsberichte der Wien. Akademie. Phil.-hist. Klasse»,
t. CCXXVIII, CCXXX, CCXXXI.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. Мёзия накануне римского завоевания	7
II. Борьба мёзийских племен против римского завоевания	24
III. Провинция Мёзия в I веке н. э.	30
1. Мёзия до организации провинции	30
2. Паннонско-далматинское восстание 6—9 гг. н. э. и фракийские племена.	38
3. Образование провинции Мёзии	41
4. Римская провинция Мёзия в первой половине I в. н. э.	46
5. Мёзия — база наступательных действий римлян во времена Нерона.	57
6. Мёзия при Флавиях.	61
IV. Социальные и политические отношения в Нижней Мёзии во II в. н. э.	71
1. Нижняя Мёзия и дакийские войны конца I — начала II в. н. э.	71
2. Изменения в составе населения и социальные отношения в Нижней Мёзии во II в. н. э.	84
3. Города и дороги Мёзии	99
4. Административная система Мёзии. Сбор налогов	106
5. Экономическое развитие и состав населения западнопонтийских городов во II в. н. э.	111
6. Состав армии Мёзии и ее роль в экономическом развитии провинции	118
7. Расширение границ провинции Нижней Мёзии	121
8. Начало социально-экономического кризиса в Мёзии в конце II в. н. э.	124
Список сокращений	134

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

Редактор издательства В. Р. Шеейковская. Технический редактор Н. П. Аузан
Корректор Е. И. Чукина. Переплет художника Н. Ю. Гиршман

РИСО АН СССР № 4425. Т-03864. Издат. № 2998. Тип. заказ № 1053. Подп.
к печ. 3/VII 1951 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 4.25. Печ. л. 8,5+2 вклейки.
Уч.-издат. 8,75. Тираж 4000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

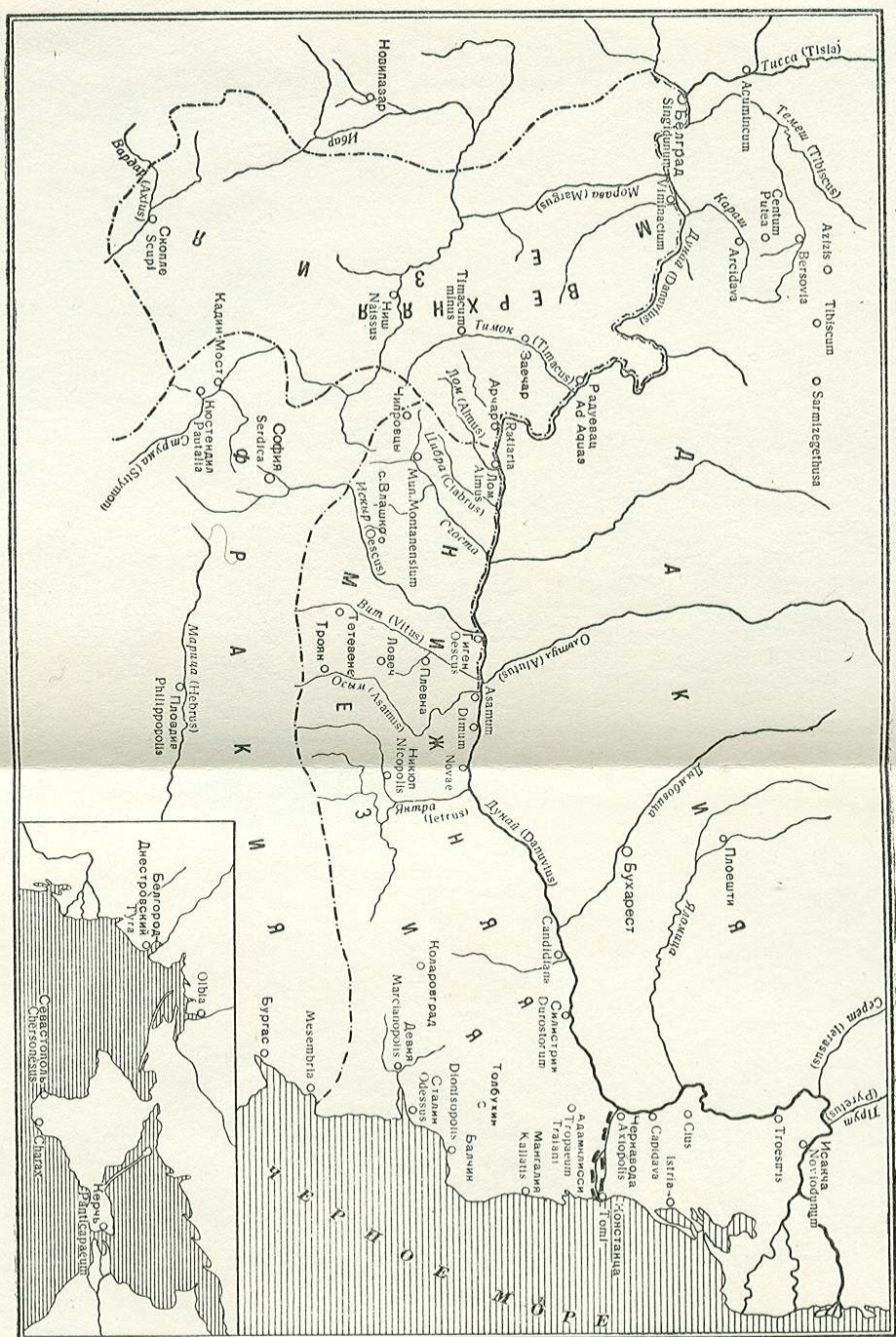
ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строк	Напечатано	Должно быть
9	5 стр.	λαι	λαι
67	2 св.	дарданцев	дарданов
105	24 стр.	VII—IV вв. до н. э.	V—IV вв. до н. э.
118	20 св.	4250 человек пеших когорт).	4250 человек из пеших когорт).

Т. Д. Златковская

Верхняя и Нижняя Мёзия во II в. н. э.

Цена 8 р. 50 коп.